

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2020

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский гос. университет);
О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Академия права и управления ФСИН);
Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Орловский гос. университет);
В. А. Мецераков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России);
Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);
О. С. Розачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);
Т. К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);
М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);
И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);
В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
О. Н. Шеменова, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Н. Н. Масленникова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 12,9. Усл. п. л. 13,3 Тираж 500 экз. Заказ 30 Дата выхода в свет 30.03.2020
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2020
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2020

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 • 2020

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Vorlgoograd State University);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor (Volgograd State University);
Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor (South Ural State University);
O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Academy of law and management of the Federal service of execution of punishments);
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Orel State University);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder:	Editorial address:
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»	394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810 E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder:	Official site:
394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1	www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2020
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ – КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

7

- Казаков А. И., Милицин С. Д., Прошляков А. Д.* О кафедре уголовного процесса Уральского государственного юридического университета 8
- Балакшин В. С.* Научный вклад профессора П. М. Давыдова в становление института обвинения в российском уголовном процессе 21
- Милицин С. Д.* Учитель по имени Платон 26

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

31

- Азарёнок Н. В.* Определение понятия «назначения уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке 31
- Александрова Л. А.* Тождество противоположностей в системе участников уголовного судопроизводства 37
- Бравилова Е. А.* Осмотр места происшествия как способ изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела 44
- Головачук О. С.* Защита прав потерпевшего по делам частного обвинения 53
- Давлетов А. А., Азарёнок Н. В., Асанов Р. Ш.* Проблема функций следователя в уголовном процессе 57
- Давлетов А. А.* Адвокатское расследование: миф или реальность? 71
- Зорин А. И.* Юридические последствия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе РФ 78
- Казакова А. В.* Криминологические основы уголовного процесса 86
- Смирнов В. Н.* Советская модель судебной защиты: поиски и утверждения (1917–1939 гг.) 92
- Экспертное заключение кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии по уголовно-процессуальным аспектам приговора Хамовнического районного суда города Москвы от 27 декабря 2010 года в отношении Ходорковского Михаила Борисовича и Лебедева Платона Леонидовича и иных материалов уголовного дела 125

152

- ### ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ
- Зотов Д.* Возвращение «Правосудия» 152

CONTENTS

SCIENTIFIC SCHOOLS OF RUSSIA – THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE

7 URAL STATE LAW UNIVERSITY

Kazakov A. I., Militsin S. D., Proshliakov A. D. About the department of criminal procedure of the Ural State Law University 8

Balakshin V. S. The scientific contribution of professor P. M. Davydov to the establishment of the institution of prosecution in the Russian criminal process..... 21

Militsin S. D. Teacher named Platon 26

RESEARCHES OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE URAL

31 STATE LAW UNIVERSITY

Azarenok N. V. The definition of “the appointment of criminal proceedings” in the criminal procedure science..... 31

Aleksandrova L. A. Identity of opposites in the system of participants in criminal proceedings 37

Bravilova E. A. An examination of the crime scene as a way to seize items and documents before the institution of criminal proceedings 44

Golovachuk O. S. Protection of rights of the victim in private criminal prosecution..... 53

Davletov A. A., Azarenok N. V., Asanov R. Sh. The problem of the functions of the investigator in criminal proceedings 57

Davletov A. A. Lawyer investigation: myth or reality? 71

Zorin A. I. Legal consequences of the conclusion pre-trial cooperation agreement in criminal proceedings of the Russian Federation 78

Kazakova A. V. Criminological bases of the criminal process 86

Smirnov V. N. The Soviet model of judicial protection: searches and allegations (1917–1939)..... 92

Expert opinion of the Department of criminal procedure of the Ural State Law Academy on criminal procedural aspects of the judgement of the Khamovniki district court of Moscow on December 27, 2010 in relation to Mikhail Khodorkovsky and Platon Leonidovich Lebedev and other materials of the criminal case..... 125

152 ARTS AND JUSTICE

Zotov D. Return of «Justice» 152

**НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ –
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

А. И. Казаков, С. Д. Милицин, А. Д. Прошляков

О КАФЕДРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Уголовный процесс как самостоятельная учебная дисциплина преподавался в Свердловском юридическом институте (Уральская государственная юридическая академия – УрГЮА, Уральский государственный юридический университет – УрГЮУ) со дня его основания. Первоначально занятия вели преподаватели, входившие в состав кафедры уголовного права, а в 1954 г. из нее была выделена кафедра уголовного процесса, которую возглавил выпускник аспирантуры Ленинградского государственного университета кандидат юридических наук (впоследствии – доктор юридических наук, профессор) Платон Михайлович Давыдов (1918–2008).

*Платон Михайлович Давыдов
(1918–2008)*

Платон Михайлович Давыдов родился 18 ноября 1918 г. в Курской области. В 1941 г., после окончания военного артиллерийского училища, был направлен на фронт. Дважды раненый в тяжелейших боях Великой Отечественной войны, он нашел в себе силы для учебы и после окончания Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина поступил в аспирантуру, защитив в 1953 г. кандидатскую диссертацию на тему «Меры пресечения в советском уголовном процессе», а в 1974 г. – докторскую диссертацию на тему «Обвинение в советском уголовном процессе».

Возглавив в 1954 г. вновь созданную в Свердловском юридическом институте кафедру уголовного процесса, Платон Михайлович руководил ее деятельностью на протяжении 34 лет, создав Уральскую школу уголовного процесса, воспитав несколько поколений учеников и опубликовав множество научных трудов, не утративших своего значения и поныне.

© Казаков А. И., Милицин С. Д., Прошляков А. Д., 2020

В работах П. М. Давыдова раскрыты основные признаки и виды обвинения в уголовном процессе, исследованы структура и процессуальная форма его выражения, сформулированы принципиальные положения, касающиеся оснований, условий, особенностей изменения обвинения на различных стадиях уголовного судопроизводства. Многие научные положения, сформулированные П. М. Давыдовым, были восприняты советскими и российскими законодателями.

В числе наиболее значимых публикаций П. М. Давыдова – монографии «Принципы советского уголовного процесса» (Свердловск, 1957), «Обвинение в советском уголовном процессе» (Свердловск, 1973) и «Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе» (Свердловск, 1963 – в соавторстве); учебное пособие «Судопроизводство по новому УПК РСФСР» (Свердловск, 1960 – в соавторстве); разделы и главы в учебниках по уголовному процессу, изданных в различные годы в Москве и Свердловске.

Заслуги Платона Михайловича отмечены многочисленными боевыми орденами, медалями и почетными званиями. За многолетнюю подготовку специалистов для правоохранительных органов ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР», а решением Ученого совета Академии – звание «Почетный профессор УрГЮА».

Платон Михайлович Давыдов руководил кафедрой до 1987 г. За это время произошло становление и развитие кафедры как научного и учебно-методического коллектива. Его усилия продолжили в 1987–2001 гг. профессора Иван Яковлевич Дюрягин, Евгений Петрович Ищенко, доценты Алексей Иванович Казаков и Сергей Дмитриевич Милицин. С 2001 г. кафедру возглавляет почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный адвокат России, доктор юридических наук, профессор Алексей Дмитриевич Прошляков.

В 1950–1960 гг. начал формироваться преподавательский состав кафедры, основу которого составили юристы, не только имеющие прекрасную профессиональную подготовку, но и получившие фронтовую и трудовую закалку в годы Великой Отечественной войны. Боевой путь от заместителя командира артиллерийской батареи до начальника штаба артдивизиона на Западном фронте прошел П. М. Давыдов. Командиром отделения стрелкового взвода на Центральном и 1-м Украинском фронтах был Михаил Никифорович Переверзев. В органах военной юстиции Калининского и 2-го Прибалтийского фронтов служил Петр Николаевич Агафонов, участвовал в боевых действиях Павел Павлович Якимов.

Павел Павлович Якимов родился 28 января 1919 г. в селе Нижнеиргинском Свердловской области. Окончив семилетку в Нижнеиргинске, поступил в педагогическое училище в Красноуфимске. После его окончания работал два года в школе преподавателем математики и физики. В октябре 1939 г. служил на Дальнем Востоке в пограничных войсках. Преодолев все тяготы и лишения Великой Отечественной войны, он остался на военной службе до 1949 г. После демобилизации поступил в Свердловский юридический институт, а затем – в аспирантуру по кафедре гражданского процесса и в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию. В дальнейшем его научная деятельность была связана с кафедрой уголовного процесса. В 1972 г. П. П. Якимов защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы

Павел Павлович Якимов
(1919–2015)

общественного обвинения и защиты в советском уголовном процессе».

Среди его основных трудов – монографии «Правосудие и общественность», «Письменные доказательства в практике арбитража», «Судопроизводство по новому УПК РСФСР»; главы и разделы в учебниках и учебных пособиях, изданных в Москве и Свердловске.

Разносторонность научных интересов П. П. Якимова передалась его ученикам, двое из которых (Валерий Николаевич Бутов и Ахтям Ахатович Давлетов) стали докторами юридических наук.

П. П. Якимов награжден боевым орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» и др.

Отчасти прикладной характер основной учебной дисциплины – уголовного процесса – обусловил постоянную нацеленность кафедры на тесную взаимосвязь с практикой уголовного судопроизводства. Именно поэтому в разное время на кафедре преподавали военный судья П. Н. Агафонов, опытные прокурорские работники Л. Е. Сигалов, Ю. Д. Фролов, начальник Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ Б. Н. Илюхин, известный адвокат Д. П. Прошляков и др. Эта традиция сохраняется и сегодня.

Как правило, для преподавательской работы на кафедру приглашаются специалисты, имеющие опыт практической работы. Длительное время передавал студентам богатые знания и навыки доцент Леонид Николаевич Решетников – судья Свердловского областного суда в отставке, имеющий более сорока лет судейского стажа. Удачно вошли в кафедральный коллектив бывшие практические работники кандидаты юридических наук, доценты Людмила Анатольевна Александрова, Екатерина Александровна Бравилова, Елена Викторовна Никитина; Владимир Николаевич Смирнов, долгие годы возглавлявший Свердловскую областную коллегия адвокатов и Адвокатскую палату Свердловской области, в 2005 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную современным проблемам доказывания по уголовным делам; Виктор Степанович Балакшин, имеющий длительный стаж работы в прокуратуре.

Но если раньше юристы, как правило, оставляли практическую деятельность, переходя на преподавательскую работу, то теперь многие работники кафедры повернулись лицом к практике. Профессор Ахтям Ахатович Давлетов, доценты Николай Васильевич Азарёнок, Александр Юрьевич Егоров, Алексей Иванович Казаков, Марина Викторовна Мерзлякова, Еле-

на Юрьевна Никифорова, Валерий Владимирович Рудич старший преподаватель Алексей Николаевич Бердышев имеют статус адвоката. Профессор Асия Океановна Машовец успешно совмещает преподавательскую работу с деятельностью нотариуса.

Сохраняя традицию связей с практикой, кафедра постоянно готовит научно-консультативные экспертные заключения по сложным и спорным вопросам применения норм уголовно-процессуального права по запросам уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, Конституционного Суда РФ, Свердловского и Курганского областных судов, следственных органов и адвокатов.

В течение многих лет на кафедре преподавалась только одна учебная дисциплина – советский уголовный процесс. Это позволило накопить богатый методический опыт, реализовавшийся в многочисленных учебных пособиях для студентов. Кафедра одной из первых в стране откликнулась на кодификацию отечественного законодательства конца 1950-х – начала 1960-х гг., выпустив учебные пособия: П. М. Давыдов, П. П. Якимов «Применение мер процессуального принуждения по Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (Свердловск, 1961) и П. М. Давыдов, Д. В. Сидоров, П. П. Якимов «Судопроизводство по новому УПК РСФСР» (Свердловск, 1962). Профессор П. М. Давыдов участвовал также в написании ряда учебников по уголовному процессу, вышедших в 1970–1980-е гг. Многим студентам помогло разобраться в сложностях уголовного судопроизводства оригинальное учебное пособие «Уголовный процесс» (Екатеринбург, 1992), написанное на основе сквозной фабулы конкретного уголовного дела коллективом кафедры под редакцией профессора И. Я. Дюрягина. В настоящее время преподавателями кафедры подготовлены и изданы учебно-методические комплексы, включающие в себя все материалы, необходимые для студентов различных форм обучения.

С конца 1970-х гг. в учебный процесс стали активно внедряться технические средства и деловые игры. Для обучения будущих юристов практическим навыкам участия в судебных процессах Свердловская киностудия в 1978 г. выпустила короткометражный фильм «Судебное разбирательство по уголовному делу», снятый по сценарию старшего преподавателя П. Н. Агафонова. В его съемках наряду с профессиональными артистами участвовали не только преподаватели, но и студенты.

В последние годы на смену учебным кинофильмам пришли другие технические средства, в том числе компьютерная техника, которые приобретают большое значение, особенно при преподавании предметов, недавно введенных в учебные планы.

Как и в прежние годы, студенты, наиболее глубоко увлекающиеся проблемами уголовного судопроизводства, занимаются в научных кружках. Лучшие из кружковцев после окончания академии продолжают обучение в магистратуре, аспирантуре.

Преемственность преподавательского состава хорошо заметна и в наши дни. В последнее десятилетие ушли на заслуженный отдых долгие годы посвятившие работе на кафедре доценты Альберт Владимирович Кожеников, Владимир Михайлович Парадеев, Наиф Шафикович Мингалин,

Татьяна Александровна Соловьева, проработавшие в вузе более 30 лет. Ярко и интересно читают лекции и проводят занятия профессора В. С. Балакшин, А. А. Давлетов, Ю. В. Козубенко, А. О. Машовец, А. Д. Прошляков, доценты Н. В. Азарёнок, Л. А. Александрова, Е. А. Бравилова, О. С. Головачук, В. В. Дьяконова, А. Ю. Егоров, А. И. Зорин, А. И. Казаков, А. А. Казаков, А. В. Казакова, М. В. Мерзлякова, С. Д. Милицин, Е. В. Никитина, Е. Ю. Никифорова, В. С. Раменская, В. В. Рудич, В. Н. Смирнов.

Стоят (слева направо): Ю. В. Козубенко, Е. А. Бравилова, А. Н. Бердышев, Н. В. Азарёнок, А. И. Казаков, С. Д. Милицин, А. В. Казакова, А. И. Зорин, В. Н. Смирнов, Н. Ш. Мингалин, В. С. Балакшин, А. А. Давлетов, В. В. Рудич, А. Ю. Егоров.

Сидят (слева направо): Е. Ю. Никифорова, Л. А. Александрова, В. В. Дьяконова, М. В. Мерзлякова, А. Д. Прошляков, М. М. Аксенова, О. С. Головачук, Е. В. Никитина, А. О. Машовец, В. С. Раменская

Безукоризненно выполняют важную для кафедры работу лаборанты М. М. Аксенова и А. М. Шакирова.

Среди питомцев кафедры – преподаватели и руководители юридических факультетов, известные юристы России и ближнего зарубежья доктора юридических наук, профессора В. Н. Бутов, В. М. Быков, Ф. М. Кудин, Л. М. Володина, В. А. Семенцов, кандидат юридических наук, профессор А. П. Кругликов, кандидаты наук, доценты В. Д. Адаменко, С. А. Александров, В. М. Жуковский, Н. Р. Максимов, А. П. Евсютина, О. В. Рябкова и др.

Перешли на работу в судебную систему преподававшие на кафедре Е. В. Салтыков, А. В. Пушкарев, Н. А. Селедкина, О. А. Андреянова, практическую деятельность избрала Е. В. Жоголева.

Преподаватели кафедры всегда поддерживали тесные научные связи с учеными-процессуалистами из других вузов. Сотрудничество с коллегами постоянно развивается и совершенствуется.

В 1980–1990-е гг. произошло увеличение профессиональных контактов с зарубежными коллегами. Профессор И. Я. Дюрягин побывал в 1989 г. на ознакомительной стажировке в правоохранительных органах и учебных заведениях Демократической Республики Вьетнам. Познавательными и полезными для совершенствования методики преподавания и подготовки новых учебных курсов были стажировки профессора А. Д. Прошлякова (1995, 2004 гг.) и доцента С. Д. Милицина (1996 г.) на ведущих юридических факультетах университетов США и Германии. Многие преподаватели кафедры участвовали в различных международных научных конференциях, проводившихся в нашей стране и за рубежом. Так, в 1997 г. С. Д. Милицин принял участие в конференции Международной ассоциации уголовного права и процесса (AIDP), проходившей в итальянском городе Сиракузы.

27–28 января 2005 г. состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию кафедры уголовного процесса. В ней приняли участие около 100 ученых-процессуалистов и практиков. «География» юбилейного мероприятия оказалась необычайно широка – от Калининграда до Иркутска. Конференцию не обошли вниманием и специалисты из Белоруссии, Казахстана, Латвии, Литвы, Украины. По результатам работы конференции был издан двухтомный сборник выступлений и докладов ее участников.

Во всех институтах и факультетах университета кафедра обеспечивает преподавание курса уголовного процесса, а также следующих дисциплин: «Юридические процессуальные документы», «Методика исследования и оценки доказательств в уголовном процессе», «Особенности предварительного следствия по отдельным видам преступлений», «Особенности привлечения к уголовной ответственности лиц с особым правовым статусом» (Институт юстиции, специальность «Правовое обеспечение национальной безопасности», специалитет), «Особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей» (Институт юстиции и Институт специальных образовательных программ, бакалавриат).

При составлении нового учебного плана с учетом мнения преподавателей кафедры и студентов в него был включен курс «Процессуальный порядок производства следственных действий» (Институт юстиции, специальность «Правовое обеспечение национальной безопасности», специалитет), подготовленный доцентами Л. А. Александровой и Е. А. Бравиловой.

Преподаватели кафедры руководят двумя направлениями магистерской подготовки Института юстиции – «Адвокатская деятельность» (А. А. Давлетов), «Уголовный процесс (судебная деятельность)» (А. Д. Прошляков), по которым преподаются на очной и заочной формах обучения следующие дисциплины: «Актуальные проблемы права», «Проблемы статуса и правомочия адвоката в уголовном процессе», «Деятельность адвоката на различных стадиях уголовного процесса», «Современные практические и научные проблемы деятельности адвоката в уголовном процессе», «Особенности судопроизводства по уголовным делам в отношении отдельных категорий

лиц», «Состязательность в судебных стадиях уголовного процесса», «Прения сторон в уголовном процессе», «Актуальные проблемы права», «Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве», «Исключительные и чрезвычайные стадии уголовного судопроизводства», «Современные проблемы доказывания по уголовным делам», «Особые производства в уголовном процессе и обжалование в суд действий и решений органов предварительного расследования», «Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права», «Проблемы действия уголовно-процессуального закона во времени, в пространстве и по кругу лиц», «Уголовное судопроизводство с участием суда присяжных», «Право на судебную защиту прав и интересов участников уголовного судопроизводства».

Кроме того, кафедра обеспечивает преподавание нескольких дисциплин по направлению магистерской подготовки Института юстиции «Следственная деятельность»: «Актуальные проблемы права», «Доказательства и доказывание по уголовным делам», «Состязательность в судебных стадиях уголовного процесса».

Преподаватели кафедры руководят учебной, ознакомительной и производственной практикой студентов, используют интерактивные формы обучения: деловые игры, презентации, решение задач, тесты.

На заседаниях кафедры регулярно рассматриваются вопросы учебно-методической работы, а после проведения учебных сессий рассматриваются их итоги, в ходе которых выявляются проблемы и намечаются пути улучшения качества учебного процесса.

Фундаментальные научные исследования на кафедре ведутся по специальности 12.00.09 – уголовный процесс под общим руководством заведующего кафедрой по нескольким направлениям:

- «Взаимосвязь уголовно-процессуального и других отраслей российского права» (куратор направления – профессор А. Д. Прошляков);
- «Современные проблемы доказывания по уголовным делам» (кураторы направления – профессор В. С. Балакшин, профессор А. А. Давлетов);
- «Реализация судебной власти в уголовном судопроизводстве» (кураторы направления – А. А. Давлетов, А. Д. Прошляков).

По этим направлениям после принятия УПК РФ аспирантами и соискателями кафедры защищены 42 диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук:

2002 г.

Н. Е. Борохова «Процессуальные и тактические особенности защиты по делам об убийствах» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2003 г.

М. К. Гулялова «Действие уголовно-процессуального закона во времени, пространстве и по кругу лиц» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

А. Ю. Егоров «Состязательность в стадии назначения судебного заседания» (научный руководитель – С. Д. Милицин).

2004 г.

В. С. Раменская «Институт реабилитации в уголовном процессе» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2005 г.

Ю. Н. Соколов «Использование результатов электронного наблюдения в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности» (научный руководитель – С. Д. Милицин);

А. И. Зорин «Гражданский иск в уголовном процессе» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

В. С. Балакшин «Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК РФ)» (научный консультант – А. Д. Прошляков);

Н. А. Селедкина «Судебное следствие в российском уголовном процессе» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

В. В. Дьяконова «Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве РФ» (научный руководитель – С. Д. Милицин).

2006 г.

В. Ю. Сафонов «Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве» (научный руководитель – профессор В. А. Семенцов);

Е. В. Жоголева «Изменение обстановки при производстве по уголовному делу» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

В. А. Семенцов «Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве» (научный консультант – А. Д. Прошляков);

Ю. В. Козубенко «Уголовное преследование: вопросы теории и практики» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

И. А. Пикалов «Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2007 г.

Е. В. Салтыков «Домашний арест в российском уголовном процессе» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

А. В. Пушкарев «Применение норм уголовно-процессуального права при обратной силе уголовного закона» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2008 г.

А. Н. Рыжих «Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса» (научный руководитель – С. Д. Милицин);

Л. В. Макогон «Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела» (научный руководитель – С. Д. Милицин);

М. В. Мерзлякова «Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

Ю. Е. Румянцева «Официальное толкование норм уголовно-процессуального права» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

Г. Г. Скребец «Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования» (научный руководитель – В. А. Семенцов).

2009 г.

Е. В. Скутина «Амнистия в уголовном судопроизводстве» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

А. Е. Зонova «Полномочия суда в стадии возбуждения уголовного дела» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

Е. Г. Котеля «Уголовно-процессуальный статус присяжных заседателей» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

А. В. Курдюкова «Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

А. А. Казаков «Заочное судебное разбирательство уголовных дел» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

В. А. Андреев «Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации» (научный руководитель – В. С. Балакшин).

2010 г.

О. В. Добровлянина «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

В. С. Калашников «Правовые последствия отказа в возбуждении уголовного дела» (научный руководитель – С. Д. Милицин);

Д. В. Шикаев «Реализация полномочий защитника при производстве в надзорной инстанции» (научный руководитель – В. С. Балакшин).

2011 г.

Н. С. Гамаюнов «Уголовно-процессуальные аспекты института необходимой обороны» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

П. В. Вдовцев «Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования» (научный руководитель – В. С. Балакшин);

В. В. Маслов «Деятельность суда по обеспечению прав и законных интересов граждан в процессе оперативно-розыскных мероприятий» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2013 г.

А. В. Булыгин «Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ» (научный руководитель – В. С. Балакшин).

2014 г.

Е. В. Иванова «Руководитель следственного органа как субъект уголовного судопроизводства» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2015 г.

Н. А. Жумаканова «Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики» (научный руководитель – В. С. Балакшин).

2016 г.

К. К. Клевцов «Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации» (научный руководитель – В. С. Балакшин).

2017 г.

И. И. Ахматов «Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений» (научный руководитель – А. Д. Прошляков).

2018 г.

А. И. Зазулин «Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу» (научный руководитель – В. С. Балакшин);

А. М. Угренинова «Подсудность в уголовном процессе» (научный руководитель – А. Д. Прошляков);

А. О. Машовец «Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации» (научный консультант – А. Д. Прошляков);

Ю. В. Козубенко «Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования» (научный консультант – А. Д. Прошляков).

После принятия УПК РФ членами кафедры опубликованы следующие монографии:

1. Балакшин В. С. Доказательства в российском уголовном процессе : понятие, сущность, классификация (Екатеринбург, 2002).

2. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (Екатеринбург, 2004).

3. Раменская В. С., Раменский С. Е., Раменская Г. П. Системный анализ дидактического опыта высшей школы (Екатеринбург, 2005).

4. Жоголева Е. В., Прошляков А. Д. Государство. Право. Война : 60-летие Великой Победы / под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник (СПб., 2005).

5. Семенов В. А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве (Екатеринбург, 2006).

6. Семенов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие вопросы теории и практики) (Екатеринбург, 2006).

7. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование : опыт комплексного исследования (СПб., 2006).

8. Азарёнок Н. В., Давлетов А. А. Программа уголовного судопроизводства (М., 2009).

9. Козубенко Ю. В. Защита авторских прав на программы в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве (М., 2009).

10. Пушкарев А. В. Применение норм уголовно-процессуального права при обратной силе уголовного закона (М., 2009).

11. Салтыков Е. В. Домашний арест в российском уголовном процессе (М., 2009).

12. Курдюкова А. В., Прошляков А. Д. Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте (М., 2010).

13. Пушкарев А. В. Применение норм уголовно-процессуального права при обратной силе закона. 2-е изд., перераб. и доп. (М., 2010).

14. Жоголева Е. В. Изменение обстановки при производстве по уголовному делу (М., 2011).

15. Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора (М., 2011).

16. Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (М., 2011).

17. *Бравилова Е. А., Федосеева Е. Л.* Досудебное соглашение о сотрудничестве : проблемы правового регулирования и порядка применения (Екатеринбург, 2011).

18. *Козубенко Ю. В.* Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема (Екатеринбург, 2013).

19. *Козубенко Ю. В.* Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема. 2-е изд., перераб. и доп. (Екатеринбург, 2013).

20. Особенности расследования автотранспортных преступлений / В. С. Балакшин [и др.] (Екатеринбург, 2013).

21. *Гамаюнов Н. С., Прошляков А. Д.* Уголовно-процессуальные аспекты института необходимой обороны (М., 2014).

22. *Смирнов В. Н.* Адвокатура Пермского края, XVII–XXI вв. (Пермь, 2014).

23. *Машовец А. О.* Проблемы уголовно-процессуального доказывания в суде (Екатеринбург, 2015).

24. *Балакшин В. С., Жумаканова Н. А.* Отказ прокурора от обвинения : вопросы теории и практики (М., 2016).

25. *Балакшин В. С.* Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе (М., 2016).

26. *Машовец А. О.* Судебное следствие в уголовном процессе России : теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты (М., 2016).

27. *Балакшин В. С., Смолькова И. В.* Участники современного российского уголовного судопроизводства (обвиняемый как участник уголовного процесса) (М., 2017).

28. *Козубенко Ю. В.* Системные и антисистемные образования в межотраслевом механизме уголовно-правового регулирования (Екатеринбург, 2018).

29. *Ахматов И. И., Прошляков А. Д.* Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений (М., 2018).

30. *Рудич В. В.* Организационно-правовой механизм избрания мер пресечения в уголовном процессе (М., 2018).

31. *Смирнов В. Н.* Адвокатура России (XV–XXI вв.) (Екатеринбург, 2018).

32. *Смирнов В. Н.* Адвокатура России (XV–XXI вв.). 2-е изд., перераб. и доп. (Екатеринбург, 2019).

33. *Угренинова А. М., Прошляков А. Д.* Подсудность в уголовном процессе (М., 2020).

В 2011 г. коллективом кафедры издан учебник по уголовному процессу, который в 2012 г. признан лучшим учебным пособием УрГЮА.

В 2016 г. этот учебник переиздан в исправленном и дополненном варианте.

Профессор А. А. Давлетов опубликовал курс лекций по Общей и Особенной частям уголовного судопроизводства Российской Федерации, который выдержал уже пять изданий.

Члены кафедры публикуют научные статьи, в том числе в рецензируемых изданиях, а также постоянно участвуют в международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах.

*А. О. Машовец и А. Д. Прошляков презентуют
кафедральный учебник профессору Л. А. Воскобойниковой
на конференции в Московском государственном юридическом
университете (2016 г.)*

Профессора В. С. Балакшин, А. Д. Прошляков, доценты Н. В. Азарёнок, Л. А. Александрова, Е. В. Жоголева, А. О. Машовец и В. В. Рудич выступали в качестве официальных оппонентов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Кафедра уголовного процесса постоянно готовит отзывы УрГЮУ как ведущей организации по диссертациям на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Преподаватели кафедры являются членами диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 в УрГЮУ (В. С. Балакшин, А. А. Давлетов, А. Д. Прошляков), Омской академии МВД России (А. Д. Прошляков).

Активно работают над диссертациями на соискание ученой степени доктора юридических наук доценты Н. В. Азарёнок, В. В. Рудич.

Кафедра развивает плодотворное научное сотрудничество с кафедрами уголовного процесса других высших учебных заведений. Профессор В. С. Балакшин успешно руководит диссертациями на соискание ученой степени кандидата юридических наук в Уральском юридическом институте МВД России. Профессора и доценты кафедры постоянно рецензируют диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук по специальности 12.00.09, представленные для защиты в диссертационный совет УрГЮУ.

Научные разработки преподавателей кафедры внедряются и апробируются в практической деятельности в следующих формах:

– ответы на запросы органов уголовного судопроизводства и адвокатов;

– подготовка заключений по сложным и спорным вопросам толкования и применения норм УПК РФ и других законодательных актов.

Кафедрой подготовлено и дважды опубликовано не имеющее аналогов в Российской Федерации издание:

Научный комментарий практики по уголовным делам : сборник заключений кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург, 2013. 240 с.);

Научный комментарий практики по уголовным делам : сборник заключений кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета. 2-е изд., доп. (Екатеринбург, 2015. 292 с.).

Профессор А. Д. Прошляков является членом научно-консультативных советов при Верховном Суде РФ и Свердловском областном суде, а также членом редакционной коллегии журнала «Российское право».

Профессор В. С. Балакшин – член научно-консультативного совета при Уральском следственном управлении на транспорте Следственного комитета РФ.

Профессора и опытные доценты кафедры руководят работой кружков студенческого научного общества в институтах юстиции и прокуратуры. Профессор А. Д. Прошляков и доценты А. И. Зорин, А. И. Казаков награждены дипломами Министерства общего и профессионального образования Свердловской области и Законодательного Собрания Свердловской области за научное руководство студенческими работами на конкурсе «Моя законотворческая инициатива».

На кафедре имеется собственная научная библиотека, основу которой составил дар профессора П. М. Давыдова, возглавлявшего кафедру с 1954 по 1987 г. Библиотека систематически пополняется монографической и иной юридической литературой, диссертациями по специальности 12.00.09 и периодическими изданиями, в том числе получаемыми по подписке.

Уральский государственный юридический университет

*Казаков А. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Милицин С. Д., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Прошляков А. Д., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса*

Ural State Law University

*Kazakov A. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
Militsin S. D., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
Proshliakov A. D., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department*

НАУЧНЫЙ ВКЛАД ПРОФЕССОРА П. М. ДАВЫДОВА В СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Анализируется научный вклад доктора юридических наук, профессора П. М. Давыдова в развитие и становление института обвинения в российском уголовном процессе, от правильного понимания и реализации которого во многом зависит выполнение задач и назначение уголовного судопроизводства как органами предварительного расследования, так и судом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обвинение, понятие, содержание и значение обвинения, обвинительный тезис, формула обвинения.

THE SCIENTIFIC CONTRIBUTION OF PROFESSOR P. M. DAVYDOV TO THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF PROSECUTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

The article refers to the scientific contribution of the Doctor of Law, Professor P. M. Davydov to the development and establishment of the institution of charges in the Russian criminal process. Institute, on the correct understanding and implementation of which in many respects depends on the performance of tasks and the appointment of criminal proceedings as the preliminary investigation bodies, and the court.

К e y w o r d s: accusation, concept, content and significance of the accusation, indictment, accusation formula.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Платон Михайлович Давыдов родился 18 ноября 1918 г. в Курской области. После окончания школы поступил в артиллерийское училище, которое закончил в 1941 г. Сразу после окончания училища был направлен на фронт. Воевал на Западном фронте, пройдя боевой путь от заместителя командира батареи до начальника штаба артдивизиона. Был дважды тяжело ранен. За боевые заслуги награжден боевыми орденами и медалями. Демобилизовавшись, поступил в Ленинградский юридический институт имени М. И. Калинина. После окончания института был зачислен в аспирантуру, которую окончил в 1954 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Меры пресечения в советском уголовном процессе». С 1954 по 1986 г. заведовал кафедрой уголовного процесса Свердловского юридического института и занимался исследованием проблем, касающихся института обвинения в советском уголовном процессе. Им была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация на тему «Обвинение в советском уголовном процессе». Основные идеи П. М. Давыдова и других ученых-процессуалистов были восприняты, развиты и реализованы в российском уголовном процессе, в том числе при разработке УПК РФ.

В своей фундаментальной монографии «Обвинение в советском уголовном процессе»¹ П. М. Давыдов исследовал и сформулировал основные положения, касающиеся вопросов понятия и значения обвинения, его составных частей, а также требований, предъявляемых к обвинению.

Исследуя проблему о понятии обвинения, П. М. Давыдов пришел к выводу о том, что обвинение «является всегда понятием уголовно-процессуальным»². Данную позицию он обосновал, возражая мнениям М. А. Чельцова, М. С. Строговича, Н. Н. Полянского, Р. Д. Рахунова, некоторых других ученых, которые понимали обвинение сначала в материальном и формальном смысле, а затем – в материальном и процессуальном.

Так, Н. Н. Полянский, признавая обвинение уголовным иском, истолковывал обвинение в материальном и формальном смысле³. В дальнейшем он уточнил свою позицию по данной проблеме, дифференцировав обвинение на материальное и процессуальное (вместо формального)⁴. М. А. Чельцов в своих трудах писал о «материальном», «материально-правовом обвинении, о «формуле» обвинения, соответствующей составу преступления, предусмотренному в законе⁵. Этому правильному, по выражению П. М. Давыдова, в своей основе взгляду (по содержанию, а не с точки зрения применения термина «материальный») последовало большинство ученых.

М. С. Строгович также различал обвинение в материальном и процессуальном смысле. В материальном смысле обвинение, по его мнению, это совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление, т. е. то же самое, что и уголовное преследование, которое имеет место в стадии предварительного следствия, осуществляемое не судьей, а следователем⁶.

По данному поводу П. М. Давыдов писал следующее: «Представляется, что нет надобности обвинение называть материальным или уголовно-правовым, даже если под ним понимать утверждение о совершении преступления конкретным лицом». И далее: «Вполне справедливо говорить о связи уголовно-правовых и уголовно-процессуальных понятий, институтов, но не о их смешении. Обвинение, его изложение, подтверждение, изменение подробно регламентировано в уголовно-процессуальном законе, нормы которого свидетельствуют о связи обвинения, уголовной ответственности и состава преступления. В них обвинение не приравнивается ни к преступлению, ни к самой ответственности. Поэтому обвинение является всегда понятием уголовно-процессуальным. И поскольку нет оснований и надобности говорить об обвинении в материальном смысле, то отпадает необходимость в толковании его и в процессуальном смысле»⁷.

Определившись с этим вопросом, П. М. Давыдов исследовал проблему о том, в каких смысловых значениях толкуют понятие «обвинение». Например, М. С. Строгович писал о четырех значениях термина обвинения: обвинение

¹ См.: Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974.

² Там же. С. 5.

³ См.: Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 111.

⁴ См.: Полянский Н. Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 110.

⁵ См., например: Чельцов-Бebutov М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 106.

⁶ См., например: Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 105.

⁷ Давыдов П. М. Указ. соч. С. 5.

как уголовно-процессуальная функция; обвинение как «деятельность обвинителя, выступающего в суде в качестве стороны»; обвинение как «предмет обвинения, содержание обвинения, иначе – обвинительный тезис, утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления»; обвинение как «сторона обвинения, наименование обвинителя, выступающего в суде»⁸. П. С. Элькинд в своих работах указывала, что в литературе обвинение истолковывают в трех значениях: 1) обвинение как процессуальная деятельность; 2) обвинение как деятельность обвинителя в суде; 3) обвинение как обвинительный тезис или утверждение о виновности⁹.

Проанализировав позиции указанных и других авторов по данной проблеме, П. М. Давыдов пришел к авторским выводам, сформулировав их следующим образом. «Большинство авторов, – указывает он, – наряду с другими смысловыми значениями обвинения пишут об обвинении как утверждении, тезисе, предмете, содержании обвинительной деятельности, сформулированных положениях, в которых описывается сущность деяния, вменяемого в вину конкретному лицу. Представляется, что только такое содержание должно вкладываться в термин «обвинение». И оно должно быть единственным. Основой суждения о том, что обвинение должно пониматься в едином смысле, что его содержанием должно быть описание вменяемого в вину обвиняемого преступления, служит закон»¹⁰.

П. М. Давыдов полагал, что обвинение ошибочно приравнивать к процессуальным действиям, производимым органами расследования с целью реализации обвинения. «Все названные в законе процессуальные действия (предъявление, изменение, поддержание, отказ от обвинения) могут быть объединены в одно понятие – «обвинительную деятельность», но никак не равны ее предмету – обвинению. Они все производны от обвинения, совершаются по отношению к нему»¹¹. Далее автор пояснял, что эти действия имеют конкретное содержание, отличаются друг от друга как по своему назначению, так и по процессуальной форме, органам, их осуществляющим. Поэтому, только «проводя различие между этими действиями, а не объединяя их одним термином, можно с большей результативностью добиться выполнения конкретных задач»¹².

Не менее интересны и содержательны мысли П. М. Давыдова о понимании обвинения с философских позиций. «Обвинение, – полагал он, – как субъективный образ объективно существовавшего преступления не совпадает с преступлением и по объему. Это объясняется прежде всего тем, что само понятие преступления, состава преступления является определенным обобщением, абстракцией, никогда не совпадающим во всех деталях с конкретным общепаспным действием (бездействием). Сам состав конкретного преступления с присущими ему признаками представляет собой как бы сито, через ячейки которого процеживаются все те имевшие место в действительности факты, обстоятельства совершения преступления, которые не совпадают, не охваты-

⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 190.

⁹ См.: Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 60–61.

¹⁰ Давыдов П. М. Указ. соч. С. 8.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 9–10.

ваются законом, установленными признаками. ...Условия познания преступления зависят от определенных законом сроков, доказательственных средств, лиц и органов, с которыми соприкасаются следователь и судья»¹³. Может показаться, что автор придерживался точки зрения, согласно которой установление объективной истины по уголовному делу недостижимо. Между тем это не так. В этом можно убедиться по его дальнейшим аргументам.

«Однако эти особенности обвинения как гносеологического образа преступления, – пишет он, – не должны привести к выводу о том, что обвинение – это нечто субъективное, неустойчивое, зависящее только от субъекта, лишенное объективного критерия. Всякий образ (а следовательно, и обвинение как разновидность образа) имеет объективное содержание. Отсюда образ соответствует объекту, согласуется с ним, обвинение по содержанию соответствует преступлению. Образ потому и считается образом, что он отражает реально, объективно, независимо существующий от субъекта предмет. В то же время тождество, совпадение образа и предмета в философии характеризуется как асимптотическое: образ, постоянно приближаясь к предмету, никогда абсолютно с ним не совпадает. Иначе он превратился бы в объект, перестал быть образом. Следовательно, применив эти положения к обвинению, можно заключить, что оно, не являясь копией преступления, сохраняет с ним принципиальное тождество по содержанию»¹⁴.

Далее, описав процесс собирания, проверки и оценки доказательств, П. М. Давыдов показывает значение понятия обвинения как своего рода модели. Эта модель обвинения, выполняя некий образ эталона, сравнивается с расследуемым преступлением, способствуя установлению обстоятельств преступления. «В этом отношении, – считал он, – она активна, побуждает к поиску нужного, того, что соответствует объективным обстоятельствам, выражающим признаки преступления». При этом как «модель не совпадает со своим моделируемым предметом, так и модель обвинения не совпадает с конкретным преступлением. Модель обвинения, как и любая модель в познании, не должна сковывать следователя, не должна служить инструментом для искусственной, намеренной подгонки действительных обстоятельств под ошибочный образ преступления. Сама модель обвинения подвижна. Сначала – это схема, где в качестве опорных выступают лишь отдельные факты. По мере накопления материала пустоты, недостающие детали, элементы обвинения заполняют полную схему обвинения»¹⁵.

Показав уголовно-правовое, социальное значение обвинения, его роль как средства реализации уголовной ответственности, П. М. Давыдов предложил сжатое, но емкое по смысловому содержанию понятие обвинения – это «*доказанное, закрепленное в процессуальном документе и направленное на реализацию уголовной ответственности утверждение органа дознания, следователя, прокурора, судьи или суда о совершении преступления данным лицом*»¹⁶.

Таким образом, проанализировав приведенные положения и выводы, сформулированные П. М. Давыдовым, можно заключить, что он и его едино-

¹³ Давыдов П. М. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 12–13.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 29.

мысленники разработали своего рода алгоритм действий, прежде всего для органов предварительного расследования. Данный алгоритм, наряду с предметом доказывания, ориентирует органы предварительного расследования, во-первых, на то, что они должны установить и доказать в ходе расследования уголовного дела; во-вторых, что должно найти отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте (постановлении); в-третьих, наличие (отсутствие) каких-либо обстоятельств должен доказать государственный обвинитель в суде, чтобы делать вывод о виновности (или, напротив) невиновности подсудимого. В-четвертых, данная модель важна и для суда, который должен принять итоговое судебное решение о виновности или невиновности подсудимого, приведя соответствующие доказательства и обоснования, не ухудшив при этом его положения.

Указанная модель обвинения и основанный на ней алгоритм действий соответствующих должностных лиц и органов заложен в действующем уголовно-процессуальном законе. Обвинение, говорится в п. 22 ст. 5 УПК РФ, есть «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Эти положения развиты и детализированы в ст. 73, 171, 220, 225 и других УПК РФ. Изложенное свидетельствует о значительном вкладе П. М. Давыдова как ученого в разработку и развитие института обвинения в советском и российском уголовных процессах.

Уральский государственный юридический университет

*Балакшин В. С., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса*

Ural State Law University

*Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: up@usla.ru*

УЧИТЕЛЬ ПО ИМЕНИ ПЛАТОН

Описывается жизненный путь и профессиональное становление доктора юридических наук, профессора П. М. Давыдова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ученый Платон Михайлович Давыдов, Свердловский юридический институт.

TEACHER NAMED PLATON

The author describes the life path and professional development of the doctor of law, Professor P. M. Davydov.

К e y w o r d s: scientist, Platon Mikhailovich Davydov, Sverdlovsk Law Institute.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Среди громких имен правоведов, создававших вначале всесоюзную, а затем и международную славу Свердловского юридического института (ныне – Уральского государственного юридического университета) имя доктора юридических наук, профессора Платона Михайловича Давыдова звучит уважительно и весомо. Фронтовик-орденоносец, сумевший после тяжелых ранений найти в себе силы для учебы, блестяще защитивший вначале кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, руководивший кафедрой уголовного процесса на протяжении 34 лет и воспитавший целую плеяду учеников, являлся для коллег олицетворением того негибкого русского духа, стойкости и одновременно душевности, которые в последние годы встречаются не так часто, как хотелось бы.

Автору этих строк довелось быть одним из последних аспирантов Платона Михайловича и вживую слушать немногословные и сдержанные рассказы и пояснения своего Учителя, судьба которого послушно повторила все сложности становления и развития Советской страны.

Как и многие представители поколения, которое родилось в смутные революционные годы, Платон Давыдов, увидевший свет 18 ноября 1918 г., совсем не мечтал о каком-то большом жизненном пути. Для мечтаний просто не было свободного времени – главной задачей для всего крестьянского семейства Давыдовых, живших в деревне под Курском, было выживание. Маленький Платон был с детства приучен к сельскому труду. Именно в детские годы в его характере сформировались такие важные для любого человека черты, как выдержка, сдержанность, умение переносить тяготы и лишения, которые не раз выручали его впоследствии. Мне неизвестна судьба отца Платона Михайловича, я никогда не слышал рассказов о нем. Возможно, Давыдов-старший погиб в боях гражданской войны, а может быть, рано умер от непосильного труда или болезни. Как бы то ни было, воспитанием сына занималась мать, которой помогали в этом дочери – Платон Михайлович с большой теплотой всегда говорил об этих заботливых женщинах. Именно мама, желая своему единственному сыну лучшей доли, тайком отправила Платона в Ленинград,

где тогда жила семья ее сестры. Колхозное движение, превратившее крестьян к середине 30-х гг. XX в. в некое подобие «государственных крепостных», не имевших паспортов и фактически приписанных к своему колхозу, не давало возможности самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Переезд, а по сути бегство в Ленинград, ставил под удар всю остальную семью, но мать Платона пошла на это. Возможно, она видела в сыне какие-то способности, а может быть, просто желала уберечь его от крестьянской безнадежности, но как бы то ни было, Платон Михайлович был благодарен матери всю жизнь.

Нельзя сказать, что в Ленинграде для молодого крестьянского паренька без документов были «открыты все пути». На самом деле, их было не так уж и много. Можно было попытаться устроиться неквалифицированным рабочим на завод и таким образом закрепиться в городе или найти место попроще – дворником или разнорабочим в какую-нибудь артель. Оба этих варианта были не совсем надежные и к тому же не гарантировали предоставление жилья. Последнее обстоятельство было весьма существенным – семья родственников жила в очень стесненных условиях и оставаться у них на длительное время Платон не мог. Случайность помогла сделать правильный ход – увидев объявление о наборе в среднее военное училище, он, не раздумывая, выбрал военную карьеру.

Училище готовило младших офицеров – артиллеристов и давало полное среднее образование. Хорошее питание, воинская дисциплина и жесткий распорядок дня сделали свое дело – на фотографии того времени круглолицый курсант П. Давыдов запечатлен в плотно сидящей шинели и в будённовке – обычном для довоенного времени головном уборе военнослужащих. Он рассказывал, что преподавание велось очень качественно, поэтому выпускники училища были достойно подготовлены к службе в войсках.

Однажды в откровенном разговоре Платон Михайлович сказал, что поступление в артиллерийское училище спасло ему жизнь. Если бы он не стал курсантом, то был бы призван в армию и, не имея воинской специальности, попал бы в пехоту и вряд ли бы вернулся с «незнаменитой» советско-финской войны 1939–1940 гг., а затем – и с фронтов Великой Отечественной войны.

Окончание учебы в училище фактически совпало с началом самой кровопролитной войны. П. М. Давыдов был направлен в действующую армию на должность командира гаубичной батареи. Позднее эти подразделения, где на вооружении стояли 152-миллиметровые гаубичные орудия, будут считаться резервом Верховного главнокомандующего, а в начале войны ни о каком «резерве» и разговора быть не могло. Артиллерист П. М. Давыдов воевал на самом что ни на есть переднем крае, ежедневно рискуя жизнью. Много лет спустя, в 1985 г., во время одного из проводившихся тогда «уроков мужества», молоденькая студентка спросила профессора: «Скажите, Платон Михайлович, Вам было страшно на войне?». Профессор замолчал и, по своему обыкновению, ответил на вопрос примером: «Представь, мне надо было координировать огонь моей батареи. Для этого я брал полевой телефон и ползком выбирался на бугорок на нейтральной полосе между нашими и немецкими позициями, с которого было все видно. Моя батарея делала залп, а я по телефону давал уточнения для стрельбы. Немцы понимали, что где-то на высоком месте сидит корректировщик огня, и, поскольку возвышенность была только одна, вся вражеская батарея делала залп по бугорку, на котором я лежал. Первый немецкий залп уходил в перелет, следующий был недолетом, и я знал, что

третий точно накроет меня. Приходилось менять позицию для наблюдения. Вот и решай сама, было мне страшно или нет...».

Удивительно, но не мощный огонь вражеских батарей стал причиной ранений Платона Михайловича. Все артиллерийские «дуэли» он прошел невредимым. Беда дважды подстерегала его во время фронтового затишья. Однажды ночью, когда он вышел из землянки, чтобы покурить, пуля немецкого снайпера, стрелявшего в темноте на огонек папиросы, попала ему в плечо, а другой раз осколок от случайного снаряда серьезно повредил правую руку. Ранение было тяжелым, в какой-то момент встал вопрос об ампутации руки, но, к счастью, все обошлось.

В 1943 г. после лечения в госпитале награжденный двумя орденами и несколькими медалями двадцатипятилетний начальник штаба артиллерийского дивизиона гвардии капитан П. М. Давыдов получил инвалидность и был уволен из Красной армии. Поскитавшись по тылам, он вернулся в свою родную деревню, которая к тому времени была освобождена от немецких захватчиков. Раненая правая рука фактически не разгибалась в локтевом суставе, что делало невозможным физическую работу. Пришлось искать другое занятие и Платон Михайлович стал учителем начальной военной подготовки в деревенской школе. В какой-то момент он смирился со своей судьбой: «Жив – уже хорошо, проживу как-нибудь...», но вскоре природная тяга к знаниям предопределила новый поворот в жизни фронтовика – он решил стать юристом и в 1945 г. поступил в Ленинградский юридический институт имени М. И. Калинина (ЛЮИ). Сейчас название этого вуза практически забыто, а в довоенные и первые послевоенные годы (до слияния в 1954 г. с юридическим факультетом ЛГУ имени А. А. Жданова – ныне СПбГУ) это было известное учебное заведение, не прекращавшее готовить юристов даже в годы войны (в эвакуации). В разные годы в ЛЮИ преподавали С. И. Аскназий, А. В. Венедиктов, С. Б. Крылов, Я. М. Магазинер, М. Д. Шаргородский и другие известные ученые-юристы. Необходимо заметить, что в первые послевоенные годы участники войны не имели никаких льгот для поступления в вузы, поскольку количество бывших фронтовиков существенно превышало количество мест в институтах и университетах нашей страны. По всей видимости, Платону Михайловичу пришлось основательно позаниматься, чтобы вспомнить школьную программу, знание которой было необходимо для поступления. И хотя он не любил рассказывать о годах, проведенных в ЛЮИ, можно предположить, что учеба давалась ему без особого труда. Результат не заставил ждать: после завершения обучения П. М. Давыдову предлагают поступить в аспирантуру, где он под руководством кандидата юридических наук доцента В. П. Резепова готовит и в 1953 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Меры пресечения в советском уголовном процессе». По всей видимости, опытный научный руководитель Виталий Петрович Резепов был полностью уверен в своем ученике – первым оппонентом на защиту был приглашен член-корреспондент Академии наук СССР профессор М. С. Строгович.

После защиты кандидатской диссертации П. М. Давыдова распределяют на работу в Свердловский юридический институт имени А. Я. Вышинского. Так завершился ленинградский период его жизни, о котором Платон Михайлович всегда вспоминал с теплотой.

На Урале кандидата юридических наук П. М. Давыдова сразу назначили на должность заведующего вновь созданной кафедры уголовного процесса СЮИ. В этой должности он проработал 34 года, в течение которых сформировалась Уральская научная школа процессуалистов. Основной вклад в ее становление вложил именно Платон Михайлович – за этот период четырнадцать его учеников стали кандидатами юридических наук.

В 1974 г. была завершена и успешно защищена главная научная работа П. М. Давыдова – докторская диссертация на тему «Обвинение в советском уголовном процессе». В то время за разработку проблемы обвинения брались многие исследователи, но именно эта диссертация обозначила классическое понимание сущности обвинения, его видов и значения.

Прекрасные человеческие качества Платона Михайловича: душевность, скромность, внимательность и заботливость – помогали ему в работе с коллегами и учениками. Таким же добрым и чутким он был и для своих родных – жены Нины Анисимовны и сыновей Геннадия и Евгения.

В 1987 г. П. М. Давыдов принял решение о переходе с должности заведующего кафедрой уголовного процесса на должность профессора кафедры, а в тяжелом для нашей страны августе 1991 г. написал заявление об уходе на пенсию. Эпоха завершилась, а вместе с ней уходили и ее герои.

Платон Михайлович был с нами еще много лет – как и его знаменитый оппонент и коллега М. С. Строгович, он чуть-чуть не дожил до своего девяностолетия. Физическая немощь старого человека не затронула его светлый ум, и до последних дней наш Учитель радовался нашим успехам.

*Уральский государственный университет
Милицин С. Д., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

*Ural State Law University
Militsin S. D., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: up@usla.ru*

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1915
-1992

1992
-2014

с 2014

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
«НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ**

Анализируется понятие «назначение уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке. Отмечается смешение понятий «назначение уголовного судопроизводства», «цель и задачи уголовного судопроизводства», «принципы уголовного судопроизводства» в работах ученых-процессуалистов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, назначение уголовного судопроизводства.

**THE DEFINITION OF « THE APPOINTMENT OF CRIMINAL
PROCEEDINGS» IN THE CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE**

The article analyzes the concept of «purpose of the criminal process» in criminal process science. It is noted that the concept «purpose of criminal process», «purpose and objectives of criminal process», and «principles of criminal process» are mixed in the works of scientists.

K e y w o r d s: criminal process, purpose of the criminal process.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Современный законодатель при определении направленности отечественного уголовного процесса отказался от уже ставшего традиционным понятия «задачи», использовавшегося более 40 лет в ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. и вместо него закрепил в ст. 6 УПК РФ «назначение уголовного судопроизводства». При этом в ст. 5, содержащей основные понятия, используемые в УПК РФ, его нет. В связи с этим правоприменитель оказался в затруднительном положении, так как, с одной стороны, из УПК РФ были исключены привычные для решения задачи уголовного процесса, а с другой – появился ранее не известный ему термин, опыт применения которого отсутствовал. Ситуация усложнялась еще и тем, что ни один из действующих «процессуальных» кодексов РФ не оперирует «назначением», как следствие, у органов уголовного судопроизводства нет возможностей для обобщений и заимствований.

Поэтому сразу после появления ст. 6 УПК РФ перед учеными-процессуалистами был поставлен вопрос о том, что следует понимать под назначением отечественного уголовного процесса?

Некоторые авторы поддержали это нововведение: «...представляется обоснованным использование законодателем понятия «назначение уголовного судопроизводства», вместо «целей» или «задач» (ст. 6 УПК РФ). В результате

на первый план вышло определение роли уголовного судопроизводства в государственном-властном механизме¹. Термин «назначение» в отличие от слов «задачи», «цели» подчеркивает то, что «требования, изложенные в ст. 6 УПК РФ, предъявляются и к самому ходу процесса, а не только к его результату, а потому его использование законодателем обоснованно»². Определение назначения уголовного судопроизводства играет важную роль для определения стратегий уголовно-процессуальной деятельности, определения ее целей и задач; выбора формы, типа, модели уголовного судопроизводства, определения процессуальных институтов и характеристики процессуальной деятельности³. Вместе с тем из изложенного не ясно, что следует понимать под назначением?

Одним из вариантов решения данного вопроса является использование семантического рассмотрения указанного понятия, представленного в том или ином словаре русского языка. «Ввиду отсутствия в законе определения термина «назначение», – пишет В. Л. Кудрявцев, – находим целесообразным использование правила языкового, этимологического толкования термина, согласно которому “словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет оснований для иной их интерпретации”»⁴.

В словаре С. И. Ожегова термин «назначение» определяется следующим образом: «...область, сфера применения кого-нибудь или чего-нибудь. Использовать что-нибудь по прямому назначению. Отряд особого назначения. Цель, предназначение»⁵.

Как видно, одним из синонимов данного понятия является цель. Ссылаясь на это обстоятельство, некоторые процессуалисты пришли к выводу, что в ст. 6 УПК РФ, несмотря на название, закреплены цели отечественного уголовного судопроизводства⁶. «Следовательно, назначение уголовно-процессуальной дея-

¹ Михайловская И. Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 114. См. также: Ее же. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 2.

² Барабанов П. К. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства // Правоведение. 2008. № 3. С. 25.

³ См.: Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2013. С. 15.

⁴ Кудрявцев В. Л. Уголовное судопроизводство как сфера особой защиты конституционных прав и законных интересов человека и гражданина // Адвокат. 2008. № 39. С. 23.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 324.

⁶ См., например: Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном расследовании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 100 ; Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса : закон, теория, практика. М., 2006. С. 24 ; Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 22 ; Малахова Л. И. Уголовно-процессуальная деятельность : понятие, предмет и структура. Воронеж, 2003. С. 41 ; Соловьев А. Б. Назначение уголовного судопроизводства и его отражение в регламентации отдельных стадий и институтов // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы науч. конф. (Москва, 22–23 января 2002 г.). М., 2002. С. 86–87 ; Тхакушинов М. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 50 ; и др.

тельности – это ее цель, то, к чему надо стремиться, что надо осуществить, иначе говоря, ожидаемые результаты, на достижение которых должны быть направлены действия органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство»⁷. Из этимологии цели следует, что в ст. 6 УПК РФ раскрывается цель уголовного судопроизводства, как конечный объект достижения, то, к чему следует стремиться в многоэтапном процессе уголовного судопроизводства⁸. «Для обозначения цели уголовного судопроизводства законодатель выбрал термин «назначение». Соотношение понятий «цель» и «назначение» определено толковыми словарями, они вполне употребимы в одном лексическом ряду, и спор о разграничении этих понятий уводит от более значимых вопросов»⁹.

По мнению других ученых, термин «назначение» помимо цели включает в себя также и задачи¹⁰. Их аргументация в целом сводится к следующему: «...назначение, цели и задачи уголовного судопроизводства в принципе служат для обозначения одного и того же, но различаются между собой по степени общности. Наиболее общим и предельно широким следует признать понятие “назначение уголовного судопроизводства”»¹¹.

Из изложенного следует, что большинство процессуалистов трактуют назначение через уже ставшими традиционными понятия «цель» и «задачи» уголовно-процессуальной деятельности.

При этом учеными предлагаются различные варианты раскрытия данных категорий. Так, одни авторы пришли к выводу о тождественности понятий «назначение» и «задачи»¹², другие, как ранее уже было установлено, отождествляют назначение и цель уголовно-процессуальной деятельности¹³, третьи

⁷ Баранов А. М., Дерихев Ю. В., Николаев Ю. А. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права : учеб. пособие. Омск, 2003. С. 21.

⁸ Бунин К. А. Указ. соч. С. 20.

⁹ Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М., 2018. С. 41.

¹⁰ См., например: Азаров В. А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.) : в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 18 ; Дубина И. А. Задачи досудебного уголовного судопроизводства и роль прокурора в их достижении : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 43 ; Нисневич К. М. Процессуальные гарантии защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 28 ; Тхакушинов М. А. Указ. соч. С. 56 ; и др.

¹¹ Зацепина Е. М. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2005. С. 41.

¹² См.: Баев О. Я., Баев М. О. УПК РФ 2001 г. : достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 232 ; Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. С. 2 ; Сереброва С. П. О цели современного уголовного судопроизводства России // Рос. судья. 2005. № 6. С. 18 ; Тарнавский О. А. Роль государства и его органов по защите имущественных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2004. № 3. С. 55–56 ; Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 14–15 ; Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 2009. С. 20.

¹³ См., например: Агутин А. В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании / под науч. ред. В. Т. Томина. М., 2004. С. 117 ; Володина Л. М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ // Уголов-

включают сюда еще и задачи¹⁴. Встречается также позиция, согласно которой назначение отделяется от цели и задачи¹⁵. По мнению Г. Н. Ветровой в ст. 6 УПК указаны не задачи, а «приоритеты процессуальной деятельности»¹⁶.

Еще более усугубляет терминологическую путаницу то обстоятельство, что ст. 6 УПК РФ помещена первой среди принципов отечественного уголовного судопроизводства в главе 2 УПК РФ. Из этого можно сделать вывод, что, по мнению законодателя, назначение является одним из принципов современного уголовного судопроизводства, наряду с такими положениями, как законность, презумпция невиновности, осуществление правосудия только судом и т. д.

Некоторые ученые определяют назначение как цель и как принцип уголовного процесса¹⁷. По мнению Н. И. Газетдинова, назначение является «принципом всех принципов», «знаменем», основным принципом всего уголовного судопроизводства¹⁸.

Вместе с тем отдельные авторы негативно отнеслись к такому подходу отечественного законодателя. «...в УПК РФ такое назначение представлено как один из принципов уголовного судопроизводства, что с точки зрения и логики, и юридической техники неправомерно. Конечно, результаты, которые должны быть достигнуты в уголовном судопроизводстве, или его задачи, что более корректно, нельзя относить к принципам уголовного судопроизводства. Каждая из этих основополагающих категорий имеет самостоятельное значение: задачи – это то, что должно быть достигнуто в ходе уголовно-процессуальной деятельности, а принципы – это правовые средства, обеспечивающие успешное решение задач уголовного судопроизводства»¹⁹. Поэтому большинство ученых при рассмотрении вопроса о принципах уголовного процесса, не включают назначение в их систему²⁰. Если мы обратимся к Гражданскому процессуальному

ная юстиция : состояние и пути развития : региональная науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 17–22 ; Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 33 ; Сереброва С. П. О цели современного уголовного судопроизводства. С. 18–20 ; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004. С. 29–30 ; Химичева Г. П., Химичева О. В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10. С. 36.

¹⁴ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 42 ; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002. С. 23.

¹⁵ См.: например: Маслов И. Назначение уголовного судопроизводства на досудебных стадиях // Законность. 2006. № 7. С. 27 ; Михайлов В. А. Цели уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2011. № 1. С. 98–113 ; Фролов Ю. А. Назначение, цели и задачи уголовного процесса // Юристъ-Правоведъ. 2006. № 1. С. 30 ; Уголовный процесс : учебник / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград, 2009. С. 16.

¹⁶ Ветрова Г. Н. Тенденции развития процессуальной формы в УПК РФ // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы науч. конф. (г. Москва, 22–23 января 2002 г.). М., 2002. С. 34–39.

¹⁷ См.: Комментарий к УПК РФ / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2004. С. 39.

¹⁸ См.: Газетдинов Н. И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М., 2007. С. 30.

¹⁹ Жажицкий В. И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 30.

²⁰ См.: Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 99–128 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 2009. С. 233–281 ;

кодексу (ст. 2), Арбитражному процессуальному кодексу (ст. 2), Кодексу административного судопроизводства (ст. 3), то обнаружим, что в них статьи о задачах и (или) целях судопроизводства расположены отдельно от его принципов.

Встречается также мнение, согласно которому из общего термина «цель» можно выделить различные по содержанию понятия – «назначение уголовного судопроизводства», «цель уголовного судопроизводства», «цель доказывания в уголовном судопроизводстве», «цель деятельности того или иного субъекта процесса»²¹.

Некоторые процессуалисты полагают, что назначение по своему содержанию более всего соответствует функциям уголовного судопроизводства²². «Термином «назначение уголовного судопроизводства», – пишут В. О. Белоносов и Н. А. Громов, – обычно обозначают его функции. Использование в ст. 6 УПК РФ понятия «назначение уголовного судопроизводства» относится не к задачам, а лишь к средствам достижения тех задач, которые законом не предусмотрены»²³. «Получается, что в ст. 6 УПК РФ в главе «Принципы уголовного судопроизводства» в виде назначения изложена функция уголовного судопроизводства»²⁴.

Обобщив все изложенное, В. А. Михайлов отмечает, что термин «назначение» на сегодняшний день применяется учеными как: 1) цель; 2) задачи; 3) принципы; 4) функции; 5) сфера (область) применения уголовного процесса. Выход из сложившейся терминологической путаницы, по его мнению, состоит в определении назначения в словаре УПК РФ (ст. 5) либо отказе от него и возврат к таким традиционным понятиям, как «цель», «задачи», «функции», «принципы» уголовного процесса²⁵.

Таким образом, проведенный анализ позиций процессуалистов позволяет заключить, что ясного ответа на вопрос о том, что следует понимать под назначением, нет. Практически никто из них не определяет назначение в отрыве от ставших уже традиционными понятий. Ученые просто подменяют его в зависимости от своей позиции на цель и (или) задачи либо функции или принципы. Такой подход не только не решает проблему определения назначения уголовного судопроизводства, но еще больше запутывает ситуацию.

Во многом поэтому назначение так и не получило признания в качестве самостоятельной и независимой от других понятий категории. С. С. Безруков по

Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2009. С. 53–80; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина и И. Б. Михайловской. М., 2010. С. 64–94; *Безлепкин Б. Т.* Уголовный процесс России: учеб. пособие. М., 2010. С. 30–40.

²¹ *Плюк А. В.* Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. М., 2013. С. 17.

²² См.: *Григорьев О. А.* О целях и задачах уголовного судопроизводства // Закон и право. 2006. № 6. С. 42; *Печников Г. А.* О значении цели в судопроизводстве в свете диалектических взглядов Сократа и о презумпциях, функциях в уголовном процессе // Черные дыры в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 347.

²³ *Белоносов В. О., Громов Н. А.* О соотношении задач и назначении уголовного судопроизводства // Право и политика. 2005. № 10. С. 98.

²⁴ *Калинин В. Н.* Цель, задачи, функции и назначение уголовного процесса // Следователь. 2003. № 3. С. 9.

²⁵ См.: *Михайлов В. А.* Цели уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2011. № 1. С. 101–102.

этому поводу пишет: «...термин «назначение» используется российским законодателем исключительно в УПК. Представители других отраслей права, конструируя кодифицированное и иное законодательство, почему-то обходятся более традиционной юридической терминологией. И вряд ли можно утверждать, что оперирование таким понятием создает явные преимущества, выгодно отличает уголовно-процессуальный закон в сравнении с любым другим. Но если подобный термин не позволяет достичь каких-либо позитивных результатов в уголовно-процессуальном регулировании, то возникает закономерный вопрос о правомерности его введения в нормы УПК»²⁶. На это же обращает внимание В. И. Зажицкий: «...в отличие от задач уголовного процесса понятие «назначение уголовного судопроизводства» не вписывается в терминологическую систему уголовно-процессуального права, является многозначным и не является системообразующим. Его использование вносит дисгармонию в лексико-лингвистические способы отражения сложной уголовно-процессуальной материи»²⁷.

В специальной литературе отмечается, что назначение указывает на то, для чего данный предмет обычно нужен людям. Назначение реализуется чаще всего регулярно, причем не только данным конкретным предметом, но и всем классом предметов, созданным людьми специально для совершения некоторого полезного действия. Уникальная особенность данного понятия проявляется и в выражении использовать что-либо по назначению, где назначение – свойство самой вещи. Не по назначению – значит не так, как предусмотрено создателями вещи. Назначение может быть только прямым: по прямому назначению как раз и значит «строго по назначению»²⁸.

Таким образом, любой объект, независимо от формы существования, а также степени его общности может рассматриваться с точки зрения назначения. При этом такая оценка дается со стороны, внешним субъектом, который и оперирует термином «назначение». Отсюда следует вывод о самостоятельности назначения и его независимости от иных смежных категорий. Поэтому уголовное судопроизводство также можно охарактеризовать с позиции назначения, т. е. того, для чего оно нужно обществу, или по-другому – какая от него польза?

²⁶ Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 91–92.

²⁷ Зажицкий В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Рос. юстиция. 2011. № 4. С. 23.

²⁸ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., испр. и доп. М., 2004.

Уральский государственный юридический университет

Азарёнок Н. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Ural State Law University

Azarenok N. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: Azarenok_96@mail.ru

ТОЖДЕСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Критикуется предложенная законодателем система участников производства по уголовному делу, рассматриваются законы логики, которые не были учтены при ее создании. Анализируются положения Конституции, положенные в ее основу. В соответствии с законом тождества противоположностей совокупность органов государственной власти рассматривается как сложная структурная единица – составляющая системы участников уголовного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: законы логики, Конституция РФ, система участников уголовного судопроизводства, суд, прокурор, органы предварительного расследования, процессуальные функции.

IDENTITY OF OPPOSITES IN THE SYSTEM OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article criticizes the system of participants in criminal proceedings, proposed by the legislator, and considers the laws of logic that were not taken into account when it was created. The article analyzes the provisions of the Constitution that form its basis. In accordance with the law of identity of opposites, the totality of public authorities is considered as a complex structural unit – a component of the system of participants in criminal proceedings.

К e y w o r d s: laws of logic, the Constitution of the Russian Federation, the system of participants in criminal proceedings, the court, the Prosecutor, preliminary investigation bodies, procedural functions.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Статья 2 Конституции России провозглашает главной ценностью человека, его права и свободы. Этот посыл влияет на построение и развитие взаимосвязи ценностей, их системы и структуры. Было бы логичным полагать, что человек в данном контексте – понятие собирательное как неизменное составляющее общества в целом, что права и свободы проецируются на всё общество. В то же время некоторые положения Конституции позволяют усомниться в этом. Человек поднят над государственным суверенитетом как единица, как личность – нормы, провозглашающие суверенитет, содержатся в ст. 3 и 4 Конституции РФ, там же провозглашается невозможность лишения гражданина своего гражданства. Таким образом, основополагающая идея Основного закона: человек – над государством и над обществом. Этим опровергается системная аксиома – часть не может быть больше целого, не может иметь равного ему или большего значения. Этим выражается и нарушение причинно-следственных связей, название которому – «хвост виляет

собакой». Порочной идее подчинена вся система права, в том числе и уголовно-процессуальное законодательство.

С точки зрения соотношения личности и общества рассматривают диспозитивность и публичность отрасли как таковой. Интересно, что понятия «публичность» и «общество» при этом иногда ассоциируют и подменяют понятием «государство»¹.

Это представляется ошибочным, поскольку государство противопоставляется личности. Более того, новейшая история показывает, что так проще управлять государственными структурами, влиять на принимаемые решения. Поскольку государство является механизмом, поддерживающим общий для всех режим законности, на фоне поддержанной Конституцией идеи оно предстает «монстром».

При этом идея публичности неизбежно ассоциируется с государственной машиной, а не с интересом общества. Сама идея публичности оказывается ограниченной узкими рамками ст. 21 УПК РФ – как обязанность осуществления уголовного преследования независимо от воли потерпевшего.

В действующем УПК РФ эта идея не нашла должного отражения ни в статье, раскрывающей назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), ни в других нормах главы 2, посвященной принципам уголовного процесса. Несмотря на то что уголовно-процессуальное право – публичная отрасль по своей природе, полностью раскрыто лишь содержание принципа состязательности вне всякой взаимосвязи. Это создает проблему толкования, различные подходы к пониманию норм права и к правоприменению. Нет единого подхода к системе процессуальных функций, а позиция законодателя, предложенная в ст. 15 УПК РФ, не учитывает их разнообразия и взаимосвязи, продиктованных публичной природой уголовного процесса. В связи с этим далеко не идеальна и система участников уголовного судопроизводства, выполняющих те или иные функции, которая выстроена без учета не только этой природы, но и законов логики. В настоящее время вопрос соотношения субъектов и их процессуальных функций – один из основных, определяющих направление развития науки уголовного процесса.

Некоторые учебники уголовного процессуального права дают параллельно несколько систем участников судопроизводства: а) логически выверенную, которая принималась до вступления в силу УПК РФ, и б) предложенную законодателем на основе принципа состязательности, т. е. без учета правовой природы, объекта, предмета и метода отрасли права. Кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета на основе собственных исследований был выпущен учебник, в котором в отдельные группы были объединены:

– органы уголовного судопроизводства и лица, ведущие производство по уголовному делу;

¹ См., например: *Шпак В. В.* Соотношение публичности и диспозитивности, законности и целесообразности в современном уголовном процессе // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5–6 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 207 ; *Конев А. Н.* Идеологические оппозиции в бинарной системе принципов уголовного процесса // Юрид. наука и практика : Вестник Нижегородской акад. МВД России. 2016. № 3. С. 54.

- участники, имеющие в уголовном деле личный, охраняемый законом, защищаемый или представляемый интерес;
- участники, оказывающие содействие в достижении задач уголовного судопроизводства².

Эта структура предопределила логику изложения главы, посвященной участникам уголовного судопроизводства.

Подобной позиции придерживается не только Уральская школа. В учебнике уголовного процесса кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М. В. Ломоносова³ рассматриваются три варианта системы участников уголовного судопроизводства.

В основу первой конструкции положено значение каждого из них для производства по уголовному делу во взаимосвязи с обвинением. Вследствие данного подхода получены три группы: основные участники, куда отнесены суд, прокурор, органы предварительного расследования, обвиняемый и его защитник, потерпевший и его представители; вспомогательные участники (содействующие достижению цели судопроизводства) и дополнительные – гражданский истец, ответчик и их представители. Предложенное сочетание представляется не совсем удачным, поскольку не учитывает разнонаправленность интересов субъектов и не отражает их функций в производстве по делу.

Вторая конструкция, представляющая из себя систему участников, предложенную законодателем, заслуженно критикуется авторами учебника за односторонность и косность, к чему привело однозначное отнесение прокурора и органов предварительного расследования (должностных лиц) к стороне обвинения наряду с потерпевшим и гражданским истцом. Интересно, что их суждения основываются на утверждении о смешанном характере российского уголовного судопроизводства. С этим можно согласиться, более того, такое разделение органов государственной власти на две противопоставленные (по идее) группы могло произойти лишь при эмоционально-идеологическом подходе к вопросу о системе участников уголовного судопроизводства. Неизбежность такого подхода в постреволюционных государствах – историческая данность.

В основу третьей конструкции, которая видится самой удачной, положена классификация, принятая в теории уголовного процесса во время действия УПК РСФСР и отражающая должное сочетание публичных и частных интересов участников судопроизводства.

Недостатки системы участников, предложенной законодателем, отмечают и авторы учебника, рекомендованного Московским государственным юридическим университетом имени О. Е. Кутафина (МГЮА), отмечая существование нескольких ее вариантов⁴.

² См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М., 2016. С. 132.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 314.

⁴ См.: Уголовный процесс : учеб. для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д., 2015. С. 60–61.

Представители Санкт-Петербургской школы уголовного процесса также признают смешанный характер российского судопроизводства, однако в основу построения функциональной взаимосвязи между субъектами ставят систему участников, предложенную законодателем в соответствии с принципом состязательности сторон. Вместе с тем ими признается также право на существование иных подходов к системе участников уголовного судопроизводства⁵.

Официально признанная и закреплённая в УПК РФ система участников уголовного судопроизводства не отражает взаимосвязи всех затронутых уголовным судопроизводством интересов, не раскрывает и не учитывает природу и взаимодействие функций уголовного судопроизводства. Проблема возникает при попытке оградить суд от функции обвинения при осуществлении им судебного контроля. На фоне разделения органов государственной власти на две неравные стороны – обвинения и правосудия – проникновение полномочий суда на все стадии уголовного судопроизводства привело к выполнению судом обвинительной функции наряду с прокурором и органами предварительного расследования.

Прикосновенность судьи к вопросу о виновности при разрешении, например, ходатайства о заключении под стражу подтверждается постановлением Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 о порядке применения мер пресечения судами⁶. Суду надлежит в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, поскольку его квалификация – одно из условий применения заключения под стражу. Необходимо также дать оценку обоснованности выдвинутого против лица подозрения. В то же время в п. 2 замечено, что суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении.

На самом деле, при соблюдении рекомендаций, данных Пленумом Верховного Суда, судья не может не касаться вопроса о виновности, поскольку должен убедиться в обоснованности подозрения, рассмотреть данные, подтверждающие обвинение.

Это позволяет сделать вывод, что предложенная конструкция не соответствует природе уголовного процесса. Положив ее в основу уголовно-процессуального права, законодатель обрек эту отрасль на довольно ущербное развитие, предполагающее возникновение противоречий и, соответственно, множества фикций как допущений, без которых невозможно согласиться с возникающими новыми нормами этой отрасли права. Очевидно, оправдан подход, предложенный ранее советским законодателем и поддержанный некоторыми школами уголовного процесса, предполагающий объединение в одну группу органов уголовного судопроизводства.

⁵ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 90–91.

⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 24.05.2016) // Рос. газета. 2013. 27 дек.

Эта система будет соответствовать законам диалектики, а именно: в данном случае должно применяться правило тождества противоположностей, поскольку с учетом принципа состязательности предполагается наличие противоположных сторон.

Думается, эта проблема не может быть решена простым помещением на сторону обвинения тех органов и должностных лиц, посредством деятельности которых формируется обвинение. В рамках одной и той же системы, не разрушая ее, противостояние должно существовать постоянно либо постоянно воспроизводиться и соответствовать единой цели судопроизводства; по крайней мере, осуществляться в ее пределах.

В. Соловьев называл тождество противоположностей основным логическим законом, выражающим тождество по сущности или содержанию и различие по существованию или акту утверждения⁷. То есть элемент системы должен различаться, обладая единой сущностью.

Такой противоположностью может быть, например, поставленная иная задача. Посредством закона тождества противоположностей при построении системы участников уголовного судопроизводства объясняется различие задач, поставленных перед судом, прокурором, следователем, дознавателем: объективное установление всех обстоятельств совершенного преступления (в том числе лица, его совершившего); защита прав и законных интересов участников процесса, что вполне вписывается в понятие функции расследования. Неоспоримо и соответствие этих задач по смысловому объему границам основной цели судопроизводства – определение виновности лица, совершившего преступление, и восстановление социальной справедливости, что соответствует публичной природе уголовного процесса как отрасли.

Особого внимания требует суд – функцию правосудия он выполняет, когда обвинение уже сформировано и оформлено в соответствии с требованием УПК РФ. В то же время нельзя утверждать, что судья абсолютно не касается обвинения: он продолжает разрушать презумпцию невиновности, устраняя противоречия, если это возможно в судебном заседании: допрашивает участников, исследует предоставленные ими доказательства. Суд, прокурор, органы предварительного расследования в этом тождественны и образуют свою систему в структуре участников уголовного судопроизводства. Внутри этой же системы они могут быть противоположны – судья выносит оправдательный приговор, если объективно не установлены все события преступления и, например, выяснилась непричастность подсудимого к его совершению (п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ), или коллегия присяжных заседателей вынесла оправдательный вердикт (п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ).

Отнесение прокурора и органов предварительного расследования к стороне обвинения не сделало судью более беспристрастным, скорее наоборот – привело к внутреннему дисбалансу внутри системы органов государственной власти и усилению обвинительного уклона их правоприменительной деятельности. Нередки такие сомнительные по формулировке выводы судей

⁷ См.: Соловьев В. С. *Философские начала цельного знания*. СПб., 2014. С. 70. URL: <https://e.lanbook.com/book/48602> (дата обращения: 13.01.2020).

в приговорах: «Представленное заключение специалиста и ее показания никоим образом не свидетельствуют о невинности подсудимого в инкриминируемом деянии и не ставят под сомнение вышеприведенные доказательства»⁸. Не стоит забывать, что бремя доказывания лежит на правоприменителе, поддерживающем обвинение, значит, и вопрос должен ставиться о доказанности обвинения. В данном случае презумпция невинности перевернута с ног на голову, когда судья приходит к выводу о виновности подсудимого только потому, что невинность не доказана. Такой подход приводит к соответствующим выводам: «Неустановление соучастника преступления, а также точных мест тайников, где М. были получены и куда планировалось поместить наркотические средства, конкретных приобретателей, способа оплаты юридического значения для квалификации действий подсудимого не имеет, поскольку тому вменяется неоконченное преступление»⁹. Таким образом, если квалификация преступления (в данном случае – по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) осуществляется с применением ч. 3 ст. 30 УК РФ (покушение), то это освобождает от установления всего предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), и объективную сторону преступления можно не раскрывать; в материалах уголовного дела есть показания свидетелей – оперуполномоченных – и этого достаточно. То, что привел подсудимый в свою пользу, можно отвергнуть простым отрицанием.

Подобные опусы не единичны и стали общим местом при разрешении уголовных дел. Однообразные штампы оценки доводов защиты переносятся из одного приговора в другой.

Отбывающие наказание в колонии осуществляли сбор благотворительной помощи для ее благоустройства, применяя насилие к тем, кто отказывался помогать материально. За вымогательство, совершенное группой лиц, в числе прочих был осужден и Б., который вел приходно-расходные записи, учитывал поступление денежных средств и отчитывался по ним.

Судья, постановляя приговор, оставил некоторые вопросы неразрешенными – не была дана оценка тому, что Б. фактически отчитывался перед администрацией колонии, для которой на деньги, поступающие в качестве благотворительной помощи, покупались строительные материалы¹⁰.

Таких случаев в правоприменительной практике встречается немало. Суд, прокуратура, органы предварительного расследования связаны одной целью и единой уголовной политикой государства, являются тождественными по своей сущности. Разделять их – все равно что выдавать желаемое за действительное: они составляют подсистему, входящую в структуру общей системы участников уголовного судопроизводства. В связи с этим можно утверждать, что состязательность сторон в уголовном судопроизводстве как самостоятельный принцип не работает. Следовало бы по-новому его сформулировать, включив в содержание обязанность органов уголовного судопроизводства

⁸ Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 21 ноября 2019 г. по уголовному делу № 1-391/2019.

⁹ Там же.

¹⁰ Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 21 декабря 2017 г. по уголовному делу № 1-311/2017.

полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства совершенного преступления, что предписывалось ст. 20 УПК РСФСР. Тогда, наряду с системой участников уголовного процесса, столь же логично выстроилась бы и система процессуальных функций, где уголовное преследование и обвинение становятся составными частями предварительного расследования, логично предшествующего и взаимосвязанного с разрешением уголовного дела.

*Уральский государственный юридический университет
Александрова Л. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса*

*Ural State Law University
Aleksandrova L. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: ml1970@yandex.ru*

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК СПОСОБ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исследованы пробелы уголовно-процессуального регулирования и связанные с ними проблемы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела, приведены примеры производства под видом осмотра места происшествия иных следственных действий (выемки, обыска). Даны рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: возбуждение уголовного дела, изъятие предметов и документов, осмотр места происшествия.

AN EXAMINATION OF THE CRIME SCENE AS A WAY TO SEIZE ITEMS AND DOCUMENTS BEFORE THE INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the gaps in criminal procedure regulation and the related problems of seizure items and documents before the institution of criminal proceedings, provides examples of production under the guise of the examination of the crime scene of other investigative actions (seizures, searches) and provides recommendations for the improvement of legislation and law enforcement.

K e y w o r d s: an institution of criminal proceedings, seizure of items and documents, examination of the crime scene.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Изъятие до возбуждения уголовного дела предметов и документов, обладающих признаками вещественных доказательств, является одной из сложных и давних проблем в науке и практике российского уголовного процесса. Проблема не потеряла своей актуальности и после принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым был существенно расширен перечень проверочных действий (в том числе следственных) стадии возбуждения уголовного дела. Несмотря на то что в законе было предусмотрено право следователя (дознавателя) при проверке сообщения о преступлении истребовать предметы и документы, изымать их в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, а также помимо осмотра места происшествия проводить другие следственные действия, основным способом изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела по-прежнему остается (и даже получило более широкое распространение) такое следственное действие, как осмотр места происшествия. Это объясняется рядом причин и, в первую очередь, несовершенством законодательства.

Формулировка ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой регламентируются проверочные действия по истребованию и изъятию предметов и документов, настолько, неконкретна и двусмысленна, что порождает больше вопросов, чем дает ответы. Так, предусмотренное в норме право следователя (дознателя, органа дознания) истребовать предметы и документы в ходе проверки сообщения о преступлении не может быть реализовано в отношении предметов и документов, обладающих признаками вещественных доказательств, поскольку в нормах УПК РФ по-прежнему отсутствует нормативная регламентация процессуального порядка и процессуального оформления такого истребования. Это порождает впоследствии сомнения в достоверности и допустимости полученных таким образом вещественных доказательств. Предусмотренное законом право следователя, дознателя и органа дознания изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, еще более туманно и неопределенно, поскольку позволяет толковать данное право как минимум тремя способами. Одни ученые и практики предположили, что закон, таким образом, допустил возможность проведения в стадии возбуждения уголовного дела выемки (а некоторые и обыска)¹. Другие, отвергая допустимость производства выемки (и обыска) в стадии возбуждения уголовного дела, вполне логично заключили, что законодатель закрепил в нормах УПК РФ самостоятельное проверочное (процессуальное) действие – изъятие предметов и документов, которое должно оформляться путем составления протокола изъятия². Большинство же ученых данное положение истолковали как возможность изъятия предметов и документов в ходе производства только тех следственных действий, проведение которых допускается в стадии возбуждения уголовного дела³. Эта точка зрения получила наибольшее распространение потому, что соответствует другим нормам УПК РФ, полученные таким образом доказательства обладают свойством допустимости, а главное – такое применение нормы не ставит правоприменителей в потенциальных нарушителей закона, как в других случаях.

В частности, изъятие предметов и документов не может быть самостоятельным проверочным действием, оформляемым протоколом, по нескольким причинам. Во-первых, закон указывает на изъятие предметов и документов в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, но какого-либо

¹ См., например: *Халиков А. Н.* Собрание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // *Законность*. 2013. № 12. С. 54–57; *Каретников А. С., Каретников С. А.* Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // *Там же*. 2014. № 7. С. 37–42.

² См.: *Козлов В. В.* О процессуальном оформлении изъятия, проводимого до возбуждения уголовного дела // *Вестник Барнаульского юрид. ин-та МВД России*. 2015. № 1(28). С. 91–93; *Чабукиани О. А.* Истребование или изъятие следователем предметов и документов как проверочное действие стадии возбуждения уголовного дела // *Научный диалог*. 2013. № 12(24). С. 64–71.

³ См.: *Калиновский К. Б.* «Доследственный» обыск — незаконное ноу-хау // *Уголовный процесс*. 2015. № 1. С. 9; *Воскобойник И. О.* Некоторые проблемы уголовно-процессуальной регламентации производства изъятий предметов и документов до возбуждения уголовного дела // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петерб. ун-та МВД России*. 2015. № 2(40). С. 45–47; *Карагодин В. Н.* Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // *Рос. юрид. журнал*. 2012. № 5. С. 128–132; и др.

порядка изъятия (вне следственных действий) не предусматривает. Во-вторых, в УПК РФ не говорится о форме фиксации данного действия, в то время как необходимость составления протокола при производстве каждого конкретного процессуального действия прямо оговаривается в законе (ч. 8 ст. 164, ст. 166 УПК РФ – протокол следственного действия, ст. 218 УПК РФ – протокол ознакомления с материалами уголовного дела и др.). В-третьих, как верно замечает В. В. Кальницкий, «...изъятие – административное по своей природе действие»⁴. Именно в КоАП РФ закреплены условия, основания, процессуальный порядок изъятия предметов и документов как самостоятельного действия и с обязательным составлением протокола. В УПК РФ об изъятии говорится лишь как о составной части некоторых следственных действий. И, наконец, акт изъятия и протокол изъятия – это те документы, которые уже неоднократно признавались нелигитимными высшими судебными органами. Поэтому изъятие как самостоятельное процессуальное действие с составлением протокола не может быть расценено как изъятие в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Что касается выемки (или обыска) в стадии возбуждения уголовного дела, то, по справедливому замечанию К. Б. Калиновского, выемка и обыск сопряжены с принудительным изъятием имущества, проникновением в жилище, хранилище, запретом покидать место производства следственных действий и другими существенными ограничениями конституционных прав граждан, которые не допустимы до возбуждения уголовного дела⁵. Даже если выемка (или обыск) проводится с добровольного согласия лица, то такая добровольность всегда может быть впоследствии признана вынужденной (особенно если проводится в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления), поскольку при производстве выемки имеет значение не только сам факт ограничения, но и потенциальная возможность в ходе выемки немедленного применения этих ограничений (в виде психологического воздействия при отказе в добровольном осуществлении действий).

Поэтому единственным законным способом изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела является производство следственных действий. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении следователь вправе провести осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, а также освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и производства экспертизы. Изъятие же предметов и документов закон допускает лишь при производстве осмотра места происшествия, освидетельствовании и получении образцов для сравнительного исследования. Однако освидетельствование и получение образцов для сравнительного исследования носят ограничительный характер. Освидетельствование связано лишь с осмотром живого человека, что существенно ограничивает круг изымаемых предметов лишь осматриваемым лицом, а

⁴ Кальницкий В. В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 64–71.

⁵ См.: Калиновский К. Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 45.

специфика получения образцов для сравнительного исследования не позволяет изымать любые предметы и документы, а ограничивается теми, которые являются образцами для сравнительного исследования и необходимы для производства экспертизы.

Таким образом, из всех допустимых в стадии возбуждения уголовного дела следственных действий, которые могут быть проведены до возбуждения уголовного дела и в ходе которых возможно изъятие предметов и документов, обладающих признаками вещественных доказательств, остается осмотр места происшествия. Именно отсутствие регламентации в УПК РФ порядка истребования и изъятия предметов и документов привело к тому, что такое следственное действие, как осмотр места происшествия, сущность которого всегда заключалась в закреплении обстановки совершенного преступления, в последнее время в практической деятельности приобрело иное назначение, а именно как способ принудительного изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела.

Но не только формулировка ч. 1 ст. 144 УПК РФ является причиной «популярности» данного следственного действия. Осмотр места происшествия стал «удобен» не только для следователя, но и иных сотрудников правоохранительных органов (органов дознания), осуществляющих административную, полицейскую, оперативно-розыскную деятельность. Поскольку такие виды деятельности по ряду преступлений (например, приобретение, сбыт наркотических средств) предшествуют уголовно-процессуальной, перед практическими работниками часто возникают вопросы о том, в каком порядке (административном, оперативно-розыскном, уголовно-процессуальном и т. д.) и в соответствии с каким законом (КоАП РФ, ФЗ «Об ОРД» или УПК РФ) необходимо осуществлять изъятие тех или иных предметов и документов, чтобы впоследствии они могли быть признаны допустимыми доказательствами. При этом, исходя из разъяснений высших судебных органов, не допускается подмена одного вида деятельности другой (например, подмена уголовно-процессуальной деятельности оперативно-розыскной), а также смешение различных видов деятельности (например, при осуществлении оперативно-розыскной изъятие предметов в соответствии с КоАП РФ). Кроме того, в некоторых законах нормативная регламентация изъятия предметов и документов либо отсутствует, либо еще более неоднозначна. Например, в ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывается, что предметы и документы должны изыматься в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий с составлением протокола в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Главное, как справедливо отмечает В. С. Балакшин, в УПК РФ отсутствует порядок и условия преемственности доказательственного значения источников фактических данных, полученных до возбуждения уголовного дела в рамках иного вида деятельности⁶, что делает доказательства, полученные таким способом, еще более уязвимыми. Поэтому осмотр места происшествия стал единственным законным процессуальным действием, в ходе

⁶ См.: Балакшин В. С. Допустимость доказательств : понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки : науч.-практ. пособие. Екатеринбург, 2013. С. 225.

которого могут быть изъяты предметы и документы, впоследствии приобретающие силу допустимых и достоверных доказательств. Это следственное действие приобрело настолько универсальный характер, что в настоящее время проводится после производства оперативно-розыскных мероприятий с целью отыскания в помещении (иногда в жилище) и изъятия таких предметов, как наркотические средства, денежные средства (предмет взятки), контрафактная продукция, предметы экстремистской деятельности и др. А недавно Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин поставил вопрос о закреплении в нормах УПК РФ возможности проведения таких осмотров и у отдельных категорий лиц – судей, депутатов, адвокатов и иных лиц, обладающих определенным статусом⁷.

Однако следует заметить, что осмотр места происшествия как элемент системы следственных действий имеет свои цели, задачи и может проводиться лишь при наличии определенных условий, оснований, в установленном процессуальном порядке, а изъятие предметов и документов в ходе их производства также не может быть безграничным. Существенные ограничения способов изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела привели к тому, что в правоприменительной практике получили широкое распространение случаи подмены одного следственного действия другим. Под видом осмотра в правоприменительной практике стали проводить фактически выемки и обыски. Основное назначение осмотра места происшествия – это визуальное обследование помещения, местности, жилища с целью фиксации обстановки места происшествия и возможного изъятия следов преступления. Но, во-первых, не любые предметы и документы могут быть отнесены к следам преступления. Одним из принципиальных отличий осмотра места происшествия от выемки и обыска является то, что границы осмотра определяются понятием «следы преступления», которое никак не регламентируется в нормах УПК РФ, поэтому под видом следов преступления могут быть изъяты любые предметы и документы. При производстве же обыска и тем более выемки – круг предметов и документов, которые могут быть изъяты, ограничен вынесенным постановлением, в котором следователь (суд) обязан обосновать необходимость изъятия либо конкретных предметов и документов (при выемке) либо должен быть очерчен круг этих предметов и документов (при обыске – например, предметы, которые были похищены с места преступления). Поэтому изъятие любых предметов и документов под видом «следов преступления» при осмотре места происшествия недопустимо. Во-вторых, изъятие следов преступления – это вспомогательная цель (а не единственная) данного следственного действия. То есть основным назначением данного следственного действия должен быть осмотр помещения (местности) и фиксация места преступления; при обнаружении следов – возможно их изъятие. В-третьих, возможно лишь визуальное обследование помещения, жилища, местности (с некоторым набором простых опытных действий), не допускаются поисковые действия, существенно ограничивающие конституционные права граждан. В-четвертых, изъятие следов преступления не может носить тотальный

⁷ См.: Козлова Н. Кто вне закона? Никто // Рос. газета. 2020. № 5 (8059).

характер (к примеру, заключаться в изъятии всех документов, составляющих деятельность предприятия). И еще одной важной проблемой является широкое толкование практическими работниками понятия «место происшествия», под которым следует понимать место преступления или место обнаружения признаков преступления (например, обнаружения трупа), а не любое место, где обнаружены предметы, имеющие отношение к делу. Не случайно в нормах УПК РФ, дополненных Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ и позволяющих проводить осмотр помещений адвокатов до возбуждения в отношении их уголовного дела, указывается такое условие, как обнаружение в этом помещении признаков преступления. Все эти условия и отличают осмотр места происшествия от иных следственных действий, поэтому его проведение допускается в стадии возбуждения уголовного дела, а производство выемки и обыска – нет. На это указал и Конституционный Суд РФ в определении от 5 марта 2014 г. № 518-О⁸. Однако очень сложно установить какие-либо критерии разграничения данных следственных действий. Поэтому разнообразна и практика проведения осмотра места происшествия.

Так, в доме подозреваемого Х. был проведен осмотр места происшествия, в ходе которого изъяты средства совершения преступлений. При этом в протоколе осмотра места происшествия указано: «в правом верхнем ящике комода обнаружены шапочки, нож, струна с шайбами, две веревки телесного цвета, коричневый порошок, имеющий запах пороха. При открытии следующего ящика обнаружены: охотничьи патроны, два сифоновых баллончика, связка ключей, две сим-карты, флэш-карты, нож-бабочка с рукояткой красного цвета»⁹.

Фактически следователь провел обыск в жилище подозреваемого, поскольку из протокола следует, что изъятые предметы не были расположены на открытых для наблюдения местах. Чтобы их обнаружить, он проводил принудительные поисковые мероприятия, а не фиксировал общую обстановку совершения преступления.

По другому делу под видом осмотра места происшествия фактически была проведена выемка.

Оперативные сотрудники ГУ МВД России по Свердловской области по заявлению гр. Ш. о мошенничестве провели оперативный эксперимент, в ходе которого у гр. Б. были изъяты денежные средства в сумме 30 тыс. рублей, она была задержана и доставлена в отделение полиции. В служебном кабинете оперативного сотрудника при получении объяснения от гр. Б. она добровольно выдала телефон, полученный от потерпевшей, и еще один телефон, использовавшийся ею при совершении противоправных действий. Указанные предметы были изъяты оперативным сотрудником путем оформления протокола осмотра места происшествия.

Б. обжаловала такие действия в прокуратуру Свердловской области. Прокурор обоснованно внес представление о нарушении сотрудниками полиции уголов-

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 518-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Нарушения при осмотре места происшествия. URL: <http://www.ugpr.ru/article/1558-qpe-16-m10-31-10-2016-narusheniya-pri-osmotre-mesta-proisshestviya>

но-процессуального закона, поскольку изъятием предметов путем осмотра места происшествия оперативными сотрудниками фактически была проведена выемка.

Если в первом примере говорится о случаях, которые всегда были проблемой разграничения обыска и осмотра по характеру действий, то вторая ситуация стала возможной после внесения изменений в УПК РФ и Федеральный закон «Об ОРД». Поскольку в ст. 15 указанного закона говорится о возможности изъятия предметов и документов с составлением протокола, отвечающего требованиям уголовно-процессуального законодательства, а в УПК РФ единственным легитимным, позволяющим изъять предметы, следственным действием является осмотр места происшествия, то сложно упрекнуть оперативников в незнании закона.

Однако, как отмечалось выше, целью осмотра как следственного действия является визуальное обследование помещения, предмета, жилища, необходимость в котором в данном примере отсутствовала. Кроме того, характер этого действия не предполагает разъяснений лицу права добровольной выдачи, а также иных прав (к примеру, право на адвоката). Поэтому с точки зрения обеспечения законных прав и интересов гр. Б., в том числе право выдать предметы добровольно, проведение оперативными сотрудниками выемки, в которой они указали бы факт добровольной выдачи предметов, было бы более оправданным, чем производство осмотра места происшествия. Подтверждением такой позиции является определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 2885-О¹⁰, в котором, по сути, и была произведена выемка документов на добровольной основе. Хотя, как уже отмечалось выше, нельзя признать законным и производство выемки, тем более не у потерпевших, как в решении Конституционного Суда РФ, а у подозреваемой.

Учитывая, что факт мошенничества был выявлен и зафиксирован результатами ОРД, оперативным сотрудникам следовало бы передать материалы следователю для возбуждения уголовного дела либо возбудить уголовное дело самим в порядке ст. 157 УПК РФ, после чего произвести выемку телефонов. Для принятия такого решения имелись и повод, и основания.

В третьем случае следователь провел следственное действие – осмотр места происшествия после того, как ему было отказано в добровольном представлении предметов и документов, т. е. фактически осуществил принудительное изъятие документов из кабинета, не являющегося местом происшествия.

В рамках проверки сообщения о незаконном выделении земельного участка руководителю органа внутренних дел следователь изучил реестр договоров на приобретение указанных объектов. Обратив внимание на то, что в реестре имеются сведения о приобретении земельных участков также руководителями иных правоохранительных органов, следователь письменно затребовал в администрации муниципального округа подлинники названных договоров.

Получив отказ в предоставлении документов, следователь провел осмотр места происшествия – служебного кабинета председателя комитета по управлению

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Эрики Вячеславовны на нарушение конституционных прав частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 2885-О. URL: <http://www.ksf.ru/ru>

имуществом. В ходе производства следственного действия были обнаружены и изъяты искомые документы.

Председатель комитета по управлению имуществом обратился в суд с жалобой на действия следователя. Суд согласился с доводами заявителя, посчитав, что осмотр производился без сообщения о преступлении, в кабинете, не являвшемся местом происшествия, документы изъяты при отсутствии информации об их незаконности, осмотр не был вызван необходимостью неотложного исследования кабинета и изъятия документов. В связи с этим суд пришел к выводу, что следователь действовал в нарушение ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ст. 177 УПК РФ, поэтому эти действия признаются незаконными и необоснованными¹¹.

Действия, которые фактически осуществил следователь, с одной стороны, были непосредственно направлены на поиск и изъятие (либо только изъятие, причем принудительное) документов, не представленных следователю по запросу и носили явно принудительный характер, что составляет сущность таких следственных действий, как обыск и выемка.

Но, с другой стороны, должностное лицо (а возможно и потенциальный подозреваемый) не выполнило требование следователя. Вполне логично, что невыполнение требования, связанного с рассмотрением сообщения о преступлении, должно влечь определенные последствия, которые, однако, уголовно-процессуальный закон не устанавливает¹². Поэтому, по верному замечанию В. Н. Карагодина, следователи вынуждены проводить осмотры места происшествия в тех случаях, когда требования о предоставлении необходимых документов не исполняются при проверке сообщений о коррупционных, налоговых и некоторых других видах преступлений¹³. Не выполняются требования по разным причинам: как в связи с неурегулированностью в законе процессуального порядка представления и дальнейшей судьбы этих документов при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела (не редки случаи их невозврата и утери), так и желания уйти от уголовной ответственности (если истребуются документы у потенциального нарушителя закона).

Однако чаще всего в практической деятельности встречаются примеры изъятия предметов и документов в ходе осмотра места происшествия, проведенного на грани допустимого законом.

Так, в ходе проведения проверочной закупки в магазине, принадлежавшем Таманян и в котором она по совместительству работала продавцом, была изъята бутылка водки с поддельной акцизной маркой. Таманян не стала отрицать, что продала водку с возможно поддельными марками, и сама показала оперативникам подсобное помещение, где стояли ящики с этой водкой. В присутствии понятых полицейские осмотрели, описали и изъяли спиртное, составили протокол осмотра места происшествия¹⁴.

¹¹ Решение Березовского городского суда Свердловской области от 15 марта 2010 г. по жалобе председателя комитета по управлению имуществом Березовского городского округа.

¹² Следует заметить, что ч. 4 ст. 21 УПК РФ не обеспечивает представления истребуемого документа.

¹³ См.: Карагодин В. Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Рос. юрид. журнал. 2012. № 5. С. 131–132.

¹⁴ Суд напомнил, что продажа алкоголя с поддельной маркой и наклеивание такой марки на бутылку – не равнозначны // Уголовный процесс. 2017. № 3. С. 88–91.

С одной стороны, фактически была проведена выемка, поскольку целью данного следственного действия являлось не визуальное обследование помещения с целью обнаружения следов преступления, а непосредственное изъятие ящиков с водкой, хотя и добровольно выданное. Но, с другой стороны, если данное действие формально содержало в себе все признаки осмотра места происшествия, а именно искомые предметы находились в помещении, оно было осмотрено (т. е. зафиксирована обстановка помещения), и в нем были обнаружены следы преступления в виде бутылок водки, то их изъятие в ходе осмотра места происшествия может быть признано вполне законным (как правило, и признается законным).

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законе фактически отсутствует регламентация способов получения (истребования и изъятия) предметов и документов до возбуждения уголовного дела, причем не только принудительно, но даже добровольно. Поэтому полученные в рамках проверки сообщения о преступлении предметы и документы (особенно обладающие признаками вещественных доказательств) всегда будут вызывать сомнения в их допустимости и порождать различную правоприменительную практику. Единственным исключением является следственное действие – осмотр места происшествия (и в очень редких случаях – освидетельствование). Однако и осмотр места происшествия не может быть универсальным способом изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела. Исходя из сущности данного следственного действия (в том виде, в котором оно сформулировано в нормах УПК РФ), осмотр места происшествия может быть признан допустимым способом изъятия предметов и документов только, если осматривается место преступления или место обнаружения признаков преступления, изъятие не является единственной целью этого действия, его необходимость возникает в ходе и по результатам визуального обследования помещения. В ходе осмотра изымаются исключительно следы преступления, а не все имеющиеся предметы или документы, как содержащие возможные следы преступления. Нельзя исключать возможность производства осмотра места происшествия, являющегося жилищем, против воли проживающих в нем лиц в случаях, не терпящих отлагательства. Однако с целью недопущения злоупотреблений и выполнения данного действия исходя из его назначения, в законе должен быть более детально регламентирован порядок осмотра места происшествия (с вынесением постановления, в котором как минимум должны быть изложены основания производства следственного действия и определены его границы), а также предусмотрена возможность проверки законности его производства судом в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в том числе до возбуждения уголовного дела.

*Уральский государственный юридический университет
Бравилова Е. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса*

Ural State Law University

*Bravilova E. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: eabravilova@gmail.com*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье дан анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство у мирового судьи по делам частного обвинения; особое внимание уделено проблемам, связанным с защитой прав потерпевших. Приведены положения, направленные на совершенствование исследуемого правового института.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мировой судья, частное обвинение, частный обвинитель, потерпевший, обвиняемый.

PROTECTION OF RIGHTS OF THE VICTIM IN PRIVATE CRIMINAL PROSECUTION

The paper studies modern criminal procedure legislation governing magistrates court process in private prosecution; special attention is given to the problem connected with the protection of victims of crime's rights and legal interests; the paper contains proposals to improve legislation.

K e y w o r d s: justice of the peace, private prosecution, private prosecutor, victim of crime, accused.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке.

Делами частного обвинения согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ считаются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ («Клевета»).

Часть 2 ст. 20 УПК РФ содержит положение о том, что дела указанной категории возбуждаются не иначе, как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

Буквальное толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что для возбуждения дела частного обвинения необходимо соответствующее волеизъявление потерпевшего (или его законного представителя), сформулированное в заявлении, что послужит основанием для возникновения обязанности у правоохранительных органов возбудить уголовное дело и привлечь виновного к ответственности. Именно так и происходит, если речь идет о делах частно-публичного обвинения.

Но обращение к тексту ст. 318 УПК РФ, которая непосредственно посвящена регламентации порядка возбуждения дел частного обвинения, свидетельствует об ошибочности ранее сделанного вывода.

Согласно ч. 1 указанной статьи уголовные дела частного обвинения в отношении конкретного лица возбуждаются потерпевшим или его законным представителем путем подачи заявления мировому судье, т. е. обязанность возбуждения уголовного дела и дальнейшего осуществления уголовного преследования возложена на потерпевшего.

Такой подход законодателя, как отмечают Р. В. Мазюк и Е. Ф. Чайков, во многом обусловлен тем, что преступления, преследуемые в порядке частного обвинения, хотя и обладают общественной опасностью, ее характер, степень, а также специфика объекта преступного посягательства (личные неимущественные интересы) не требуют привлечения государственных сил и средств для расследования данной категории преступлений. Кроме того, как правило, указанные преступления носят очевидный характер, что не влечет (с точки зрения законодателя) каких-либо затруднений в установлении события преступления и личности виновного¹.

Возникает вопрос, действительно ли потерпевшие по делам частного обвинения в состоянии надлежащим образом справиться с возложенными на них обязанностями?

Так, к заявлению, подаваемому потерпевшим или его законным представителем мировому судье, закон предъявляет определенные требования. В соответствии с ч. 5 ст. 318 УПК РФ заявление должно содержать:

- 1) наименование суда, в который оно подается;
- 2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;
- 3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству;
- 4) данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность;
- 5) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- 6) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
- 7) подпись лица, его подавшего.

Если потерпевший не справится с поставленной задачей и его заявление не будет в полной мере отвечать требованиям уголовно-процессуального закона, то мировой судья выносит постановление о возвращении его подавшему лицу. В указанном постановлении он предлагает привести заявление в соответствие с имеющимися требованиями, устанавливая для этого определенный срок. В случае неисполнения указаний мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству, о чем уведомляет лицо, его подавшее.

Таким образом, вполне реальной становится следующая ситуация. В силу юридической неграмотности некоторые потерпевшие не смогут должным образом составить заявление мировому судье (особенно это касается юридической квалификации содеянного), чтобы начать уголовное преследование виновных, и останутся без правовой защиты. В современных экономических условиях далеко не каждый потерпевший в состоянии обратиться за помощью

¹ См.: Мазюк Р. В., Чайков Е. Ф. Защита процессуальных интересов потерпевшего при частном порядке уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14). С. 42.

к профессиональному адвокату по вопросу составления заявления, а также устных и письменных консультаций. Мировой судья не может за них сформулировать обвинение. Это было бы осуществление судом обвинительной деятельности. Органы предварительного расследования также не могут возбудить уголовное дело в рассматриваемой ситуации, так как в силу прямого указания закона дела частного обвинения (за исключением случаев, перечисленных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ) возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем. В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, в том числе и потерпевшим по делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения. Поэтому они не должны быть лишены своего права на привлечение обидчика к уголовной ответственности.

У обозначенной проблемы есть еще один аспект. Даже если потерпевший сможет надлежащим образом оформить заявление и оно будет принято мировым судьей к производству, это еще не означает, что все трудности позади. В соответствии со ст. 43 УПК РФ уголовно-процессуальной функцией частного обвинителя (так именуется потерпевший по рассматриваемой категории дел с момента принятия мировым судьей его заявления к производству) является поддержание обвинения. В рамках осуществления этой функции он должен изобличить обвиняемого в содеянном, собрав необходимый доказательственный материал.

Но, как справедливо отмечают З. З. Талынева и Л. У. Резяпова, частный обвинитель оказывается не в состоянии это сделать в силу объективных (низкая правовая культура, финансовые трудности) и субъективных причин².

Конечно, мировой судья в соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ по ходатайству частного обвинителя вправе оказать ему содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены им самостоятельно. Формы, в которых мировой судья может оказывать такое содействие в собирании доказательств, прямо законодательством не установлены. Представляется, что содействие в первую очередь может быть выражено в направлении мировым судьей требований о предоставлении предметов и документов, с помощью которых могут быть установлены сведения, имеющие значение для дела. Но даже для заявления ходатайства в ряде случаев требуются элементарные юридические знания, которыми не обладает большинство потерпевших.

Следует согласиться с мнением В. Н. Перекрестова, что возложение обязанности по собиранию доказательств на потерпевшего по делам частного обвинения противоречит положениям ст. 52 Конституции РФ об обеспечении государством доступа потерпевшего к правосудию и компенсации причиненного ему вреда³.

Каков же выход из сложившейся ситуации?

² См.: Талынева З. З., Резяпова Л. У. Совершенствование производства по делам частного обвинения как реальная необходимость // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 174.

³ См.: Перекрестов В. Н. Некоторые проблемы рассмотрения дел частного обвинения, предусмотренных частью 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. 2015. № 4 (29). С. 144.

Некоторые ученые-процессуалисты предлагают предоставлять потерпевшим по делам частного обвинения возможность бесплатно пользоваться юридической помощью. В частности, подобное предложение высказывалось З. З. Талыневой и Л. У. Резяповой⁴. На наш взгляд, в современных экономических условиях Российского государства реализация данного положения весьма затруднительна. Поэтому более реальным представляются иные варианты решения обозначенной проблемы:

1) наделить мирового судью правом передать заявление потерпевшего от преступления, преследуемого в порядке частного обвинения, для производства дознания, если к нему с соответствующим ходатайством обратится сам потерпевший, который не в состоянии нести бремя доказывания. При этом не следует лишать потерпевшего права на примирение с обвиняемым;

2) либо ввести обязательную процедуру дознания по делам частного обвинения, также сохранив за потерпевшим право на примирение с обвиняемым.

⁴ См.: Талынева З. З., Резяпова Л. Указ. соч. С. 175.

*Уральский государственный юридический университет
Головачук О. С., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

*Ural State Law University
Golovachuk O. S., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: persival@mail.ru*

А. А. Давлетов, Н. В. Азарёнок, Р. Ш. Асанов

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются различные подходы, сложившиеся в уголовно-процессуальной науке, к проблеме функций следователя. Выделяются три концепции: состязательная, консолидированная, дифференцированная. На основе философской характеристики категории «функция» проводится анализ этих концепций. Показывается, с одной стороны, правомерность и ценность каждой из них, а с другой – они подвергаются критическому анализу. Обосновывается авторское видение проблемы функций следователя в современном отечественном уголовном процессе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: функции, деятельность, состязательность, следователь, целеполагание.

THE PROBLEM OF THE FUNCTIONS OF INVESTIGATOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with various approaches to the problem of the investigator's functions that have developed in the criminal procedure science. There are three concepts: competitive, consolidated, differentiated. On the basis of the philosophical characteristic of the category «function» the analysis of these concepts is carried out. It is shown, on the one hand, the validity and value of each of them, and on the other they are subjected to critical analysis. The author's vision of the problem of the investigator's functions in the modern domestic criminal process is substantiated.

К e y w o r d s: functions, activity, adversarial, investigator, goal-setting.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Требование состязательности судопроизводства, закрепленное в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, было воспринято авторами УПК РФ как установка, подлежащая реализации не только на судебных этапах уголовно-процессуальной деятельности, но и в досудебном производстве, прежде всего в стадии предварительного расследования. Для этого в УПК РФ внесены положения, неизвестные законодательству советского времени. Так, следователь оказался участником стороны обвинения (п. 47 ст. 5, ст. 38 УПК РФ), а понятие стороны получило закрепление в неразрывной связи с состязательностью и осуществляемыми при этом функциями. Согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ «стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения».

Между тем в УПК РФ сохранился ряд норм, содержащихся в предыдущем УПК РСФСР 1960 г. Следователь как и прежде «самостоятельно направляет ход расследования» (ст. 127 УПК РСФСР, п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); устанавливает фак-

тически тот же круг обстоятельств, который был определен как предмет доказывания в советский период (ст. 68 УПК РСФСР, ст. 73 УПК РФ); защитник, хотя и приобрел более широкие правомочия по собиранию доказательств, однако не стал субъектом самостоятельного адвокатского расследования и т. д.

В результате с первых дней действия УПК РФ возникло острейшее противоречие между заявленной идеей признания следователя представителем стороны обвинения с единственной функцией уголовного преследования, и его реальным положением полноправного «хозяина» дела, осуществляющего не только обвинение лица в совершении преступления, но и другие направления своей деятельности. Данное противоречие усилило интерес юристов к исследованию процессуального положения следователя под углом зрения его функций.

Необходимо отметить, что эта проблема сформировалась в уголовно-процессуальной науке задолго до принятия УПК РФ. Еще во второй половине XIX в., благодаря трудам таких ученых, как А. Ф. Кони¹, Т. Г. Тальберг², М. В. Духовской³, И. Я. Фойницкий⁴, С. И. Викторский⁵, в теории уголовного процесса сложилась доктрина триады функций: обвинения, защиты и разрешения дела. Однако эти функции рассматривались применительно к судебному производству, поскольку только в нем проявлялась состязательная процедура разрешения дела, тогда как предварительное расследование осуществлялось в розыскной, а не состязательной форме. По этому поводу С. В. Познышев писал: «У нас предварительное производство продолжает еще быть проникнуто розыскными началами, что особенно резко выражается в отсутствии сторон на предварительном следствии. Прокурор на предварительном следствии является не стороной, а органом, наблюдающим за производством предварительного следствия. Защита на предварительном следствии отсутствует. В стадии рассмотрения дела судом наш процесс уже проникнут принципом состязательности»⁶.

Таким образом, в дореволюционный период развития уголовно-процессуальной науки проблема функций, во-первых, была сугубо теоретической, так как в законодательстве того времени не было нормативного использования термина «функция»; во-вторых, исследовалась применительно лишь к судебному производству.

В советское время состязательность была объявлена «вредной буржуазной конструкцией»⁷, в связи с чем в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не оказалось упоминания о состязательности, а также функций обвинения, защиты и разрешения дела. Поэтому юристы до принятия УПК РСФСР 1960 г. фактически не исследо-

¹ См.: Кони А. Ф. За последние годы. 2-е изд., доп. СПб., 1898. С. 275–293; *Его же*. Собр. соч. : в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 358–370.

² См.: Тальберг Т. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие по лекциям. Киев, 1889. С. 140–143, 228–299.

³ См.: Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 110–127.

⁴ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. С. 6–11, 71–91.

⁵ См.: Викторский С. И. Русский уголовный процесс. 2-е изд. М., 1912. С. 179–180, 186.

⁶ Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 30–31.

⁷ Чельцов М. А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Учен. записки ВЮЗИ. М., 1958. Вып. 6. С. 85–87.

вали проблему функций. Лишь М. С. Строгович в своих работах пытался найти место состязательности и ее функциям в советском уголовном процессе⁸.

Хотя в тексте УПК РСФСР 1960 г. не оказалось термина «функция», ученые начали активно изучать данную проблему. При этом проявились два ее аспекта. Первый состоит в определении понятия уголовно-процессуальной функции; второй – в выделении конкретных функций применительно к уголовному судопроизводству в целом, а также к его отдельным этапам и субъектам, в частности следователю.

По первому вопросу сформировались два подхода. Одни авторы трактуют функции как направления деятельности, обусловленные задачами уголовного процесса. Так, Ф. Н. Фаткуллин утверждал, что функциями являются «те главные направления всей уголовно-процессуальной деятельности, которые определяются основными задачами советского уголовного судопроизводства и выражают его демократическую сущность»⁹. Эту точку зрения разделяли М. Л. Якуб¹⁰, В. П. Нажимов¹¹, А. М. Ларин¹².

Другие авторы связывали функции не с задачами деятельности, а с ее субъектами. Основоположителем этой концепции была П. С. Элькинд, которая определяла функции как «выраженные в направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль участников процесса независимо от того, в каких именно стадиях и в какой последовательности находят свое осуществление»¹³. Эта позиция нашла поддержку в работах В. Г. Даева¹⁴, В. Н. Шпилева¹⁵.

Что касается функций следователя, то в юридической науке еще на советском этапе ее развития (во второй половине XX в.) сформировались разные подходы. Представители первого стояли на позиции триады процессуальных функций и пытались через нее вывести систему направлений деятельности следователя. Например, М. С. Строгович утверждал, что «в деятельности следователя сочетаются все три основные процессуальные функции – уголовное преследование или обвинение, защита и разрешение дела»¹⁶.

Другие юристы усматривали в деятельности следователя лишь одну функцию – предварительного расследования уголовных дел. Вначале это мне-

⁸ См.: *Строгович М. С.* Природа советского уголовного процесса. Принцип состязательности. М., 1939. С. 109.

⁹ *Фаткуллин Ф. Н.* Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 62.

¹⁰ См.: *Якуб М. Л.* О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве // *Правоведение*. 1973. № 5. С. 83–89.

¹¹ См.: *Нажимов В. П.* Об уголовно-процессуальных функциях // *Правоведение*. 1973. № 5. С. 73–82.

¹² См.: *Ларин А. М.* Расследование преступлений : процессуальные функции. М., 1986. С. 5.

¹³ *Элькинд П. С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 55.

¹⁴ См.: *Даев В. Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности // *Правоведение*. 1974. № 1. С. 64–73.

¹⁵ См.: *Шпилев В. Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 65.

¹⁶ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 225–226.

ние высказал В. Я. Чеканов¹⁷. В дальнейшем его поддержали Р. Д. Рахунов¹⁸, П. С. Элькин¹⁹, В. М. Савицкий²⁰ и иные авторы²¹.

Третья группа исследователей пошла по пути дифференциации функций следователя. Так, Н. А. Якубович выделила следующие функции: 1) раскрытие преступлений; 2) уголовное преследование; 3) предупреждение преступлений²².

А. П. Гуляев предложил следующую систему процессуальных функций: «1) рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении; 2) исследование обстоятельств дела; 3) обвинение в совершении преступления; 4) ограждение граждан от неосновательного обвинения в совершении преступления; 5) обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнение приговора в части конфискации имущества; 6) пресечение преступлений и принятие мер к устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления; 7) розыск обвиняемых, местонахождение которых неизвестно; 8) разрешение уголовных дел»²³.

По мнению А. М. Ларина следователь осуществляет следующие функции: 1) исследование обстоятельств дела; 2) уголовное преследование; 3) отстаивание интересов, нарушенных преступлением (обеспечение устранения и возмещения вреда); 4) обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном деле; 5) пресечение и предупреждение преступлений; 6) процессуальное руководство; 7) разрешение дела²⁴.

З. З. Зинатуллин усматривает в деятельности следователя пять процессуальных функций: 1) раскрытие преступлений; 2) обоснование уголовной ответственности лица, совершившего преступление, – обвинение; 3) охрана прав и законных интересов лица, совершившего преступление, – защита; 4) возмещение вреда (ущерба), причиненного преступлением; 5) предупредительно-воспитательная функция²⁵.

Таким образом, на завершающем отрезке советского этапа развития уголовно-процессуальной науки большинство авторов видели функциональное назначение следователя не как одного из субъектов состязательного уголовного судопроизводства, а как полноправного правоприменителя, реализующего стоящие перед ним задачи по многим направлениям своей деятельности.

¹⁷ См.: Чеканов В. Я. Процессуальное положение обвиняемого на предварительном расследовании в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1955. С. 7.

¹⁸ См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 127.

¹⁹ См.: Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 59–66.

²⁰ См.: Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 43–44.

²¹ См.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 72–73 ; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователя. М., 1967. С. 50–51 ; Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968. С. 97.

²² См.: Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971. С. 57–58.

²³ Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 12.

²⁴ См.: Ларин А. М. Указ. соч. С. 5.

²⁵ См.: Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 1994. С. 14–15.

Авторы УПК РФ, стремящиеся к преобразованию уголовного процесса из смешанной модели в состязательную форму, не могли обойтись без понятия «функция», поскольку «треугольник» состязательности, складывающийся из обвинения, защиты и разрешения дела, основан на принципе «один субъект – одна функция». Именно в этом контексте термин «функция» получил закрепление в УПК РФ (п. 45 ст. 5, ст. 15).

Такой подход законодателя значительно усилил позицию сторонников триады функций. Некоторые исследователи полагают, что в уголовном судопроизводстве функции обвинения, защиты и разрешения дела осуществляются не только в судебных стадиях, но и в досудебном производстве. Так, по мнению Э. К. Кутуева и О. М. Ефремова, «следователь в досудебном производстве осуществляет и функцию обвинения, и функцию защиты, и функцию разрешения уголовного дела»²⁶. Аналогичной точки зрения придерживается Г. П. Химичева²⁷.

Однако не все юристы разделяют данную концепцию. Многие авторы усматривают в деятельности следователя лишь одну функцию – предварительного расследования. Например, Д. М. Берова пишет: «Единственной процессуальной функцией следователя является функция расследования уголовного дела»²⁸. Такой же позиции придерживается А. П. Гуськова²⁹, А. Е. Капитонов³⁰.

Ряд исследователей различает в предварительном расследовании несколько направлений. Например, С. С. Телигисова считает, что «следователь осуществляет следующие процессуальные функции: рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении; исследование обстоятельств дела; ограждение граждан от неосновательного обвинения в совершении преступления; обвинение в совершении преступления; обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества; пресечение преступлений и принятие мер к устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления; розыск обвиняемого (обвиняемых), место нахождения которых неизвестно; разрешение уголовных дел»³¹. По мнению Н. Ю. Дутова, функциями следователя являются: 1) исследовательская; 2) обвинительная; 3) защитная; 4) превентивно-профилактическая; 5) исполнительская; 6) квазисудебная; 7) приоритетно-процессуальная (предварительное расследование)³².

²⁶ Кутуев Э. К., Ефремов О. М. Процессуальные функции, осуществляемые следователем в состязательном уголовном процессе // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 9. С. 82.

²⁷ См.: Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 65.

²⁸ Берова Д. М. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 207–210.

²⁹ См.: Гуськова А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 59–62.

³⁰ См.: Капитонов А. Е. Процессуальная функция следователя // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2013. С. 43–48.

³¹ Телигисова С. С. Уголовно-процессуальные функции следователя и их место в его деятельности // Вестник ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 146–153.

³² См.: Дутов Н. Ю. Процессуальные функции следователя в состязательном уголовном процессе и особенности их реализации. Воронеж, 2015. С. 22.

Как видно, в современной уголовно-процессуальной науке фактически сохраняются те же три подхода к функциональной характеристике следователя, которые сформировались в советское время. Первый правомерно именовать составительной концепцией, поскольку триада функций раскрывает роль сторон и суда в правовом споре. Вторую концепцию можно назвать консолидированной, так как вся деятельность следователя сводится к единственной функции предварительного расследования. Третий подход выступает как дифференцированный, ибо на его основе работа следователя делится на ряд направлений.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Прежде чем использовать понятие «функция» в той или иной области практики, в данном случае уголовно-процессуальной, необходимо определиться с общетеоретической трактовкой данной категории.

Обращение к философским источникам показывает, что рассматриваемому термину даются разные дефиниции. Одни авторы определяют функцию как «способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению этого объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента»³³; другие – как «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений»³⁴; третьи – как «комплекс операций, посредством которых проявляет себя органическая, физическая и социальная жизнь»³⁵.

Исходя из многообразия понятия «функция», толковый словарь современного русского языка предлагает пять его значений: «1. Явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления. 2. Переменная величина, меняющаяся в зависимости от изменения другой величины (мат.). 3. Работа, производимая органом, организмом (биол., физиол.). 4. Обязанность, круг деятельности чего-нибудь, подлежащая исполнению работа. 5. Значение, назначение, роль»³⁶. Если свести данные дефиниции к общему знаменателю, то проявляется семантический смысл латинского слова «*functio*», означающего «выполнение работы».

Методологическое значение категории «функция» заключается в следующем. Любой отдельно взятый элемент материального мира: явление, вещь, процесс – определенным образом существует, «живет» в реальности, т. е. функционирует. При этом проявляются два направления такого функционирования – внешнее, когда объект взаимодействует с окружающими его явлениями, и внутреннее, когда происходящие в содержании объекта процессы обеспечивают его жизнедеятельность. И в том и другом случае происходит то, что можно обозначить как «выполнение работы». Например, человек внешне существует (функционирует) в обществе как индивид, вступая в различные социальные отношения, и в то же время человек внутренне живет (функционирует) как биологический организм. Отдельный орган человека: мозг, сердце, легкие

³³ Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1970. С. 418–419.

³⁴ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролов. 5-е изд. М., 1986. С. 526.

³⁵ Философский словарь / под ред. Д. Жулия. М., 2000. С. 486.

³⁶ Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2014. С. 730.

и др., а также более частные их элементы функционируют в своих внешних и внутренних проявлениях.

Отсюда два вывода. Первый – любой объект, независимо от формы существования, а также степени его общности может (и должен) рассматриваться с точки зрения функций. Второй – функциональный анализ объекта распространяется на две стороны его существования – внешнюю и внутреннюю, что обуславливает выделение соответствующих функций.

Применительно к уголовному судопроизводству изложенное означает, что категория «функция» приложима и к уголовно-процессуальной деятельности в целом, и к отдельным ее стадиям и производствам, и к обособленным процессуальным действиям, а также к любому субъекту, участвующему в уголовном процессе. При этом функция в зависимости от угла зрения исследователя в одних случаях выступает как внешнее проявление взятого компонента уголовно-процессуальной деятельности, а в других как совокупность элементов, образующих его внутреннее содержание.

Так, социально-правовая функция уголовного процесса заключается в том, что он является юридической процедурой привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Функциональная роль судебного производства состоит в разрешении уголовного дела по существу, тогда как органы предварительного расследования функционируют для того, чтобы подготовить для суда необходимые материалы. Этот ряд можно продолжить, однако суть ясна – во всех данных случаях речь идет о внешних свойствах объекта как части более общей системы, т. е. о функции как роли, назначении объекта служить той или иной социальной потребности.

По-иному категория «функция» проявляется применительно к внутреннему устройству (структуре) деятельности.

В философии под деятельностью понимается процесс активного воздействия субъекта (человека) на объект (окружающую действительность) с целью удовлетворения личной или общественной потребности³⁷. Из этого следует, что основу деятельности образуют три элемента: а) субъект; б) цель; в) средства, используемые субъектом для достижения цели. Цель как желаемый результат достигается в сложноорганизованных процессах путем совершения ряда действий, обозначаемых как задачи. Единство цели и задач образует целеполагание деятельности³⁸.

Категории «субъект – средства – цель» представляют статическую, неподвижную сторону деятельности. Для характеристики деятельности в динамике необходимо привлечь дополнительное понятие, раскрывающее процесс работы субъекта с предоставленными ему средствами. Эту роль выполняет категория «функция», которая связывает данные компоненты, показывая, как соответствующий механизм переходит в состояние движения, т. е. функционирует. Следовательно, при функциональном анализе деятельности необходимо

³⁷ См., например: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 151 ; *Уханов А. В. Информационная деятельность : социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук*. Екатеринбург, 1998. С. 7.

³⁸ См., подробнее об этом: *Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение*. 2013. № 1. С. 124–134.

отвести понятию «функция» соответствующее место в структуре деятельности, т. е. раскрывать функции во взаимосвязи с субъектом, средствами, целью, но не допускать смешения этих понятий.

Универсальность функций как философской категории, позволяющей использовать ее в качестве методологического положения при изучении любого объекта, дает возможность применить функциональный подход к деятельности с самых разных позиций. Но при этом требуется уточнить, какой объект исследуется – деятельность в целом либо ее отдельный элемент, а также указать, какая из его сторон – внешняя или внутренняя – подвергается функциональному анализу.

Таковы, на наш взгляд, исходные философские положения, необходимые для решения проблемы функций в уголовном судопроизводстве вообще и функций следователя в частности.

Прежде всего, обратимся к позиции авторов, усматривающих в деятельности следователя единственную функцию предварительного расследования.

Эта концепция имеет под собой основу, однако необходимо оговорить, что в данном случае речь идет о внешней стороне деятельности следователя, т. е. о его функциональном назначении. Возьмем четырех правоприменителей, действующих в уголовном судопроизводстве: следователя, дознавателя, прокурора, судью. Для чего предназначена (функционирует) их деятельность? Следователь и дознаватель производят предварительное расследование преступлений; прокурор надзирает над досудебным производством, а в судебном поддерживает государственное обвинение; суд осуществляет правосудие и судебный контроль. Поэтому вполне правомерно рассматривать этих лиц как носителей указанных функций.

Принципиально по-другому предстает следователь при функциональном анализе содержания его деятельности. В данном случае сложная процессуальная работа подвергается внутренней дифференциации по отдельным направлениям. При этом методологически допустимо производить такое деление на разных уровнях деятельности, а также по разным основаниям в зависимости от усмотрения автора-исследователя либо позиции законодателя.

Отсюда следует, что триада функций не только обоснована, но и необходима в уголовном процессе, однако применима она только там, где функционирование субъектов осуществляется через «треугольник» состязательности, т. е. в судебном производстве. Хотя предварительное расследование организовано по-другому, функциональный подход позволяет обнаружить в нем функцию уголовного преследования. Это происходит в том случае, когда следователь производит действия, направленные на избличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). В то же время это не означает, что работа следователя производится в рамках состязательной формы, потому что в предварительном расследовании нет равноправных сторон обвинения и защиты, а также суда как постоянного арбитра в их правовом споре. Поэтому наряду с уголовным преследованием в деятельности следователя можно выделить множество других функций: рассмотрение сообщений о преступлениях, возмещение причиненного деянием вреда, охрана прав ин-

тересов личности, взаимодействие с органами дознания, розыск скрывшегося обвиняемого, профилактика преступлений и т. д.

Возникает вопрос: все концепции уголовно-процессуальных функций – и состязательная, и консолидированная, и дифференцированная – имеют право на существование?

Ответ, безусловно, положительный, поскольку универсальная роль функций как философско-методологической категории позволяет исследовать объект с разных позиций. Но при этом ни одна из предложенных точек зрения не может рассматриваться в качестве единственно правильной, так как каждая из них характеризует функциональность уголовно-процессуальной деятельности в своем аспекте. Состязательная модель функций служит основой судебного производства, без которой невозможно представить место и роль участвующих субъектов; консолидированная показывает функциональное назначение (внешнее проявление) уголовного судопроизводства в тех или иных его компонентах, тогда как дифференцированная позволяет раскрыть внутреннее содержание уголовного процесса.

Однако следует учитывать, что не каждая высказанная в рамках данных подходов точка зрения может признаваться теоретической концепцией. Для того чтобы стать таковой, авторское мнение должно обладать свойствами логичности, аргументированности, непротиворечивости, системности, т. е. быть научно обоснованной конструкцией.

Не все приведенные выше мнения юристов по поводу дифференциации функций следователя отвечают данным требованиям. Подтверждением тому являются существенные расхождения в количестве и видах направлений деятельности следователя, предлагаемых тем или иным автором. У Н. А. Якубович их три, З. З. Зинатуллина – пять, А. П. Гуляева и А. М. Ларина – по семь, и все в разных формулировках. Причина столь разноречивого решения одного и того же вопроса методологическая, и заключается она в несоблюдении правил системного выделения в исследуемом объекте составляющих его элементов. Так, если раскрытие преступлений определено как задача уголовного процесса, то оно не может одновременно выступать в качестве функции. Если разделение функций следователя произведено на уровне основных (первоочередных) направлений деятельности: исследования обстоятельств дела, уголовного преследования и т. д., то среди них нет места такому второстепенному аспекту, как розыск скрывшегося обвиняемого. В то же время розыск скрывшегося лица выступает отдельным направлением деятельности, но в другой конструкции функций следователя.

Многообразие подходов к проблеме уголовно-процессуальных функций ставит вопрос о прикладной ценности того или иного решения. В настоящее время не вызывает сомнений необходимость лишь одной – состязательной концепции функций, поскольку она закреплена в УПК РФ. Однако та роль, которая отведена в кодексе функциям обвинения, защиты и разрешения дела, не соответствует характеру всей уголовно-процессуальной деятельности, так как в единстве они проявляются только в судебном производстве, а в предварительном расследовании не действуют. Поэтому состязательность и соот-

ветственно триаду функций следовало бы перевести из ранга принципа всего уголовного судопроизводства в статус общего условия судебного разбирательства, на что правильно указывают некоторые авторы, например В. А. Азаров, Н. И. Ревенко и М. М. Кузембаева³⁹.

Что касается других концепций функций – консолидированной, дифференцированной, то они продолжают оставаться сугубо теоретическими конструкциями, имеющими научное и обучающее значение. Каждое авторское решение несет определенную ценность. Но при этом имеются объективные факторы, раскрывающие деятельность следователя в основополагающих ее характеристиках. К таковым, на наш взгляд, относятся две модели уголовно-процессуальных функций, обусловленные двумя наиболее значимыми целевыми установками уголовного процесса. Первая – задачи уголовного судопроизводства, вторая – обстоятельства, подлежащие доказыванию.

В советское время решение проблемы дифференциации функций следователя с точки зрения решаемых им задач облегчалось прямым нормативным закреплением задач уголовного судопроизводства. Ими согласно ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. были: а) раскрытие преступлений; б) изобличение виновных; в) правильное применение закона; г) предупреждение преступлений и воспитание граждан. Нетрудно заметить, что исследователи того периода руководствовались данными установками, выводя из них тот или иной круг уголовно-процессуальных функций.

В УПК РФ такого ориентира нет. Нормы, закрепленные в ст. 6 УПК РФ и определяющие назначение уголовного судопроизводства, не дают представления о тех направлениях деятельности, которые осуществляет правоприменитель, в частности следователь, для достижения поставленной цели. Но поскольку в своей основе современный российский уголовный процесс по-прежнему сохраняет смешанную форму, то система задач, сформулированная в ст. 2 УПК РСФСР, продолжает оставаться ориентиром в выделении функций следователя.

При этом, как отмечалось, функции нельзя рассматривать как зеркальное отражение задач, так как эти понятия, хотя и взаимосвязаны, но не тождественны. Если задачи отвечают на вопрос «что сделать?», то функции – «каким путем это достигается?». Кроме того, методологически несостоятельно выстраивать систему функций по принципу «одна задача – одна функция», поскольку функция, будучи автономным явлением, способна обеспечивать разрешение как единственной, так и нескольких задач.

Любой юридический процесс в своей основе представляет собой правоприменительную деятельность, в структуре которой выделяются три этапа: а) установление фактических обстоятельств; б) правовая оценка (квалификация) факта; в) властное распоряжение⁴⁰. В концентрированном виде их можно свести к двум составляющим. Первая – познавательная, доказательственная, суть которой в приобретении субъектом знания об исследуемом событии. Вто-

³⁹ См.: Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. *Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России*. Омск, 2006. С. 30.

⁴⁰ См.: Алексеев С. С. *Общая теория права* : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 536 ; *Перевалов В. Д. Теория государства и права* : учебник. М., 2009. С. 220–221.

рая – разрешительная или оценочно-распорядительная, когда субъект выражает свое волеизъявление по установленным фактическим обстоятельствам. Эти два аспекта правоприменительной деятельности определяют две первоочередные функции следователя.

Познавательная функция следователя. Ведущая роль этого направления не требует особой аргументации. Оно обусловлено не только значением познания как основы любой человеческой деятельности, но и положениями уголовно-процессуального законодательства. Достаточно указать на третий раздел УПК РФ, содержащий исходные правила доказывания по уголовному делу. Авторы, выделяющие в качестве уголовно-процессуальной функции раскрытие преступления, исследование обстоятельств дела, фактически имеют в виду данное направление уголовно-процессуальной деятельности.

Разрешительная функция следователя. В качестве второй функции, осуществляемой в предварительном расследовании, следовало бы выделить уголовное преследование, поскольку это направление уголовно-процессуальной деятельности прямо названо в УПК РФ функцией. Однако исследование обстоятельств дела далеко не всегда приводит к решению, связанному с избранием подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, т. е. уголовным преследованием. В ходе досудебного производства выносятся множество как итоговых, так и промежуточных решений, причем не только материально-правового, но и процессуального характера: об отказе в возбуждении уголовного дела; о возобновлении, приостановлении, прекращении производства; применении мер процессуального принуждения; производстве следственных действий и т. д. Все они выступают как результат оценочно-распорядительной деятельности правоприменителя и в той или иной мере разрешают уголовное дело. Уголовное преследование является одной из ветвей данного направления деятельности, т. е. функцией более частного уровня, и фигурирует в качестве самостоятельной в том случае, если процесс переходит в состязательную форму, где процессуальная деятельность фокусируется в противостояние сторон обвинения и защиты.

Правообеспечительная функция следователя. Новые гарантии, получившие закрепление в Конституции РФ: право каждого на судебную защиту (ст. 46), право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), право не свидетельствовать против себя и близких (ст. 51) и др., повлекли значительное реформирование уголовно-процессуальной деятельности в сторону обеспечения прав, свобод и законных интересов личности.

Среди принципов уголовного судопроизводства появились такие положения, как «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» (ст. 11 УПК РФ) и «обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» (ст. 16 УПК РФ). Заметно расширились обязанности следователя по разъяснению и реализации прав потерпевшего, обвиняемого, свидетеля и других субъектов; обеспечению прав лиц, участвующих в производстве следственных действий, и т. д.

В результате этот аспект уголовного судопроизводства стал одним из ведущих направлений деятельности следователя, безусловно, претендующим на статус отдельной процессуальной функции, не уступающим в своей значимо-

сти предыдущим. Интересно отметить, что еще в 1986 г. А. М. Ларин выделил «обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном деле» в качестве одной из функций следователя. Если в советский период для этого были основания, то в настоящее время их более чем достаточно.

Процедурная функция следователя. Уголовное судопроизводство представляет собой сложную (многосубъектную и многоэтапную) деятельность, порядок которой детально урегулирован законом, т. е. облечен в определенную юридическую форму. Своевременное, законное и обоснованное вынесение решений по делу, правильное составление протоколов процессуальных действий, наделение участвующих лиц надлежащим правовым статусом, соблюдение сроков производства и др. характеризуют уголовно-процессуальную деятельность с организационно-технической (процедурной) стороны. Располагая множеством процессуальных действий, следователь выстраивает их в предусмотренном законом порядке. В результате производство по делу выступает как юридическая технология – совокупность действий, образующих процесс предварительного расследования. Несоблюдение следователем уголовно-процессуальной формы влечет различные правовые последствия: исключение доказательств, возвращение дела на дополнительное расследование, частное определение суда.

Указанные четыре функции: познавательная, разрешительная, правообеспечительная и процедурная – выступают в качестве отдельных элементов, охватывающих в совокупности содержание уголовно-процессуальной деятельности. Эти направления отвечают внутреннему устройству (структуре) уголовного судопроизводства. Первые две выступают в качестве сердцевины, ядра, поскольку характеризуют правоприменение – основу уголовно-процессуальной деятельности. Другие функции: правообеспечительная и процедурная – выполняют роль условий (оболочки), необходимых для успешной реализации правоприменительных задач. Обоснованность данной конструкции можно проверить через следующее правило: если следователь установил все обстоятельства преступления, принял в ходе производства по делу правильные юридические решения, обеспечил при этом права и законные интересы участвующих лиц, а также провел все действия в предусмотренном законом порядке, то можно утверждать, что задачи предварительного расследования были успешно решены.

Предложенная система функций следователя в равной мере относится и к суду. Такое единство обусловлено тем, что в предварительном расследовании и судебном разбирательстве, по сути, реализуется один и тот же круг задач. Различия лишь в юридической значимости выносимых решений и порядке производства по уголовному делу. Полагаем, что именно на таком, максимально обобщенном, уровне необходимо первоначально решить проблему уголовно-процессуальных функций, чтобы затем на данной основе выявить более частные функции, осуществляемые на отдельных этапах уголовно-процессуальной деятельности конкретными участниками уголовного судопроизводства.

Из множества отдельных элементов уголовно-процессуальной деятельности, каждый из которых может быть объектом функционального анализа, на

первый план выступает доказывание – центральный компонент уголовного судопроизводства. Целевая программа доказывания закреплена в ст. 73 УПК РФ в виде обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В этом круге обстоятельств прежде всего указаны факты уголовно-правового характера: событие преступления, виновность лица в его совершении и др. Их установление направлено на привлечение лица к уголовной ответственности, т. е. применение норм уголовного закона, что образует главенствующую функцию – уголовное преследование.

Вторую функцию можно именовать гражданско-правовой, поскольку доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), связано с реализацией норм гражданского права.

В ч. 2 ст. 73 УПК РФ закреплена обязанность выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, что образует отдельную (третью) процессуальную функцию, которую можно именовать криминогенной.

В данной статье кодекса не указаны обстоятельства сугубо процессуального характера, лежащие в основе производства следственных действий, применения мер пресечения, приостановления, возобновления дела и т. д. Такие обстоятельства в отличие от перечисленных в ст. 73 УПК РФ выполняют особую роль (юридической формы) и определяют еще одно автономное направление уголовного судопроизводства – процессуальное.

Таким образом, в деятельности следователя с точки зрения юридического значения применяемых норм можно выделить *уголовно-правовую функцию* (уголовного преследования лица, совершившего преступление), *гражданско-правовую функцию* (возмещения вреда, причиненного преступлением); *криминогенную функцию* (выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления); *процессуальную функцию* (соблюдения формы судопроизводства).

Предложенные две модели уголовно-процессуальных функций не исключают других подходов, однако именно через задачи уголовного судопроизводства и предмет доказывания необходимо в первую очередь раскрывать содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Итак, философская категория «функция» имеет большую методологическую ценность для изучения любого объекта. Функциональный анализ позволяет выявить как внешние связи, так и внутренние компоненты исследуемого явления на всех уровнях его организации. Поэтому уголовное судопроизводство может рассматриваться с точки зрения функций и в целом, и по стадиям, и по отдельным процессуальным действиям, и по субъектам.

Применительно к содержанию деятельности функция выступает как одна из основополагающих характеристик наряду с субъектом, средствами и целеполаганием, что требует, с одной стороны, взаимосвязанного анализа этих понятий, а с другой – четкого их размежевания. В данном аспекте функция представляет собой качественно обособленное направление (часть работы), которое производит субъект для решения стоящих перед ним задач.

В отечественной уголовно-процессуальной науке сложились три концепции функций, которые можно именовать составительской, консолидированной

и дифференцированной. Каждая из них раскрывает уголовно-процессуальную деятельность со своей стороны и применительно к тому или иному элементу уголовного судопроизводства.

Функции обвинения, защиты и разрешения дела как единая юридическая конструкция работают в судебных стадиях, но не действуют в досудебном производстве. Консолидированная концепция показывает внешнюю роль (функциональное назначение) уголовно-процессуальной деятельности либо ее отдельных компонентов. Дифференцированная модель позволяет провести функциональный анализ содержания (внутренней организации) уголовного судопроизводства.

В практической значимости на первый план выступает состязательная концепция функций, поскольку она получила закрепление в УПК РФ. Однако признание состязательности и соответственно триады функций в качестве принципа всей уголовно-процессуальной деятельности не согласуется со смешанной (несостязательной) формой современного отечественного уголовного судопроизводства, что требует перевода состязательности в разряд общего условия судебного разбирательства.

Для уяснения содержания уголовно-процессуальной деятельности особую ценность представляют две дифференцированные модели функций, основанные на задачах уголовного судопроизводства и предмете доказывания по уголовному делу. Первая позволяет выделить четыре направления деятельности: познавательное, разрешительное, правообеспечительное и процедурное, по которым реализуется целеполагание уголовного судопроизводства, а вторая указывает на разную юридическую значимость обстоятельств, устанавливаемых по делу: уголовно-правовую, гражданско-правовую, криминогенную и процессуальную.

Уральский государственный юридический университет

Давлетов А. А., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Азарёнок Н. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Асанов Р. Ш., адъюнкт кафедры уголовного процесса

Ural State Law University

Davletov A. A., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department

Azarenok N. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department

Asanov R. Sh., Post-graduate Student of the Criminal Process Department
E-mail: up@usla.ru

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье подвергается критике концепция параллельного адвокатского расследования. Аргументируется, что исторический тип российского уголовного судопроизводства как процесса публично-обвинительного, а не частного-искового, не содержит объективных оснований для введения в досудебное производство адвокатского расследования наряду с традиционными предварительным следствием и дознанием.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адвокат-защитник, состязательность, собрание доказательств, предварительное расследование.

LAWYER INVESTIGATION: MYTH OR REALITY?

In article the concept of parallel lawyer investigation is exposed to criticism. It is reasoned that the historical type of the Russian criminal legal proceedings as process public and accusatory, but not private and claim, doesn't contain the objective bases for introduction to pre-judicial production of lawyer investigation along with traditional preliminary investigation and inquiry.

K e y w o r d s: lawyer defender, competitiveness, collecting of proofs, preliminary investigation.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Возможности адвоката, сложившиеся в советский период, не отвечали потребностям новой России. Так, «Положение об адвокатуре РСФСР» 1980 г. предоставляло адвокату, участвующему в деле в качестве защитника и представителя, только одно правомочие – «запрашивать через юридическую консультацию справки, характеристики в связи с оказанием юридической помощи из государственных и иных общественных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии»¹.

В ст. 70 УПК РСФСР 1960 г., регламентирующей собрание доказательств, было закреплено исключительное право дознавателя, следователя, прокурора, суда производить следственные действия, а также истребовать предметы и документы. Другим участникам процесса, в частности защитнику, дозволялось лишь представлять доказательства (ч. 2 ст. 70). Но при этом УПК РСФСР не указывал, каким образом защитник может собирать доказательства для последующего их представления.

В результате полномочия советского адвоката сводились к передаче следователю, суду истребованных по адвокатскому запросу документов, что не давало оснований рассматривать защитника в качестве субъекта, правомочного самостоятельно собирать доказательства.

¹ Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР : закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48.

Поиск новых путей развития права постсоветской России привел к принятию 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР постановления «О концепции судебной реформы». В этом документе получили закрепление, в частности, следующие положения: «защитнику и представителю потерпевшего обеспечивается возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, допустимость которых устанавливается законом. Ничем не может быть ограничено право адвоката встречаться с очевидцами события преступления и другими лицами, располагающими какими-либо сведениями по делу, требовать их вызова и допроса»².

В принятой в 1993 г. Конституции РФ появились две принципиальные нормы, составившие фундамент адвокатской деятельности в современной России. Первая гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), вторая закрепляет осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч.3 ст. 123).

Опираясь на эти положения, юристы начали активно разрабатывать одну из главных проблем деятельности адвоката – проблему самостоятельного собирания доказательств в уголовном процессе.

Как известно, коренные исторические переломы неизбежно порождают крайности. Не миновала эту тенденцию и уголовно-процессуальная наука. Ряд ее представителей в результате своих исследований выдвинули концепцию так называемого «параллельного адвокатского расследования». В наиболее системном виде данная теоретическая конструкция представлена в трудах Е. Г. Мартынчика³.

Сторонники концепции адвокатского расследования предлагают наделить адвоката-защитника правомочиями самостоятельно собирать доказательства, в том числе путем производства ряда следственных действий. По окончании своего расследования адвокат составляет «защитительное заключение», формирует собственное уголовное дело в виде отдельной папки, содержащей сшитые и пронумерованные документы, знакомит с материалами других участников дела, после чего направляет его в суд.

Как видно, адвокатское расследование во многом схоже с расследованием следователя, дознавателя; идет наряду (параллельно) с ним; равноценно с результатами предварительного расследования предстает перед судом для разрешения уголовного дела по существу.

Принятый в 2001 г. УПК РФ не дал решения проблемы адвокатского расследования. Сторонники этой идеи, хотя и были разочарованы отсутствием прямого закрепления данного института в новом кодексе, однако обнаружили в нем ряд норм, которые, по их мнению, свидетельствуют о фактическом наличии адвокатского расследования в современном отечественном уголовном

² Концепция Судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 93.

³ См.: *Мартынчик Е. Г.* Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования : учеб. пособие. М., 2012. С. 121. См. также: *Горя Н.* Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. № 7. С. 22 ; *Трунов И. Л.* Адвокатское защитительное заключение // Адвокатская практика. 2002. № 6. С. 27–29.

процессе. Так, Е. Г. Мартынчик утверждает, что «адвокатское расследование ... выступает как составная часть досудебного производства по уголовным делам, представляет собой новый вид предварительного расследования, который гармонично дополняет существующие его формы – дознание и предварительное следствие»⁴.

В обоснование такой позиции приводятся следующие положения УПК РФ. Во-первых, уголовный процесс во всех его стадиях (как в досудебном, так и судебном производстве) является состязательным (ст. 15 УПК РФ). Состязательность предполагает равноправие сторон. Значит, если дознаватель, следователь как сторона обвинения правомочны проводить свое расследование преступления, то и адвокат-защитник может равноправно делать то же самое. Во-вторых, УПК РФ дал защитнику право не только представлять, но и собирать доказательства (п. 2 ч.1 ст. 53, ч. 3 ст. 86). В-третьих, новый кодекс расширил полномочия адвоката-защитника, позволив ему собирать доказательства не только путем истребования документов, но и опроса лиц с их согласия, а также привлечения специалиста (п. 3 ч.1 ст. 53, ч. 3 ст. 86). В-четвертых, заключение специалиста как результат привлечения адвокатом специалиста признано доказательством и поставлено в один ряд с заключением эксперта (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Достаточны ли эти доводы для вывода о наличии в нашем УПК РФ адвокатского расследования?

Исходный аргумент о состязательной форме уголовного судопроизводства сомнителен. Реализация конституционного требования состязательности судопроизводства оказалась для авторов – разработчиков УПК РФ неразрешимой проблемой. Положение, содержащееся в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, однозначно обязывает организовать в состязательной процедуре производство в суде, в судебных стадиях уголовного процесса. О состязательном построении досудебного производства в Конституции РФ ничего не сказано. Достаточно отметить, что рассматриваемое требование расположено в главе Основного закона, именуемой «Судебная власть».

В Общей части УПК РФ уголовно-процессуальная деятельность (не только судебное, но и досудебное производство) ориентирована на состязательность. В результате следователь, дознаватель оказались на стороне обвинения, а адвокат-защитник предстал стороной защиты. Однако нормы Особенной части УПК РФ сохранили розыскной (несостязательный) характер предварительного расследования. Следователь, дознаватель как были, так и остаются полномочными «хозяевами» дела; защитник не стал равноправным с ними участником процесса; а главное – над противоборством обвинения и защиты не появился постоянно действующий суд – арбитр в их споре. Поэтому в досудебном производстве современного российского уголовного процесса нет состязательности и равноправия сторон как основы адвокатского расследования.

Не выдерживает критического анализа тезис сторонников адвокатского расследования о наделении адвоката-защитника правом самостоятельно собирать доказательства. Указание на это право в тексте УПК РФ, а также предо-

⁴ Мартынчик Е. Г. Указ. соч. С. 121.

ставление защитнику собственных «собираемых» возможностей не превратили адвоката в такого же субъекта собирания доказательств, какими являются следователь и дознаватель. Для обоснования этого утверждения достаточно привести два аргумента. Во-первых, среди видов доказательств, указанных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, нет ни опроса лица защитником, ни документов, полученных по адвокатскому запросу. Есть заключение специалиста, но оно расценивается на практике как неполноценное доказательство по причине отсутствия уголовной ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения. Во-вторых, все собранные защитником материалы должны быть приобщены к уголовному делу, причем не к своему (адвокатскому), а делу, находящемуся в производстве органов предварительного расследования. Но при этом следователь, дознаватель вправе отказать адвокату в удовлетворении любого ходатайства (ст. 159 УПК РФ).

Этот аспект уголовно-процессуальной деятельности имеет принципиальное значение. Действующий УПК РФ, как и УПК РСФСР, сохраняет статус защитника как просителя, ходатая перед правоприменителем. Любое намерение адвоката повлиять на ход и результаты уголовного дела может быть реализовано единственным путем – заявлением ходатайства следователю, дознавателю, который полностью свободен в своем усмотрении по разрешению просьбы адвоката.

Таким образом, в настоящее время в нашем уголовном процессе не только нет адвокатского расследования как относительно сформировавшегося института уголовно-процессуального права, но и каких-либо признаков его существования.

Концепция адвокатского расследования и до принятия УПК РФ и позже подвергалась аргументированной критике такими авторитетными учеными, как Н. Н. Ковтун⁵, В. С. Шадрин⁶, Ю. В. Деришев⁷ и др. После этого интерес к данной теме заметно снизился. Но в последние годы проблема адвокатского расследования периодически поднимается как одна из актуальных задач совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Так, в 2015 г. В. Ю. Мельников в статье «Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования?» изложил известную конструкцию адвокатского расследования и предложил ввести ее в уголовный процесс в качестве самостоятельной формы предварительного расследования наряду с традиционными предварительным следствием и дознанием⁸.

В 2017 г. к этой теме обратился А. Н. Калюжный в статье «Адвокатское расследование в уголовном процессе: проблемы правовой конструкции и практики реализации». Автор усматривает в нормах ч. 3 ст. 86 УПК РФ «закрепление

⁵ См.: Ковтун Н. Н. Рецензия на книгу: Пастухов М. И. Реабилитация невиновных : основы правового института. Минск, 1993 // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 224.

⁶ См.: Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 143–145.

⁷ См.: Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 262–265.

⁸ См.: Мельников В. Ю. Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования? // Адвокатская практика. 2015. № 4. С. 3–8.

института адвокатского расследования», констатирует «значительное затруднение при осуществлении данного института», но в итоге признает «непроцессуальный характер адвокатского расследования и необходимость придания полученным им материалам надлежащей процессуальной формы через лиц, осуществляющих производство по делу»⁹.

При расхождении в позициях В. Ю. Мельникова и А. Н. Калюжного (первый в адвокатском расследовании видит самостоятельную форму досудебного производства, второй – подчиненную существующему предварительному следствию и дознанию) авторы единодушны в том, что адвокатское расследование должно стать необходимым элементом современного российского уголовного процесса.

Представляется, что концепция адвокатского расследования не только не основана на положениях уголовно-процессуального законодательства, но и не соответствует природе отечественного уголовного судопроизводства.

Корни несостоятельности концепции адвокатского расследования лежат в более глубоких пластах формирования уголовно-процессуального права, чем его институты состязательности и собирания доказательств. На исходном (первоначальном) уровне уголовное судопроизводство любой страны предстает в своем историческом типе (форме, модели), тогда как состязательность и другие процессуальные категории выступают в качестве его вторичных признаков.

Как известно, уголовный процесс западноевропейских государств развивался в рамках двух правовых систем: англосаксонского и континентального.

Для жителя Англии с давних времен разрешение юридического конфликта было его личным делом. И по гражданско-правовому спору, и в связи с преступлением человек самостоятельно собирал доказательства в свою пользу и обращался к суду, который с участием сторон, т. е. состязательно, разрешал ситуацию. Такой процесс получил название частно-искового (или частно-обвинительного), который по форме не мог быть ничем иным, как состязательным.

В континентальной части Европы уголовное судопроизводство сформировалось в иной структуре. Реагирование на преступление стало делом государственным, публичным, что породило два этапа движения уголовного дела: досудебный и судебный. В досудебном производстве главенствовали органы предварительного расследования. Они действовали в розыском (несостязательном) порядке, защита на этом этапе была существенно ограничена и не претендовала на роль равноправной стороны. В судебном же производстве выделялись стороны обвинения и защиты, спор которых перед судом выглядел как состязание равных субъектов. Этот уголовный процесс именуется публично-исковым (публично-обвинительным). В нем досудебный этап осуществляется в несостязательной (розыскной, инквизиционной) форме, а состязательность действует лишь в судебных стадиях. Если английское уголовное судопроизводство предстает как полностью состязательное, то континентальное – как смешанное (розыскное в предварительном расследовании и состязательное в судебном разбирательстве).

⁹ Калюжный А. Н. Адвокатское расследование в уголовном процессе : проблемы правовой конструкции и практики реализации // Адвокатская практика. 2017. № 1. С. 49–54.

Уголовный процесс России по Судебной реформе 1864 г. был создан по континентальному типу. Уголовное судопроизводство советского периода, несмотря на существенные изменения, сохранило смешанную форму. Современный российский уголовный процесс, хотя идеологически заявлен как полностью состязательный, в действительности остается прежним – с розыскным досудебным и состязательным судебным производством. Такая стабильность исторической модели отечественного уголовного процесса объясняется тем, что в его основе лежит не частное, а публичное начало. Это предопределяет роль состязательности, которая отсутствует в предварительном расследовании, но является обязательной в судебных стадиях.

Расширить масштаб действия требования состязательности, т. е. распространить его и на досудебное производство, можно лишь в том случае, если подвергнуть наш уголовный процесс коренному преобразованию. Для этого необходимо отказаться от публичной направленности уголовного преследования и перейти на частно-исковой порядок разрешения уголовных дел. Именно такой путь совершенствования уголовно-процессуального законодательства предлагают сторонники идеи адвокатского расследования. Например, В. Ю. Мельников пишет: «Заимствования из досудебного производства в англо-американском процессе лежат в основе предложений о предоставлении защитнику права проведения параллельного со следователем расследования права, производства “частных следственных действий”»¹⁰.

Если следовать логике автора, то ради адвокатского расследования наш публично-обвинительный уголовный процесс надо перестроить в частно-обвинительный. Но такие преобразования волевым порядком не решаются. Частное начало в англосаксонской системе права – результат многовекового формирования всего английского общества: его истории, традиций, менталитета и т. д. Точно также возникло и сложилось публичное начало в нашем уголовном судопроизводстве. Отсюда вывод – для того чтобы изменить тип отечественного уголовного процесса, надо вначале коренным образом изменить российское общество, взяв за ориентиры системообразующие ценности Великобритании.

Думается, что такое скорое будущее нас не ожидает. Российское государство, общество, граждане в обозримой перспективе англосаксонскими не станут. Мы наблюдаем как патерналистский характер взаимоотношений государства и личности, испокон веку присущий нашему обществу, в постсоветский период ничуть не изменился, а в чем-то даже усилился. Поэтому совершенствование правовой системы должно идти собственным естественно-историческим путем без навязывания ей чужих юридических конструкций, которые в итоге отвергаются российским национальным менталитетом и сложившимися правоотношениями.

Изложенное позволяет ответить на вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи. Концепция параллельного адвокатского расследования – это миф. Для ее претворения в наше уголовное судопроизводство нет объективных предпосылок, и потому обоснование необходимости совершенствования уго-

¹⁰ Мельников В. Ю. Указ. соч. С. 3.

ловно-процессуального законодательства в этом направлении – дело бесперспективное. Разумеется, нынешний статус адвоката-защитника вообще и его возможности в уголовно-процессуальном доказывании в частности далеки от совершенства. Поиск путей решения данной проблемы продолжается, и концепция адвокатского расследования тому подтверждение. Но при этом нельзя упускать из виду главное методологическое условие – предлагаемые юридические конструкции должны исходить из исторически сложившегося типа отечественного уголовного процесса. А он не частно-обвинительный (составительский), а публично-обвинительный (смешанный). Соответственно, адвокат-защитник в досудебных и судебных этапах уголовного процесса предстает по-разному. В досудебном производстве он не равноправная со следователем сторона, а ходатай перед ним в пределах представленных законом возможностей. В судебных стадиях защитник выступает как сторона, формально равноправная с прокурором, хотя фактического их равенства нет и быть не может.

В рамках этой конструкции необходимо совершенствовать правомочия адвоката-защитника в целях максимально эффективного обеспечения им прав, свобод и законных интересов подзащитного.

*Уральский государственный юридический университет
Давлетов А. А., доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса, почетный адвокат России*

*Ural State Law University
Davletov A. A., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Process
Department, Honorary Attorney of Russian Federation
E-mail: Azarenok_96@mail.ru*

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ

Рассмотрены современные доктринальные и организационно-правовые проблемы, касающиеся процессуального статуса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Обозначены недостатки законодательной регламентации в этой области и намечены пути преобразования данного института.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, обвиняемый, свидетель, содействие правосудию по уголовным делам; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, права, обязанности, ответственность, безопасность, ходатайство.

LEGAL CONSEQUENCES OF THE CONCLUSION PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with modern doctrinal and organizational-legal problems concerning the procedural status of a person with whom a pre-trial agreement on cooperation has been concluded; the shortcomings of legislative regulation in this area are identified and the ways of transformation of this institution are outlined.

К е у в о р д s: criminal proceedings, accused, witness, assistance to justice in criminal cases; the person against whom the criminal case is allocated in a separate production in connection with the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation, rights, duties, responsibility, security, petition.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Обновленная модель уголовного судопроизводства России, ориентированная на достижение его назначения, сущность которого заключается в таком построении процесса, при котором обеспечивалась бы защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, предопределяет необходимость дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства в контексте поиска новых форм уголовного преследования и судебного рассмотрения уголовных дел¹.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства осуществляется по трем основным направлениям: следование международным стандартам защиты прав и свобод человека; дифференциация уголовно-процес-

¹ См.: Гришина Е. П. Концептуальные и правовые проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России. М., 2018. С. 63.

суальной формы; совершенствование процессуального статуса участников процесса. Сказанное в полной мере относится к правовому положению лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.

Поиск путей упрощения и модернизации уголовно-процессуальной формы, повышения эффективности уголовного судопроизводства и предоставления дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, а также правосудию по уголовным делам, побудил законодателя к внесению в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – УПК РФ) дополнений в виде главы 40.1 «Особый порядок принятия решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» и ст. 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве».

Принципиальная возможность и перспективная востребованность, а также значимость досудебного соглашения о сотрудничестве впервые была обозначена в ст. 26 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.³ Данный международный нормативный документ предоставляет государствам-участникам право предусмотреть возможность смягчения, а в надлежащих случаях наказания обвиняемого лица, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, охватываемым настоящей Конвенцией (ч. 2 ст. 26).

Досудебное соглашение о сотрудничестве определяется в УПК РФ как соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ).

На современном этапе досудебное соглашение о сотрудничестве рассматривается как форма уголовного судопроизводства, предоставляющая дополнительные права обвиняемому, а также как «одна из стимулирующих уголовным законом форм положительного поведения лица, совершившего преступление»⁴.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»⁵

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

³ Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (в ред. от 15.11.2000) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.

⁴ Бражников Д. А., Ярошенко С. А. О роли органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 80.

⁵ Рос. газета. 2012. 11 июля.

(далее – постановление ПВС от 28.06.2012 № 16) разъяснил, что нормы главы 40.1 УПК РФ не содержат каких-либо ограничений относительно заключения досудебного соглашения о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми), которые привлекаются к ответственности по одному уголовному делу. При этом заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с одним или несколькими из них является правом прокурора (п. 2).

Единственное ограничение в применении подобного порядка – невозможность его применения в отношении подозреваемых и обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет (п. 4 постановления ПВС от 28.06.2012 № 16).

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве не является «классической» формой упрощенного уголовного судопроизводства, поскольку «ускорение процедур при его применении имеет место лишь на этапе судебного разбирательства и только при соблюдении установленных законом условий. В ходе предварительного расследования производство по уголовным делам рассматриваемой категории значительно усложняется за счет реализации предусмотренных главой 40.1 УПК РФ специальных процедур и необходимости принятия присущих лишь анализируемому порядку процессуальных решений»⁶.

Появление в уголовном процессе особого участника, занимающего «двойственное процессуальное положение» (обвиняемый по собственному, выделенному делу и свидетель по делу о преступлениях соучастников), обусловлено, прежде всего, самым историческим развитием отечественного уголовного процесса, поисками разумного баланса публичных и частных интересов, затрагиваемых в ходе правоохранительной деятельности в целом и производстве по уголовным делам в частности.

Процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ЛДОПС), складывается из нескольких составляющих:

- а) права ЛДОПС, предусмотренные главой 40.1 УПК РФ;
- б) права, предусмотренные ч. 4 ст. 56 УПК РФ (для свидетеля), которыми наделяется лицо ЛДОПС на основании ч. 2 ст. 56.1 УПК РФ;
- в) права, направленные на обеспечение безопасности ЛДОПС, его близких родственников, родственников или близких (ст. 11, п. 7 ч. 4 ст. 56, ст. 317.9 УПК РФ);
- г) обязанность, возникающая при подаче ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ);
- д) процессуальная (общая) ответственность ЛДОПС, наступающая в случаях, предусмотренных ч. 5, 6, 8 ст. 56.1 УПК РФ;
- е) специальная (особая, статусная) ответственность ЛДОПС, предусмотренная ч. 3 ст. 56.1 и главой 40.1 УПК РФ;

⁶ Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 15.

ж) особое право ЛДОПС, освобождающее его от ответственности по ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷ (далее – УК РФ) на основании предписаний ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ;

з) право на особый порядок проведения судебного заседания и принятия судебного решения (ст. 317.6 и 317.7 УПК РФ);

и) право на смягчение наказания (ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ);

к) право обжаловать приговор в порядке, предусмотренном главой 45.1 УПК РФ.

Для определения и законодательного урегулирования процессуального положения ЛДОПС принципиально важным является положение Всеобщей декларации прав человека⁸ о том, что каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10).

Назначение уголовного судопроизводства, его принципы и процессуальные гарантии распространяются на ЛДОПС, независимо от тяжести совершенного им преступления и от того, в каком порядке будет рассмотрено дело.

Основное место в процессуальном статусе ЛДОПС занимают его права, под которыми следует понимать предусмотренную УПК РФ и гарантированную государством меру возможного и допустимого поведения этого участника.

Предоставление ЛДОПС особых прав обусловлено значимостью института досудебного соглашения о сотрудничестве для правоохранительной деятельности в целом, поскольку регулируемые его (института) нормами отношения связаны с расследованием дел, совершаемых организованными группами. Заключение с «одним из участников подобной группы соглашения позволяет сократить сроки расследования и способствует выяснению новых, ранее неизвестных следствию сведений, которые в дальнейшем могут быть использованы для раскрытия ряда преступлений»⁹.

Основным, «первоначальным», в статусе ЛДОПС выступает право подозреваемого, обвиняемого подать в письменном виде через следователя на имя прокурора ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое согласно ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ подписывается также защитником. Подозреваемому, обвиняемому, не пригласившему защитника, его участие обеспечивается следователем.

Подозреваемому, обвиняемому согласно ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ принадлежит также право выбора времени подачи ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: с момента начала уголовного преследования до

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газета. 1995. 5 апр.

⁹ Поддубняк А. А., Мухина М. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве : вопросы заключения «сделки с правосудием» с несовершеннолетними // Ученые записки Крымского федер. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 110.

объявления об окончании предварительного следствия. При этом постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа (ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ).

При подаче ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый, обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Это особая обязанность ЛДОПС, дополняющая «классический» перечень обязанностей обвиняемого и принимая в целях снижения наказания в соответствии с ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ.

Снижение наказания является благоприятным для ЛДОПС исходом дела: при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Если соответствующей статьей Особенной части УК РФ предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Судья оценивает обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание при проведении судебного заседания и постановлении приговора (на основании п. 5 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Подлежат оценке судом также и иные обстоятельства, способные повлиять на выбор вида и размера наказания (в частности, могут быть признаны смягчающими обстоятельствами), указанные в п. 1–4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, в том числе степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица.

Позиция о допустимости уменьшения объема обвинения взамен на плодотворное сотрудничество с органами следствия признается Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) общей чертой европейской уголовной юстиции, а имеющий место «при этом отказ обвиняемого от ряда процессуальных прав считается действительным с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰ только в тех случаях, когда он является недвусмысленным, сопровождается минимальными гарантиями защиты, сопоставимыми с ним по весу, и не противоречит важным общественным ин-

¹⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

тересам» (постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России» (жалобы № 46632/13 и 28671/14))¹¹.

В случае отказа от дачи показаний и совершения иных действий, указанных в ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ, для ЛДОПС наступают последствия несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, в виде вынесения прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве. В дальнейшем производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Значимость досудебного соглашения о сотрудничестве как института уголовно-процессуального права и особого порядка уголовного судопроизводства определяет актуальность «разрешения вопроса о необходимости разъяснения подозреваемому (обвиняемому) его права на возможное сотрудничество с правоохранительными органами и получения гарантий снижения меры уголовного наказания»¹². И конструктивное решение этого вопроса, по мнению автора, возможно исключительно посредством формулирования в законе регламентирующих его положений.

Представляется, что ст. 317.1 УПК РФ следует дополнить ч. 3.1, устанавливающей обязанность следователя разъяснять подозреваемому, обвиняемому порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также последствия несоблюдения условий данного соглашения. Текст данной нормы может быть представлен в следующей редакции: «3.1. Следователь разъясняет подозреваемому, обвиняемому порядок и последствия подачи ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также последствия неисполнения подозреваемым, обвиняемым принятых в связи с подписанием соглашения обязательств».

По смыслу главы 41.1 УПК РФ и ст. 48 Конституции РФ¹³ ЛДОПС имеет право на квалифицированную юридическую помощь адвоката с одной оговоркой: по делу по обвинению ЛДОПС, в котором участие защитника обязательно, адвокат привлекается в качестве защитника, а по делу, в котором ЛДОПС выступает в качестве свидетеля, адвокат действует в «третьем статусе»¹⁴.

Согласно п. 6 ч. 4 ст. 56 свидетель вправе являться на допрос с адвокатом в соответствии с ч. 5 ст. 189 УПК РФ. В то же время ч. 5 ст. 189 УПК РФ устанавливает, что если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе и пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 УПК РФ (для защитника). По окончании допроса адвокат вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля. Указанные заявления подлежат занесению в протокол допроса.

Участие адвоката в допросе ЛДОПС в качестве свидетеля представляется крайне важным, поскольку освобождение ЛДОПС от уголовной ответственно-

¹¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Степанова В. Г. Условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 18–19 мая 2017 г.). Иркутск, 2017. С. 301.

¹³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. и доп. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹⁴ См.: Гришина Е. П. Адвокат в уголовном судопроизводстве России. М., 2020. С. 4.

сти по ст. 307 и 308 УК РФ фактически лишает этого участника права на свидетельский иммунитет, когда необходимо дать показания против своих близких родственников, если таковые являются соучастниками преступления. Адвокат, оказывая квалифицированную юридическую помощь, в подобной ситуации разъясняет допрашиваемому, что в случае отказа от дачи показаний, избобличающих других соучастников преступления, прокурор вправе вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения. Самостоятельно оценить подобную ситуацию и окончательно определиться с выбором процессуального порядка производства по уголовному делу ЛДОПС достаточно сложно.

Особой значимостью в процессуальном статусе ЛДОПС обладает право этого участника на особый порядок проведения заседания и принятия судебного решения.

Основанием и фактически «стартовым моментом» и минимальным существенным условием¹⁵ рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является уголовное дело, поступившее в суд с представлением прокурора, указанным в ст. 317.5 УПК РФ.

Особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении ЛДОПС (реализация его права на применение указанного порядка) применяется при наличии ряда условий, среди которых: подтверждение государственным обвинителем активного содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, избобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; добровольное и при участии защитника заключение соглашения.

Гарантией защиты прав и законных интересов ЛДОПС является требование ч. 2 ст. 317.7 об обязательном участии в судебном заседании защитника.

Процессуальный порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве существует уже более 10 лет, в то время как процессуальный статус ЛДОПС законодательно удостоверен значительно позже, и по этой причине его реализация в недостаточной степени апробирована и отточена практикой.

Н. С. Манова обоснованно отмечает: «Законодатель... не прописывает обязанность суда и участников уголовного процесса со стороны обвинения выполнять в интересах лица, привлекаемого к уголовной ответственности, все то, что ему обещано в тексте заключенного с прокурором соглашения о сотрудничестве. Определяющую роль здесь играет прокурорское и судебское усмотрение, их оценка имеющихся в деле материалов»¹⁶.

¹⁵ См.: *Вилясова Н. В., Желтухина Е. В.* Проблемы определения категории дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // *Инновационные технологии в современных научных исследованиях : экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции : труды конференции* (Новосибирск, 28 марта 2017 г.). Новосибирск, 2017. С. 63.

¹⁶ *Манова Н. С.* Досудебное соглашение о сотрудничестве : проблемы законодательной регламентации и практики заключения // *Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность : материалы науч.-практ. конф.* (Симферополь, 8 июня 2017 г.). Симферополь, 2017. С. 197.

Представляется, что обозначенная проблема могла быть решена при введении судебного контроля за исполнением принятых на себя обязательств не только ЛДОПС, но и следователем, прокурором. Прежде всего, это касается объективной оценки ценности сведений, сообщенных ЛДОПС, а также степени опасности, которой подвергался обвиняемый и его близкие родственники.

Таким образом, для развития института досудебного соглашения о сотрудничестве и совершенствования процессуального положения ЛДОПС требуется скрупулезная и длительная деятельность законодателя по радикальному усовершенствованию уголовно-процессуальных норм, в том числе направленная на разработку и внедрение в деятельность органов предварительного расследования и суда оценочных критериев эффективности особого порядка принятия судебного решения, установленного главой 40.1 УПК РФ.

Уральский государственный юридический университет

Зорин А. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Ural State Law University

Zorin A. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: up@usla.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена анализу влияния криминологических научных взглядов на развитие уголовного процесса как отрасли российского права. В теории криминологические наработки связывают, в первую очередь, с развитием уголовного права; автору такой подход кажется односторонним. Представляется, что полное раскрытие криминалистического подхода к практике возможно только при наличии комплексного анализа обусловленности научных основ в этой области и на уголовное право, и на уголовный процесс, и на криминалистику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминологические основы, уголовная политика, научные основы уголовного процесса, борьба с преступностью.

CRIMINOLOGICAL BASES OF THE CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the analysis of the influence of criminological scientific views on the development of the criminal process as a branch of Russian law. In theory, criminological developments are associated primarily with the development of criminal law; this approach seems one-sided to the author. It seems that a complete disclosure of the criminalistic approach to practice is possible only if there is a comprehensive analysis of the conditionality of the scientific foundations in this area and to criminal law, and to the criminal process, and to criminalistics.

К е у в о р д s: criminological bases, criminal policy, scientific foundations of the criminal process, fighting crime.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Размышляя о воздействии криминологии на борьбу с преступностью, большинство авторов задумываются о ее влиянии, в первую очередь на уголовное право (как науку и как отрасль права). О том, что привносит данная социолого-правовая наука в уголовный процесс, остается за гранью интереса ученых, что является незаслуженно односторонним подходом, поскольку неоспоримо положение: именно материалы конкретных уголовных дел, расследованных и рассмотренных согласно действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), становятся эмпирической базой криминологических исследований.

Приступая к изучению влияния криминологических знаний на уголовное судопроизводство и используя логический анализ, а также научное прогнозирование, попытаемся решить ряд поставленных задач:

– определить разновидности взаимного влияния криминологии и уголовного процесса;

– на некоторых законодательных нормах установить влияние или отсутствие криминологических основ на уголовный процесс как отрасль права.

Объектом исследования являются некоторые (наиболее яркие, по мнению автора) теоретические парадигмы криминологии и те правовые нормы, которые возникли вслед за ними.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

© Казакова А. В., 2020

На VII Международном конгрессе Организации Объединенных Наций в г. Милане в 1985 г. были обсуждены вопросы необходимости разработки научных основ борьбы с преступностью, а также о перспективах развития уголовного судопроизводства в условиях изменяющегося мира и появления новых видов деяний. Последующие, проводимые один раз в пять лет, конгрессы ООН так или иначе повлияли на формирование уголовной политики государств.

По мнению Г. Ю. Лесникова, в Российской Федерации научные подходы в сфере обеспечения правопорядка можно условно разделить на два направления:

- 1) криминология, которая устанавливает причины преступности и разрабатывает меры по ее предупреждению;
- 2) исследования в области уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного и других отраслей права².

Ученые-криминологи приступили к решению задач, направленных на криминологическую обусловленность права, а также обеспечивающих системный подход в борьбе с преступностью.

Неоспоримо суждение, что преступность как неотъемлемое явление общества постоянно меняется в ходе своего развития, неодинаково проявляется в разные периоды существования. В связи с этим криминологи сформировали парадигму о необходимости разработки конкретной системы уголовной политики для определенных исторических условий. С. Д. Белоцерковский пишет: «Криминологические основы правового регулирования борьбы с ... преступностью – важная составляющая научно обоснованного подхода к борьбе с ней»³.

Советские ученые Н. Ф. Кузнецова и Г. А. Злобин полагали, что норма права должна опираться не только на существующую систему общественных отношений, но и на тенденцию их развития, на глубокое познание социальной закономерности⁴. Примечательно, что вопросы обеспечения достойного научного уровня правотворческой деятельности рассматривались в юридической литературе. Выделялись следующие направления исследований:

- 1) изучение объективных процессов (экономических, политических и т. д.) социума, обуславливающих его поступательное развитие;
- 2) изучение направлений и структуры преступности, анализ их причин; прогнозирование дальнейших изменений;
- 3) анализ эффективности мер борьбы с преступностью;
- 4) сравнительное исследование методов уголовно-правовой борьбы с преступностью в зарубежных государствах;

² См.: Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 3.

³ Белоцерковский С. Д. О криминологических основах правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Рос. журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 188.

⁴ Цит. по: Кузьмин В. А., Шелестюков В. Н. Криминологическая характеристика терроризма // Современная наука : проблемы и перспективы : материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. (Душанбе, Таджикистан, 12 мая 2018 г.). Душанбе, 2018. С. 82.

5) перспективное планирование законодательной деятельности в сфере уголовного права, а также совершенствование деятельности органов правоохранения⁵.

Все большее значение придается анализу механизма криминального поведения граждан, а также выяснению общественного мнения об эффективности применяемых органами уголовной юстиции мер, направленных на борьбу с преступлениями; выявлению уровня правовой культуры и целенаправленному формированию общественного сознания; повышению правового сознания граждан и т. д. Иными словами, криминологи не занимаются уже только преступлениями, их причинами и предупреждением. Установлено, что не только преступления определяют основные характеристики преступности, но и характеристики преступности как единой системы влияют на характер отдельных совершаемых деяний. Поэтому важно при законодательной деятельности (например, при решении о криминализации или декриминализации отдельных деяний) учитывать выводы криминологов.

Самыми масштабными по исполнению и тяжести последствий являются преступления террористического характера.

В Российской Федерации, по данным Генеральной прокуратуры РФ (2014 г. – ноябрь 2018 г.), зарегистрировано 8330 совершенных преступлений террористического характера; выявлено 3360 лиц, совершивших преступления рассматриваемой категории⁶. Среди самых масштабных могут быть названы следующие:

– 17 октября 2018 г. в колледже в Керчи сработало неустановленное взрывное устройство. В результате взрыва 10 человек погибли, около 50 пострадали.

– 27 декабря 2017 г. в супермаркете «Перекресток» в Санкт-Петербурге произошел взрыв. Взрывное устройство сработало в камере хранения магазина. В результате теракта пострадали 18 человек.

– 3 апреля 2017 г. днем на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт-2» петербургского метро произошел взрыв. В результате инцидента погибли 15 человек и сам террорист-смертник, пострадали свыше 60 человек.

– 29 декабря 2013 г. в 12:43 на железнодорожном вокзале в Волгограде прогремел взрыв на первом этаже перед рамками металлодетекторов. Бомбу привел в действие террорист-смертник, когда его остановили для досмотра. Погибли 18 человек, десятки пострадали.

– 30 декабря 2013 г. в 8:27 в троллейбусе, следующем по маршруту № 15, произошел взрыв, в результате которого погибли 16 человек.

– 3 мая 2012 г. возле поста полиции на выезде из Махачкалы был совершен двойной теракт. Вначале взорвалась машина со смертником. Спустя небольшой промежуток времени прогремел второй взрыв – бомба была заложена в автомобиле «Газель». В итоге погибли 13 человек, более 100 пострадали.

– 24 января 2011 г. в международном терминале московского аэропорта «Домодедово» произошел взрыв. Взрывное устройство, начиненное металли-

⁵ См.: Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дагель [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М., 1982. С. 19–20.

⁶ URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 28.12.2019).

ческими поражающими элементами, привел в действие террорист-смертник, находившийся в толпе встречающих. Погибли 37 человек, более 120 были госпитализированы.

Возрастная группа преступников находится в диапазоне от 28 до 40 лет, ими в среднем совершается свыше 70 % преступлений. Причинами, влияющими на совершение преступлений, могут быть следующие:

- материальное положение;
- потеря близких родственников, сопряженное с потерей имущественного положения;
- наличие родственных связей с лицами, входящими в террористические организации;
- идея «бунта против всех» и т. д.⁷

По приведенным данным статистики, наблюдается прирост преступлений террористической направленности. Возникла острая необходимость в разработке специально-криминологических мер, направленных на предупреждение преступлений, а также эффективное расследование актов терроризма.

На международном уровне были проведены конференции, посвященные проблемам противодействия террористической угрозе: например, Международная конференция по борьбе с терроризмом (г. Эр-Рияд, 5–8 февраля 2005 г.); Конференция высокого уровня по контртерроризму в рамках ООН (г. Нью-Йорк, 28–29 июня 2018 г.)⁸. В декабре 2002 г. в Москве состоялась Международная конференция «Роль военных в борьбе с терроризмом», которая проходила под эгидой Совета России – НАТО. В ноябре 2003 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Совершенствование сотрудничества государств СНГ в борьбе с международным терроризмом и его финансированием». В 2004 г. в Москве прошла II Международная конференция «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма», организованная Всемирным антикриминальным и антитеррористическим форумом (ВААФ). Кроме таких крупных конференций были проведены мероприятия в большинстве российских вузов юридической направленности; защищены диссертации, посвященные данной проблематике, выпущены монографии.

Под влиянием криминологических воззрений в УПК РФ были внесены изменения, представляющие собой специальные правила судопроизводства по преступлениям террористического характера. Приведем некоторые из них.

В первой редакции УПК РФ преступления террористического характера были отнесены к компетенции присяжных заседателей, при наличии соответствующего ходатайства. В. В. Устинов указал на неэффективность такого положения ввиду наличия тенденциозности: в «горячих точках» основная проблема сводится к позитивной предрасположенности местного населения по отношению к своим оппонентам (что особенно актуально в местностях с тесными родовыми связями), решение присяжных может отражать мнение главы рода, что исключает объективную оценку обстоятельств дела; большинство присяжных по таким делам может сочувствовать обвиняемым, так как престу-

⁷ См.: Кузьмин В. А., Шелестюков В. Н. Указ. соч. С. 124–125.

⁸ URL: http://http://www.un.org/ru/counterterrorism/hlc/assets/pdf/ru_prog.pdf (дата обращения: 28.12.2019).

пления совершались в отношении не местных жителей, а представителей федеральных властей, к тому же преступления мотивировались борьбой за независимость и религиозную чистоту, что в глазах значительной части чеченского населения заведомо способно оправдать любые преступления⁹.

Ввиду возникающих на практике при рассмотрении дел о преступлениях террористической направленности проблем Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму»¹⁰ в УПК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми рассмотрение дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205, ч. 2–4 ст. 206, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 212, ст. 275, ст. 276, ст. 278, ст. 279 и ст. 281 УК РФ, изъяты из компетенции суда с участием присяжных заседателей и отнесены к юрисдикции коллегии из трех профессиональных судей.

Реальный пример из судебной практики: по ходатайству прокурора уголовное дело в отношении лиц, совершивших нападение на г. Нальчик, было передано на рассмотрение коллегии из трех судей¹¹.

Дальнейшее изменение подсудности рассматриваемой категории преступлений было произведено Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹². Согласно нововведению с 1 января 2015 г. уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ, подсудны Московскому окружному военному суду и Северо-Кавказскому окружному военному суду.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹³ увеличен срок применения меры пресечения без предъявления обвинения в совершении преступления террористического характера до 45 суток (вместо 10 суток по преступлениям иных категорий).

Внесены изменения в п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, согласно которым запрещено к беременным женщинам и женщинам, имеющим ребенка до 14 лет и совершившим террористические преступления, применять отсрочку исполнения наказания.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ¹⁴ ввел в УК РФ и УПК РФ систему норм, позволяющих конфисковать по приговору суда имущество, ко-

⁹ См.: Устинов В. В. Россия : 10 лет борьбы с международным терроризмом. М., 2008. С. 406.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1. Ст. 29.

¹¹ См.: Гритчин Н. Кандидатов в присяжные распустили по домам // Известия. 2009. 25 февр.

¹² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19. Ст. 2335.

¹³ Там же. 2016. № 28. Ст. 4559.

¹⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

торое использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма.

Примечательно, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V имеет похожую норму: арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия уголовного правонарушения либо для финансирования экстремизма, терроризма, организованной группы, незаконного воинского формирования, преступного сообщества (ч. 8 ст. 161).

Криминология, как правило, анализирует и выявляет закономерности, содержащиеся в материалах отдельных уголовных дел. В свою очередь, данная наука обогащает уголовный процесс знаниями, являющимися отправными точками развития, задает определенные направления движения к адекватному правовому регулированию. Следует отметить, что взаимоотношения криминологических основ с уголовным процессом не всегда обязательно реализуются через (или при посредстве) уголовного права, можно сказать, что между криминологией и наукой уголовного судопроизводства возникли особые связи.

Уральский государственный юридический университет

*Казакова А. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

Ural State Law University

*Kazakova A. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: a.v.kazakova@usla.ru*

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ: ПОИСКИ И УТВЕРЖДЕНИЯ (1917–1939 гг.)

Одним из первых законов советской власти стал Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., который упразднил прежние органы юстиции, включая корпорацию присяжной адвокатуры. Судебная защита передавалась в руки всем неопороченным гражданам. Но менее чем через месяц дело защиты приобрело организованный характер, как и при царе. К 1922 г. Советское государство вернулось к корпоративным основам адвокатуры. Перевод адвокатуры на службу «социалистической законности» и к подобию советских учреждений осуществлялся разными политическими и законодательными мерами и нормативно оформился к 1939 г. К л ю ч е в ы е с л о в а: Декрет о суде, наркомат юстиции, правозащитники, трудовая повинность, коллегии защитников, чистки, репрессии, коллективизация, партийно-государственное руководство.

THE SOVIET MODEL OF JUDICIAL PROTECTION: SEARCHES AND ALLEGATIONS (1917–1939)

One of the first laws of the Soviet power was the Decree on the court of November 22, 1917 No. 1, which abolished the former bodies of justice, including the Corporation of juried lawyers. Judicial protection was handed over to all undefeated citizens. But less than a month later, the defense case became organized, as it had been under the Tsar. In 1922, the Soviet state returned to the corporate foundations of the bar. The transfer of the bar to the service of «socialist legality» and to the likeness of Soviet institutions was carried out by various political and legislative measures and was formalized by 1939. K e y w o r d s: the decree on the court, the people's Commissariat of justice, human rights defenders, labor service, the College of defenders, purges, repression, collectivization, party and state leadership.

Поступила в редакцию 10 января 2020 г.

Отмена царской адвокатуры и поиски альтернативы (1917–1922 гг.). Присяжная адвокатура поддержала Февральскую 1917 г. буржуазно-демократическую революцию и тесно сотрудничала с Временным правительством¹. Октябрьский большевистский переворот адвокатура не приняла. Общее собрание Петроградского совета присяжных поверенных, состоявшееся 21 ноября 1917 г., приняло резолюцию с протестом «против ареста членов Временного правительства, являющегося до созыва Учредительного собрания признанным органом верховной государственной власти в стране»².

Ответная мера последовала 28 ноября. Представитель Следственной комиссии Петроградского военно-революционного комитета с отрядом красногвардейцев опечатал помещение Петроградского совета присяжных пове-

¹ См.: Смирнов В. Н. Адвокатура России (XV–XXI вв.). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2019. С. 116–120.

² У адвокатов // Век. 1917. 23 нояб.

© Смирнов В. Н., 2020

ренных³. Тогда же распустили и Московский совет присяжных поверенных⁴. В других местах советы присяжных поверенных де-факто действовали до середины 1918 г.

Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. (Декрет № 1) сломал существовавшую систему правосудия как инструмент капиталистической формации и как препятствие на пути построения коммунистического общества. Статья 1 Декрета упраздняла: 1) все старые суды (окружные, судебные палаты, Правительствующий сенат со всеми департаментами военные, морские, коммерческие суды), заменяя их судами, образуемыми на основании демократических выборов; 2) институты судебных следователей, прокурорского надзора; 3) институты присяжной и частной адвокатуры. К роли обвинителей и защитников, а по гражданским делам – поверенных «допускались все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами» (ст. 3). Неоконченные дела, архивы и имущество упраздняемых органов и советов присяжных поверенных передавались «комиссарам, избираемым местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (ст. 4). Местные суды решали дела именем Российской республики и руководствовались в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, поскольку таковые не были отменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию. Отмененными признавались все законы, противоречащие советским декретам и «программам Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Партии Соц. [иалистов]-Революционеров» (ст. 5).

Если взамен старых судов вводились новые – местные суды, то для ликвидации адвокатуры новой ее организации не предполагалось. Позже большевистский юрист И. В. Славин писал: «Сословие присяжных поверенных настолько срослось органически со старым строем и его правовым укладом, что оставить его в какой-либо форме – значит оставить укрепленное место для врага, который мог бы использовать адвокатуру как оружие для борьбы против советской власти»⁵.

Неудивительно, что адвокатура не восприняла новую власть и ее узаконения. Так, 16 декабря 1917 г. в Смоленске адвокаты на своем собрании пришли к единому решению продолжить работу суда и всех его органов, не считаясь с декретами и постановлениями советской власти, в случае же применения силы прекратить всякую деятельность и уйти из суда всем одновременно⁶. Тверской окружной суд совместно с адвокатурой 23 февраля 1918 г. постановил более не подчиняться советской власти и не принимать участия в осуществлении правосудия⁷. Екатеринбургский и Пермский окружные суды также не признали Декрет о суде и продолжали игнорировать его до тех пор,

³ О закрытии судебных учреждений // Правда. 1917. 9 дек.

⁴ Об управлении суда // Русские ведомости. 1917. 3 дек. С. 6; 28 дек. С. 5.

⁵ Славин И. Об организации адвокатуры // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 2. С. 4.

⁶ См.: Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России. М., 2002. С. 107.

⁷ См.: Петров Д. В. Законодательство, регламентирующее правовую охрану личности и профессиональной деятельности адвоката в период становления и утверждения советской власти // Евразийская адвокатура. 2012. № 1-1. С. 17.

пока в их работу не вмешались исполнительные органы рабочих и солдатских депутатов⁸.

В общественной и государственной среде развернулись дискуссии о дальнейшей судьбе института судебного представительства. Одни полагали, что стоит ограничиться положениями Декрета № 1 и допустить к защите любого, кто имеет политические права; другие указывали на необходимость придать судебной защите организационные формы, т. е. предлагали создать некую «адвокатскую» организацию, которая осуществляла бы свою деятельность под жестким контролем советского государства⁹. Первую точку зрения отстаивали такие видные юристы-большевики, как П. И. Стучка, М. Ю. Козловский и П. А. Красиков. В создании «организованной адвокатуры» они видели не что иное, как возрождение присяжной адвокатуры¹⁰.

Основным идеологом второй точки зрения выступал Е. Б. Пашуканис. Весной 1918 г. он писал: «Прежде всего, совершенно очевидно, что в истинно демократическом государстве никому из полноправных граждан не может быть воспрещено отстаивать перед судом справедливость так, как он ее понимает. Это и признано в декретах, предоставляющих каждому гражданину право выступать в суде в качестве защитника или в качестве обвинителя. Однако этим не может ограничиваться задача власти по отношению к институту судебного правозащитничества. Нельзя надеяться на то, что предоставление свободной инициативы всем без различия гражданам в достаточной мере обеспечит интересы каждого привлекаемого к суду... Необходимо создание корпорации, которая путем контроля над каждым из ее членов, обеспечивала бы надлежащий высокий уровень общественной защиты и общественного обвинения... Надзор за деятельностью корпорации судебных посредников, равно как организация бесплатной юридической помощи, могут быть возложены на районные коллегии местных Народных Судей совместно с Районными Советами»¹¹.

Власть пошла именно по второму пути, так как в результате реализации Декрета о суде защита фактически перешла в руки прежней адвокатуры и сделалась средством агитации против советского строя и его организации, в первую очередь против народного суда, а представительство в гражданских делах стало доходнейшей статьей подпольных дельцов¹².

19 декабря 1917 г. (не прошло и месяца после выхода первого Декрета о суде) Народный комиссариат юстиции в Инструкции революционному трибуналу предусмотрел создание при нем, по рекомендациям Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, коллегии правозащитников (функции последних – общественное обвинение и защита). Коллегия должна была оказывать всякую юридическую помощь (неимущим – бесплатно). Революцион-

⁸ Подробнее см.: *Смирнов В. Н.* Указ. соч. С. 123–125.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: *Макимова О. Д.* Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. М., 2011. С. 22.

¹¹ Правозащитничество и судебное представительство // *Известия*. 1918. № 83.

¹² См.: *Курский Д. И.* Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 66.

ный трибунал мог пригласить любого члена коллегии для участия в деле в качестве общественного обвинителя или защитника¹³.

По Декрету о суде от 3 марта 1918 г. (Декрет № 2) коллегии правозащитников передали под начало местных советов. Только членам этих коллегий разрешалось «выступать в судах за плату». В судебном заседании на стороне обвинения и защиты могли выступить также по одному человеку из присутствующей публики.

30 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР принял новое Положение о народном суде, которое изменило законодательство о судах и адвокатуре¹⁴.

Коллегии правозаступников преобразовали в коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Их организация и деятельность регламентировались инструкциями народного комиссара юстиции Д. И. Курского о едином народном суде и о губернских отделах юстиции.

Члены коллегии переводились на государственное содержание, равное окладу судьи. Клиент по-прежнему платил за услуги, но уже не адвокату, а комиссариату юстиции, переводя деньги на его счет. Закон запрещал гражданам обращаться к адвокату лично. Они обязывались направлять свои прошения руководству коллегии или в суд, которые и назначали адвоката. По гражданским делам адвокаты могли выступать только в случае, если начальство признавало иск правомерным, а защиту по нему необходимой.

Таким образом, защита стала зависима от государства, акцент был сделан на ее содействии суду, а не на отстаивании интересов доверителя, материальная связь адвоката и клиента разорвалась. Государство, взяв на себя содержание правозащитников, оказалось не заинтересовано в большой их численности (так, губернский съезд Советов в Вятке избрал коллегию правозащитников из 11 человек, положив каждому оклад в 500 руб. Иным лицам адвокатская деятельность запрещалась под угрозой штрафа в 1000 руб. или лишения свободы сроком до одного года)¹⁵, началось массовое сокращение адвокатов. Потребность же населения в юридической помощи оказалась выше официальных лимитов.

В сложившихся условиях присяжные поверенные пытались сплотиться. В отчете Тверского губернского отдела юстиции за 1918 г. указывалось: «Была попытка открытия и у нас в Твери юридического бюро, но ее сразу мы пресекли, и участники этого бюро были преданы суду революционного трибунала, который и воздал им должное»¹⁶.

Царские специалисты, которые вошли в коллегии правозащитников, по-прежнему рассматривали процесс как состязание двух сторон – обвинения и защиты. Их речи звучали убедительно, а сами они были настолько бескомпромиссными, насколько возможно в рамках нового политического строя.

¹³ О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседания : инструкция Наркомюста от 19 декабря 1917 г. // Газета Временного рабочего и крестьянского Правительства. 1917. 21 дек.

¹⁴ СУ РСФСР. 1917–1918. № 85. Ст. 899.

¹⁵ Организация защиты в советском судебном процессе 1917–1918 гг. // Вектор науки ТГУ. 2013. № 1. С. 224.

¹⁶ Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России. С. 107.

Статус своей организации они соотносили с корпорацией независимых «от политической власти адвокатов». К примеру, Воронежская коллегия правозащитников заявила, что члены ее «в сфере отправления профессиональных обязанностей подлежат контролю в лице президиума коллегии»¹⁷. В финансовом плане отношения между адвокатом и клиентом строились, как и раньше: население платило за услуги, а адвокаты принимали гонорары. В Петрограде всю коллегия правозащитников (за исключением одного) предали суду Верховного трибунала за взяточничество. Подсудимые же, получавшие от государства заработную плату, на суде заявили, что брали только гонорар, а не взятки¹⁸.

Летом 1918 г. Е. Б. Пашуканис отмечал: «Нет ничего хуже, когда в обществе, совершившем революцию, возрождаются старые, формально упраздненные учреждения, только под новым названием, а иногда и вовсе без названия. Так именно обстоит у нас дело с адвокатурой»¹⁹.

Все это дало В. И. Ленину основание утверждать: «Мы разрушили в России, и правильно сделали, что разрушили, буржуазную адвокатуру, но она возрождается у нас под прикрытием „советских правозащитников“»²⁰.

Большевики в то время не могли допустить подобного «возрождения». Нарком юстиции Д. И. Курский в письме Президиуму ВЦИК от 26 августа 1920 г. предложил: «Ввиду явной неудовлетворенности составом коллегий правозащитников, комплектуемых почти повсеместно из обломков буржуазной адвокатуры, а то и просто подпольных адвокатов, и при нежелании связывать себя постоянным участием в организации правозащитников со стороны действительно способных и могущих вести защиту прежних адвокатов и вообще юристов, представляется необходимым упразднить коллегии правозащитников, имевших к тому же тенденцию, хотя бы и в скрытой форме, возрождать институт буржуазной адвокатуры, перейти к привлечению лиц, способных вести защиту и в первую очередь выдающихся уголовных защитников из прежней адвокатуры на началах трудовой повинности»²¹.

Вопрос о введении защиты на началах трудовой повинности был решен на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции.

Коллегии правозащитников упразднили, функции защиты и обвинения разделили²².

Согласно Инструкции Наркомюста от 23 ноября 1920 г. защита по уголовным делам стала общественной повинностью для всех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу могли исполнять обязанности защитника в суде²³. Не пришедший в суд без ува-

¹⁷ Кузин К. И. Воронежские адвокаты и революция 1917 года // Воронежский адвокат. 2007. № 11.

¹⁸ См.: Кожевников М. В. Советская адвокатура. М., 1939. С. 22 ; Славин И. Об организации адвокатуры // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 2. С. 4.

¹⁹ Народный суд и адвокатура // Известия. 1918. № 127.

²⁰ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М., 1981. С. 34.

²¹ Турин В. От коллегий правозащитников до адвокатуры // Сов. юстиция. 1957. № 9. С. 39.

²² СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

²³ ГАПК. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 20. Л. 58.

жительных причин защитник, как и не отпустивший сотрудника руководитель учреждения, подлежали административной ответственности. При недостаточном количестве граждан, внесенных в списки защитников, к адвокатской деятельности привлекались консультанты отделов юстиции. Защитниками могли быть и родственники обвиняемого или представители профсоюзов.

Трудовая повинность, существовавшая до 1922 г., была попыткой советского правительства коренным образом изменить корпоративную природу адвокатуры, но потерпела неудачу. Отделы юстиции, на которые возлагалась реализация повинности, оказались не в состоянии привлечь требуемое количество юристов, и их сотрудникам пришлось взять оказание правовых услуг на себя. Однако ничтожное количество ведомственных консультантов не смогло удовлетворить потребительский спрос.

Положение о коллегии защитников 1922 г. После иностранной военной интервенции и Гражданской войны положение в стране оказалось крайне тяжелым. В марте 1921 г. В. И. Ленин завершил разработку новой экономической политики, которую рассматривал как постепенный переход от старого капиталистического уклада к новому – социалистическому. X съезд РКП(б) одобрил ленинский план, в котором допускались элементы рынка, активно привлекался иностранный капитал, развивались гражданско-правовые отношения.

Либерализация экономики потребовала восстановления институтов профессиональной правовой защиты. Была осуществлена судебная реформа; упразднены революционные трибуналы; введена единая трехзвенная система: народный суд, губернский суд, Верховный суд республики²⁴.

На VI Всероссийском съезде деятелей юстиции (26–30 января 1922 г.) нарком юстиции Д. И. Курский говорил, что «оставаться при списках защитников... сейчас анахронизм... Если мы... не создадим своей организации... не организуем контроля над этим органом (адвокатурой)... в системе наших учреждений, то, конечно, появится... уже не государственный орган, а „частная лавочка“»²⁵.

28 мая 1922 г. III сессия ВЦИК РСФСР одобрила Положение о прокурорском надзоре, а двумя днями ранее, 26 мая 1922 г., приняла постановление об адвокатуре. Правда, данное постановление не являлось отдельным нормативным актом, а вошло в Положение о народном суде путем замены его ст. 43–49 на новые. 5 июля 1922 г. Наркомюст утвердил детализированное Положение о коллегии защитников, которое через год внесли отдельной главой (VI) в Положение о судоустройстве.

В советском обиходе термин «адвокатура» имел разное толкование. Впервые после упразднения царского института он появляется в Положении о создании адвокатуры при губернских отделах юстиции – коллегии защитников от 22 мая 1922 г., и то лишь в его заголовке. В тексте же речь идет о «коллегии защитников», о «членах коллегии защитников»²⁶.

²⁴ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

²⁵ Материалы Народного комиссариата юстиции. 1922. Вып. 16–17. С. 13.

²⁶ Это название придумал Н. К. Муравьев, сторонник «коллегиальной, коллективной деятельности» (см.: Крохмалюк А. В., Малышева А. Ж. Корифеи присяжной адвокатуры. М., 1939. С. 758).

С точки зрения начальника отдела судебной защиты Наркомата юстиции РСФСР М. В. Кожевникова, замена «адвоката» «защитником» вызвана тем, что слово «адвокат» скомпрометировано, ассоциируется в сознании масс с синонимом сомнительного дельца»²⁷. Действительно же власть Советов даже в терминологии стремилась отрешиться от «старорежимного» института.

Согласно данному Положению коллегии защитников по уголовным и гражданским делам создавались при губернских отделах юстиции (вскоре – при губернских судах). Члены первого их состава утверждались губисполкомами. В дальнейшем их прием производился президиумом коллегии защитников с доведением сведений об этом до губисполкома, который мог отвести вновь принятых. Членам коллегии защитников запрещалось занимать должности в государственных учреждениях и на предприятиях.

Президиум коллегии, избираемый на общем собрании защитников, обладал элементами самоуправления; осуществлял наблюдение и контроль за исполнением защитниками своих обязанностей; налагал на них взыскания; распоряжался денежными средствами коллегии; назначал защиту бесплатную или по таксе; организовывал консультации населению.

Неимущие лица по особому постановлению суда освобождались «от всякого вознаграждения защитникам уголовных и гражданских дел», рабочие и советские служащие имели право оплаты по таксе Наркомата юстиции, в остальных случаях гонорар определялся соглашением сторон. Наркомюст устанавливал и размер процентного отчисления из гонорара в фонд коллегии защитников.

Членом коллегии защитников мог быть всякий гражданин, который пользовался избирательными правами, имел стаж работы не менее двух лет в органах юстиции в должности не ниже следователя или выдержал квалификационные испытания.

В сущности, коллегия защитников имела основные черты устройства до-революционной присяжной адвокатуры с элементами самоуправления и под государственным надзором. Такую преемственность признавали и советские юристы. Член коллегии Наркомюста Я. Н. Бранденбургский в 1922 г. писал: «На протяжении всех пяти лет нашего революционного строительства мы ни разу не собирались уничтожить защиту в судебном процессе. Мы только несколько раз меняли форму организации защиты... мы прошли несколько этапов, исторически совершенно необходимых»²⁸.

Н. А. Черлюнчакевич считал, что положения об адвокатуры и о коллегиях защитников от 26 мая и 5 июля 1922 г. «возродили органы самоуправления присяжных поверенных»²⁹.

25 июля 1922 г. газета «Уральский рабочий» публикует объявление о наборе в коллегия защитников. Все желающие должны подать заявление с приложением кратких жизнеописаний и необходимых документов. 29 июля губюст принял решение: зачислить защитниками А. К. Попова, Н. М. Лубяновского,

²⁷ Кожевников М. В. Советская адвокатура. С. 33.

²⁸ Бранденбургский Я. Н. Революционная законность, прокуратура и адвокатура // Сов. право. 1922. № 2. С. 3.

²⁹ О профессиональной адвокатуры // Известия. 1922. 10 мая.

С. В. Плышевского, Д. А. Слесарева, Э. П. Мэйвина, М. Е. Ильина, Н. В. Кофьяна, М. И. Рокотовского, В. П. Туркина, К. П. Гриднева, Н. И. Козлова и представить их на утверждение губисполкома.

Президиум губисполкома утвердил список 3 августа 1922 г., эта дата стала днем рождения Екатеринбургской (Уральской, Свердловской) коллегии защитников (адвокатов).

В том же году новая адвокатура сформировалась и в других регионах: пермская – 8 июля, башкирская – 12 августа³⁰, петроградская – в начале сентября³¹, московская – 8 октября³².

Утвердив коллегию защитников, губюст принял Временное положение об адвокатуре Екатеринбургского судебного округа³³. Им устанавливались права и обязанности президиума и членов коллегии защитников (ЧКЗ), а также плата за оказание юридических услуг. Выборный особый при губюсте президиум состоял из председателя, его заместителя и члена-кассира. Президиум осуществлял контроль и руководство всеми защитниками Екатеринбургского судебного округа, дисциплинарную власть (вплоть до исключения из числа защитников и возбуждения уголовных дел в случаях особенно важных), а также первоначальное рассмотрение прошений о зачислении в число защитников. Каждый защитник обязывался вести особый список дел, ему порученных, и представлять его в президиум по первому требованию; не вправе был сообщать тайны, вверенные доверителем, и давать о них показания; должен уплачивать денежный сбор, установленный общим собранием, для содержания президиума, библиотеки и для удовлетворения других нужд защиты.

Для каждой губернии Наркомюст предусматривал лимит защитников. Так, для Екатеринбургской губернии он составлял 75 человек³⁴.

Члены Екатеринбургской коллегии (кроме троих) имели высшее образование, практический опыт³⁵. Из 60 народных судей высшего образования не было ни у кого, зато 53 из них являлись членами РКП(б)³⁶. Поэтому полуграмотные судьи часто выносили решения на основе мнений адвокатов.

В Перми через год работали 36 адвокатов: «о каждом, коих в адвокатуру зачислял президиум, делались сообщения в Губсуд (Совнарсуд) и Губисполком, семеро были отведены»³⁷. Среди них 21 – с высшим образованием, шестеро – практиковали до революции, девять – служили в царских судах и столько же входило в советские коллегии правозаступников. Только один из них являлся коммунистом. Средний возраст адвокатов – от 30 до 50 лет. «Такой состав кол-

³⁰ См.: 90 лет адвокатуре Башкортостана / под ред. Б. Г. Юмадилова. Уфа, 2012. С. 15.

³¹ См.: Турин В. От коллегий правозаступников до адвокатуры // Сов. юстиция. 1957. № 9. С. 39.

³² См.: Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России. С. 117.

³³ См.: Временное положение об адвокатуре Екатеринбургского судебного округа // Смирнов В. Н., Усманов Р. Р. История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург, 1999. С. 301–303.

³⁴ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 104. Л. 115.

³⁵ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2057. Л. 7.

³⁶ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 215. Л. 2–7.

³⁷ Отчет о деятельности коллегии защитников с 8 июля 1922 г. до 20 сентября 1923 г. (далее – Отчет коллегии защитников). С. 3–4 // Архив ПОККА.

легии, – говорилось в первом ее отчете, – вполне отвечает нелегким и ответственным задачам, которые возложены законом на новую адвокатуру»³⁸.

Указанные кадровые пропорции были общими по стране: в 1923 г. в Москве из 440 защитников в царское время работали 322 (т. е. около двух третей), в Петрограде из 281 – 256 (т. е. свыше 90 %)»³⁹.

В 1922–1925 гг. особенно бурной была деятельность подпольной адвокатуры. Объяснялось это тем, что при острой нехватке адвокатов многих дореволюционных юристов не принимали в коллегии защитников и судебные органы по политическим мотивам. В то же время развитие товарно-денежных отношений в стране вызывало множество вопросов, требовавших юридических решений. Поэтому немало заинтересованных лиц обращалось за советом именно к таким специалистам, вынужденным действовать нелегально. Власть же направила все свои силы на ликвидацию подпольной адвокатуры.

2 ноября 1923 г. Уполномоченный Екатеринбургского губернского суда разослал народным судьям и народным следователям циркуляр по «искоренению подпольной адвокатуры, дабы тем самым усовершенствовать законную адвокатуру и избавить население от неправильных советов толкования советских законов. Подпольный адвокат не считается с тем, чтобы дать правильное направление делу. Его цель – как можно больше сорвать с темного беспомощного населения. Судьям и следователям нужно уяснить, что эта задача является чрезвычайно важной и ценной в своих последствиях, и чем скорее изживем это зло, тем скорее можно будет работать спокойнее...

Подпольный адвокат – это есть клоп, который забирается в глубокую щель, откуда его можно выжить только химическим средством, этим средством для подпольных адвокатов и является зоркий глаз нарсудей и нарследователей, которые также сумеют выжить подпольного адвоката из его щели, разрушить гнезда, а для этого необходимо всех лиц, работающих в этой области, взять на учет, немедленно описать его характеристику и указать его практический стаж в этой работе, образовательный стаж, классовую принадлежность, социальное положение и его благонадежность»⁴⁰.

В декабре 1923 г. на карте государства появилась Уральская область⁴¹, объединившая бывшие Екатеринбургскую, Пермскую, Тюменскую и Челябинскую губернии.

18 октября 1924 г. Малый президиум Уралоблисполкома постановил: 1) реформировать существующую коллегию, создав вместо нее четыре коллегии (в Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Тюмени) при постоянных судебном-кассационных сессиях и при облсуде для Екатеринбургского, Тагильского, Ирбитского, Шадринского округов; 2) «поручить облсуду разработать положение о коллегии защитников... и внести его на рассмотрение президиума облисполкома»⁴².

³⁸ ГАПК. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 64. Л. 91–96 ; Отчет коллегии защитников. С. 5.

³⁹ См.: Годовщина Петроградской коллегии защитников // Рабочий суд. 1923. № 10. С. 43.

⁴⁰ Циркуляр от 2 ноября 1923 г. № 8 «Всем нарсудьям и нарследователям по Екатеринбургскому уезду» // Смирнов В. Н., Усманов Р. Р. История адвокатуры Среднего Урала. С. 306–307.

⁴¹ СУ РСФСР. 1924. № 5. Ст. 35.

⁴² Выписка из протокола № 46 заседания Малого Президиума Уральского областного исполнительного комитета от 18 октября 1924 г. // Архив ПОККА.

17 декабря 1924 г. облысполком утвердил Положение об окружных коллегиях защитников Уральской области. Согласно ему коллегии защитников состояли при уполномоченных Уралоблсуда по округам. В округах, где насчитывалось 10–15 защитников и более, избирались президиумы коллегий; где менее десяти защитников – избирались уполномоченные коллегии. Президиумы и уполномоченные коллегии имели места пребывания в окружных городах и печати (не гербовые) с их наименованием. Для пополнения коллегии новыми защитниками они создавали испытательные комиссии в составе уполномоченного облсуда, помощника прокурора округа, представителя коллегии защитников. Выдержавшие испытание зачислялись в коллегия, в трехдневный срок об этом сообщалось окружному исполкому. В исключительных случаях комиссия могла освободить от испытания «лиц, кои по своим познаниям и практической подготовке вполне могут быть членами коллегии защитников».

Через административные, судебные и партийные организации комиссия собирала сведения о всех желающих стать членом коллегии защитников. Отказ в приеме можно было обжаловать в окрисполкоме в течение месяца. Дисциплинарные дела на защитников рассматривали президиумы коллегий, а в округах, где нет президиума, – уполномоченные Уралоблсуда. Их решения обжаловались в президиум окрисполкома в двухнедельный срок.

Надзор за деятельностью коллегий защитников возлагался на окружных уполномоченных Уралоблсуда. Перед ними ежеквартально отчитывались президиумы и уполномоченные коллегии.

Политический надзор. Каждое заявление о приеме в коллегия защитников подлежало проверке в губисполкоме, который тесно сотрудничал с органами Государственного политического управления (ГПУ)⁴³.

Адвокатура подверглась тотальным проверкам на политическую благонадежность. Екатеринбургский совет народных судей направил в президиум губисполкома секретный документ, в котором писал: «При рассмотрении постановления президиума коллегии защитников о приеме новых членов обращается серьезное внимание на выяснение личности вновь вступающего, причем большинство из них проходит особую испытательную комиссию. Всего в составе коллегии защитников по г. Екатеринбург и его уезду числится 21 чел., из них 2 партийных и 19 беспартийных. Последних можно распределить на три группы: 1) не вызывающие больших сомнений (7 чел.); 2) невыясненные (8 чел.); 3) сомнительные (4 чел.). Само собой понятно, что разгруппировка эта приблизительная и в процессе дальнейшей работы будет изменяться»⁴⁴.

Сомнения в политической лояльности пермской адвокатуры повлекли череду ее реорганизаций.

Поводом послужил Наказ общего собрания защитников Президиуму и членам коллегии защитников (далее – Наказ). Пермский губернский суд раскры-

⁴³ Несмотря на то что органы политического сыска в СССР имели разные наименования (Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК, ЧК), объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), Министерство государственной безопасности (МГБ), Комитет государственной безопасности (КГБ), их функции оставались неизменными.

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 215. Л. 45.

тиковал данный Наказ и на своем пленуме пришел к заключению, что «Пермская коллегия защитников проникнута буржуазной идеологией, существует на средства буржуазии и защищает главным образом интересы последней, а потому губсуд постановил: усилить надзор за коллегией...»⁴⁵.

По-видимому, губсуд не устроили в первую очередь п. 1–3 первого раздела Наказа. Пункт 1 ставил коллегия защитников наравне с судом и прокуратурой, призванными «укреплять завоевания... Республики переходного периода к социальному типу, где легально, бок о бок, существуют и рабочий, и капиталист, и представители других классов». В п. 2 говорилось, что «на коллегии защитников лежит защита всех прав, данных революцией и законом, хотя бы и прав представителей непролетарских слоев. Законодатель, давая исключительные по объему права пролетариату, кое-что дает и другим классам – не как желание продлить существование этих классов, а как необходимое удобрение, без которого... невозможен рост нового трудового общества без угнетения и рабства». Пункт 3 гласил: «...поскольку пролетарская сущность советского права парализует возможность... причинить вред пролетариату... то для защиты, основанной на этом праве, не будет иметь значения, кто таков объект этой защиты». Подобный подход (равенство прав каждого независимо от социальной принадлежности) противоречил официальной доктрине диктатуры пролетариата.

Согласно п. 4, 5 первого раздела Наказа цель защиты в уголовном процессе – «выяснение перед Судом истины по делу и установление обстоятельств, могущих послужить в пользу обвиняемого», а в гражданском процессе – «установление фактов, доказывающих действительное право доверителя, основанное на гражданских законах РСФСР».

В Наказе адвокат, названный «органом юстиции», не мог ограничиваться участием в судебном процессе, а должен был «принимать участие в популяризации Советского права... воспитать в каждом человеке гражданина... понимающего свои права и обязанности». Данные установки шли вразрез с постулатами революционной законности, служившей для властей политическим инструментом.

15 сентября 1923 г. губернский суд направил в коллегия защитников объявление о том, что по решению губисполкома полномочия ее членов «20 сентября с/г кончаются. Лица, желающие вступить в число членов вновь формируемой коллегии защитников, должны подать заявление председателю губсуда». В результате реорганизации число адвокатов сократилось более чем наполовину. Коллегию защитников очистили от лиц, «проникнутых буржуазной идеологией».

В Ленинграде пленум губернского суда 23 мая 1923 г. вынес похожее постановление: «Признать деятельность президиума [коллегии защитников] неудовлетворительной, а деятельность коллегии – не соответствующей задачам пролетарской адвокатуры»⁴⁶.

5 мая 1923 г. внезапно был арестован преуспевающий пермский адвокат В. В. Ивановский. Причиной для ареста В. В. Ивановского стало следующее.

⁴⁵ Отчет коллегии защитников. С. 2.

⁴⁶ Равич М. Из истории советской адвокатуры // Сов. юстиция. 1937. 20 нояб. С. 21.

Во-первых, он занял «неправильную позицию» на судебном процессе против шести рабочих-транспортников, арестованных в апреле 1923 г. за хищение товаров. Пермский губернский суд, где рассматривалось дело, старался придать ему «показательный характер» для рабочих масс: и в назидание, и в предостережение будущих хищений. Прокурор в связи с закончившимся месячником по борьбе с хищениями на транспорте требовал применить к подсудимым высшую меру наказания – расстрел. В. В. Ивановский в защитительной речи выразил несогласие с позицией прокурора. Он пытался убедить суд в том, что «130 пудов похищенной воблы не подрывают основ народного достоинства и что расстрелять, окровавить шесть человеческих жизней только для того, чтобы процесс этот имел показательный характер, и только потому, что заканчивается последний день месячника по борьбе с хищениями в транспорте, – значит дискредитировать советскую власть и советский суд». Он доказывал, что хищение совершено «в состоянии материальной нужды и без злого умысла контрреволюционного намерения подрывать основы народного достоинства»⁴⁷. Когда Ивановского арестовали, пришло известие о том, что Верховный Суд по его кассационной жалобе отменил приговор, причем «нашел дело произведенным настолько неудовлетворительно, что предложил возобновить производство со стадии предварительного следствия»⁴⁸.

Во-вторых, Ивановского «уличили в агитации в пользу бойкота Губпродкома», выразившейся в том, что он защищал юриконсультанта данной организации Шермана, которого завхоз Маслов обругал «жидовской мордой» и ударил. Ивановский заявил, что пока Маслов не будет уволен, «вряд ли уважающий себя человек сможет занять должность юриконсультанта Губпродкома»⁴⁹. Эти слова и расценили как призыв к бойкоту государственного учреждения.

В-третьих, Ивановскому поставили в вину «совершение Февральской революции на стороне Временного правительства, связь с царской семьей Романовых и стремление содействовать их побегу».

Ему инкриминировали ст. 63 УК РСФСР 1922 г. «Участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий, или использующей таковые в тех же целях» и ст. 69 «Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия рабоче-крестьянскому правительству».

Ивановский отрицал обвинения, указывая на их «чрезвычайно общую форму», затрудняющую представление объяснений, просил «затребовать отзыв» о нем нескольких свидетелей. Однако их не допросили, и в следственных материалах оказались только неблагоприятные для Ивановского сведения.

Обвинение привело к выводу, что он является «активным, опасным противником рабоче-крестьянского правительства, искусно тактически действующим и ускользающим от наказания в силу своих способностей, опыта и образования». Комиссия ОГПУ 1 августа 1923 г. вынесла постановление о заключении

⁴⁷ ГОПАПК. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11513. Л. 7–7 об.

⁴⁸ Там же. Л. 43.

⁴⁹ Там же. Л. 21 об.

Ивановского в один из концентрационных лагерей республики сроком на три года «как политического авантюриста»⁵⁰. Только в 2004 г. его реабилитировали.

Наркомюст РСФСР 23 апреля 1924 г. издал Циркуляр № 61, в котором предписал всем судам «усилить» кадры адвокатуры работниками партийных и профессиональных организаций, рабочими, имеющими достаточную подготовку; ужесточить контроль губернских судов за деятельностью коллегий защитников, а также урегулировать распределение защитников по области.

В сентябре 1924 г. окружная контрольная комиссия РКП(б) осуществила ревизию Уральского областного суда. Проверила личные дела всех свердловских адвокатов, применив к некоторым из них «меры классовой защиты». Так, по мнению комиссии, адвокат Лубяновский «является чуждым элементом для пролетарского суда, ибо старается дискредитировать суд, допуская явления к угощению членов областного суда, имея предвзятую мысль о выигрыше дела в пользу защищаемого им какого-нибудь буржуа». Другой адвокат, Попов, «является самым популярным защитником среди буржуазии, к Советской власти не весьма лоялен... Попов, как получающий большой гонорар с подзащитной буржуазии, имеет гораздо большую возможность... разлагающе действовать на членов суда»⁵¹. Обоих адвокатов, а также Шиляева как «бывшего эсера в 1905–1917 гг.» комиссия сочла необходимым исключить из коллегии защитников.

Коллективизация адвокатуры. Проводившаяся в стране в конце 1920-х – начале 1930-х гг. коллективизация в своеобразной форме насаждалась и в адвокатуре, особенно среди адвокатов, занимающихся частной практикой. В 1929 г. повсеместно началась организация адвокатских коллективов.

27 февраля 1932 г. коллегия Наркомата юстиции СССР утвердила Положение о коллективах коллегии защитников, союзные республики издали свои положения. Создавались районные и межрайонные коллективы. Прием в их члены происходил по решению выборного бюро. Отказ в приеме обжаловался в президиум коллегии защитников, постановление последнего было окончательным. Президиум мог по согласованию с бюро направлять в коллективы новых членов⁵².

Коллективизация реализовывалась в условиях государственной реформы: в 1930 г. окружное деление заменили административно-территориальным. В Уральской области вместо 205 районов осталось 118 (подчинялись они непосредственно Уралоблисполкому). По решению областной коллегии защитников мелкие коллективы объединили в крупные.

На 6 ноября 1931 г. действовали следующие бюро:

- «1) Пермское: Кизеловский, Кунгурский, Очерский, Н.-Ильинский районы;
- 2) Тагильское;
- 3) Тюменское: Ялуторовск;
- 4) Красноуфимское: Сарапул, Камбарка, Воткинск, Красноуфимск;

⁵⁰ ГОПАПК. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11513. Л. 52. Подробнее см.: *Смирнов В. Н.* Советизация адвокатуры : чистки и репрессии на Урале (1923–1948 гг.) // Рос. юрид. журнал. 2014. № 4. С. 14–16.

⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 14. Л. 146.

⁵² ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 2. Л. 63, 96.

- 5) Свердловское: городские районы, Нязе-Петровск, Ирбитский, Кыштымский районы;
- 6) Шадринское;
- 7) Челябинское: Камышловский район;
- 8) Троицкое;
- 9) Златоустовское;
- 10) Курган-Петуховское;
- 11) Ишимское»⁵³.

К коллективизации адвокаты отнеслись по-разному. Е. М. Воробьева вспоминала: «...Никакой оплаты за свой труд (от коллегии защитников. – В. С.) я не получала, так как частной практикой не занималась, еще приходилось преодолевать недоверие к женщине-адвокату. Материально жилось мне очень трудно. Зато с какой радостью мы, молодежь, встретили проведенную коллективизацию в коллегии, когда отменили частную практику, и все деньги клиенты должны были давать не на руки адвокатам, а сдавать в кассу коллегии. Общую сумму стали распределять между всеми в соответствии с количеством выполненной работы, т. е. сколько дано советов, составлено деловых бумаг, проведено дел в судах. Те адвокаты, которые имели большую практику, были очень недовольны, так как часть сумм за ведение ими дел попадала начинающим, не имеющим еще авторитета.

Я помню, как почувствовала себя неловко, когда мне с учетом проделанной мною работы дали впервые столько денег, сколько от моих клиентов в общую кассу не поступало. Ведь всю бесплатную работу возлагали на молодежь, а некоторым старым адвокатам явно не понравилась новая система, и они вышли из состава коллегии»⁵⁴.

В 1930-х гг. на Урале применялась марочно-премиальная форма оплаты труда адвокатов. Вознаграждение определялось в марках, максимальная стоимость одной марки – 35 руб. Для каждого защитника норма выработки составляла 250 марок в месяц, т. е. адвокат должен был провести 10 судодней, дать 20 письменных и устных советов. Судебное выступление оценивалось в 10 марок, написание жалобы – в 5 марок, совет – в 1 марку, прочие письменные работы – в 3 марки, общественная работа – в 5 марок⁵⁵.

Позже перешли на разрядную форму: каждому адвокату присваивали разряд, которому соответствовал определенный оклад. Так, Е. М. Воробьевой дали шестой разряд со ставкой в 400 руб.⁵⁶ Заработок складывался из двух частей: суммы, полученной от клиента, и суммы от валового дохода коллектива. В результате менее квалифицированные и востребованные члены коллектива защитников получали больше, чем фактически зарабатывали⁵⁷. Потому-то и говорила в своих воспоминаниях Екатерина Михайловна Воробьева (Нечаева) о неловкости от того, что зарплата ее превышала личные кассовые вложения.

⁵³ Там же. Д. 1. Л. 36.

⁵⁴ Воспоминания Е. М. Воробьевой (Нечаевой). С. 1–4 // Архив ПОККА.

⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

⁵⁶ См.: Личное дело Е. М. Воробьевой. С. 53 // Архив ПОККА.

⁵⁷ См.: Кожевников М. В. Советская адвокатура. С. 43.

В 1931–1933 гг. Е. М. Воробьева избиралась членом бюро Пермского коллектива защитников и ответственным секретарем, неоднократно поощрялась. Однако 16 февраля 1935 г. в ходе очередной чистки по распоряжению Г. И. Рябова – уполномоченного президиума Свердловской областной коллегии защитников по Пермскому межрайонному коллективу защитников – ее сняли с работы как выходца «из семьи чуждо-классового элемента» (торговца). Три жалобы Е. М. Воробьевой (две – в облколлекцию защитников, одна – председателю Свердловского облсуда) успеха не принесли. 27 мая 1935 г. облисполком постановил: «Считать отведенными и отчислить из состава членов коллегии защитников... Е. М. Воробьеву»⁵⁸.

В 1934 г. президиум областного суда утвердил Инструкцию по применению таксы за юридическую помощь, оказываемую коллективами Уральской областной коллегии защитников. Все обращающиеся к адвокатам делились на семь категорий в зависимости от их доходов. «В пределах каждой категории вознаграждение за юридическую помощь назначается в зависимости от сложности дела, имущественного положения данного лица, причем в отношении нетрудового элемента гонорар взимается по соглашению 7-й категории». Красногвардейцы и красные партизаны пользуются скидкой 50 %⁵⁹.

Соблюдение «классовой линии» при взимании гонорара строго контролировалось.

Кадровые чистки и их последствия. В конце 1920-х гг. в связи с политизацией правовой системы стали проявляться упрощенческие тенденции в области судопроизводства, высказывались мысли и о ликвидации института защиты в советском суде. Однако это предложение не нашло поддержки в Наркомате юстиции⁶⁰.

Перевод правовой системы на «более политические рельсы» привел к обновлению дискуссии о роли адвоката в советском обществе. Одни ее участники, например известный партийный функционер того времени А. Сольц, считали, что адвокаты и состязательный процесс являются пережитками старого режима и поэтому им нет места в социалистическом обществе. Пролетарский суд сам в состоянии защитить интересы народа. Вместо состязания двух противоположных сторон – обвинения и защиты – предлагалось ввести в судебный процесс официально назначенного докладчика, который представлял бы составу суда объективные доказательства по существу дела. Другие (в их числе Председатель Верховного Суда РСФСР П. Стучка и Председатель Верховного Суда СССР А. Виноградов) выступали за состязательность⁶¹. Однако государственная линия направлялась на ослабление роли адвокатов в судопроизводстве, удаление из их среды подозрительных с политической точки зрения лиц, постепенное запрещение частной практики.

⁵⁸ Личное дело Е. М. Воробьевой. С. 68, 73–74.

⁵⁹ Инструкция по определению таксы за юридическую помощь, оказываемую коллективами Уральской областной коллегии защитников // Смирнов В. Н., Усманов Р. Р. История адвокатуры Среднего Урала. С. 314–317.

⁶⁰ См.: История Советского государства и права : в 2 кн. М., 1968. Кн. 2. С. 400.

⁶¹ См.: Реформа советского уголовного процесса // Революция права. 1928. № 2. С. 72–74.

Многие работники советского аппарата предвзято относились к институту правозащитников (последние в обстановке новой экономической политики были обязаны оказывать юридическую помощь и «нэпманам»). На страницах юридических и общеполитических изданий дискутировали о том, могут ли коммунисты состоять в коллегии защитников. Так, на страницах газеты «Правда» высказывали свое мнение представитель Наркомюста Бранденбургский (доказывал допустимость и принципиальную желательность участия коммунистов в коллегии защитников) и Андерс (придерживался противоположной точки зрения). К последнему присоединились Красиков и Прушицкий. Прушицкий писал: «...Признавая участие коммунистов в этой среде необходимым, надо послать туда стойких, твердых, испытанных товарищей, но их-то для этой работы и жаль, а потому лучше уже совсем коммунистов туда не посылать»⁶².

Спор был настолько острым, что в него вмешался Центральный комитет партии. Вопрос разрешил циркуляр ЦК РКП(б) от 2 ноября 1922 г. Согласно ему коммунистам разрешалось вступать в коллегию защитников с санкции местной партийной организации и при условии отчетности коммунистической фракции коллегии. Им запрещалось выступать на стороне буржуазных контрреволюционных элементов, взяточников, расхитителей государственного имущества и всякого рода насильников⁶³.

Власть считала необходимым выхолостить дореволюционный дух из адвокатуры, наполнить ее новым, советским, содержанием. По мнению одного из юристов, «советизация» корпорации адвокатов была направлена на то, чтобы превратить адвоката в советского работника, который по-советски интерпретировал бы наши законы, ни на минуту не забывая о границах революционной законности; по-советски разбирался в существе юридических вопросов и своей целью ставил не обслуживание клиента, а укрепление советского общества⁶⁴.

Такой «государственный» взгляд лежал в основе политики, проводимой в отношении советских коллегий защитников с первых дней их существования.

В 1931 г. партиячейка Уралоксуда, прокуратуры и президиума облсуда резко критиковала в своих постановлениях коллегию защитников. Отмечала, что работа «не перестроена в соответствии с реконструктивным периодом, до сих пор протекает по-адвокатски, с тем лишь изменением, что зарплата нормируется»⁶⁵ и воспрещен прием клиентуры на дому. Коллектив «не является сигнализатором о неполадках в прокуратуре и суде... надо разгонять негодный, разложившийся элемент, поставивший задачу личной наживы...»⁶⁶. Председатель президиума Уралоблколлегии В. К. Попов переадресовал эти упреки дословно

⁶² Прушицкий С. Можно ли коммунистов посылать в коллегию адвокатов? // Ежемесячник сов. юстиции. 1922. № 29/30. С. 3.

⁶³ См.: Советская адвокатура : задачи и деятельность / отв. ред. А. А. Круглов. М., 1968. С. 133.

⁶⁴ См.: Ундревич В. Советский суд и защита // Революция права. 1928. № 5. С. 271.

⁶⁵ Секретная переписка Свердловской областной коллегии защитников с НКЮ РСФСР за 1932 г. С. 56 (далее – Секретная переписка...).

⁶⁶ Там же. С. 50.

всем бюро и уполномоченным межрайонных коллективов защитников Уральской области и потребовал «целиком перестроить работу».

В конце своего послания он предупредил: «Больше напоминаний делать не буду, лица за неисполнение сего распоряжения будут привлекаться к дисциплинарной ответственности вплоть до исключения из членов коллективов»⁶⁷.

Поводом для такого реагирования послужил поступивший в рабочее бюро расследований облРКИ материал о таких явлениях в аппарате коллектива «Красный юрист», как невыполнение решения бюро о замене чужаков рабочими, прошедшими юридические курсы; недостаточное руководство со стороны областного суда коллективами защитников; искажение классовой линии по взиманию гонорара; рвачество; зажим критики.

ОблРКИ предложило «Свердловский городской коллектив распустить», проверить весь личный состав ЧКЗ области «на предмет замены чуждых по идеалам новыми советскими юристами», пересмотреть таксу гонораров «с полным осуществлением классового принципа», «просить райКК – РКИ всей Уральской области произвести обследования работы всех коллективов и защитников по вопросам классового подхода и их социального и имущественного положения. Настоящее постановление опубликовать в печати»⁶⁸.

В 1933 г. Уральский областной суд провел массовую кадровую чистку⁶⁹.

Было проверено 178 человек: членов ВКП(б) – 7, членов ВЛКСМ – 4, беспартийных – 167. Среди них выходцами из рабочих были 33, батраков – 5, бедняков – 17, середняков – 11, служащих – 112. Уволили 26 человек, в основном как классово чуждые элементы⁷⁰.

В 1934 г. Уральскую область на основании постановления ЦИК СССР от 17 января 1934 г. разделили на три: Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую (Тюменскую). Численность Свердловской коллегии сократилась со 195 человек в 1933 г. до 123 человек в 1934 г.⁷¹

В конце февраля 1935 г. на съезде Свердловской коллегии защитников член областного суда Польшев в связи с убийством С. М. Кирова говорил «о новом этапе борьбы с остатками вражеских элементов, требующей особенного напряжения и особой бдительности от органов юстиции...», о том, что «члены коллегии защитников обязаны свои познания заострять на борьбе с классовым врагом»⁷². Ему возразил уполномоченный Свердловского межрайонного коллектива защитников Г. А. Колосов: «Нельзя понимать, что защитник – помощник суда в карательной политике. Мы – помощники суда и помощники юридической помощью трудящимся»⁷³. Такие настроения не остались незамеченными.

Уже 1 апреля 1935 г. вопрос о работе коллегии защитников рассмотрело бюро Свердловского обкома ВКП(б) и постановило:

⁶⁷ Секретная переписка за 1932 г. С. 46.

⁶⁸ Там же. С. 48–49.

⁶⁹ См.: Секретная переписка за 1933 г. С. 17.

⁷⁰ См.: Секретная переписка за 1934 г. С. 2–23, 25–31.

⁷¹ ГАСО. Ф-2578. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

⁷² Там же. Ф. 2578-Р. Оп. 1. Д. 5. Л. 96.

⁷³ Там же. Л. 97.

«1. За искривление классово-линейной линии, за политическую слепоту, допущение засоренности классово чуждыми и разложившимися элементами... членов коллегии защитников, членов ВКП(б) Попова, Хорькова и Рябова с работы снять, запретив работать в судебных органах. Председателю Коллегии защитников т. Попову объявить строгий выговор. Принять к сведению, что зам. Председателя коллегии защитников троцкист Карякин из партии исключен.

<...>

3. Обязать Облсудом – т. Царевского, Облсуд – т. Сундукова, прокурора Леймана в месячный срок пересмотреть весь состав членов коллегии защитников... и укрепить ее проверенными работниками.

<...>

5. Указать Облсуду и Прокуратуре на то, что они... не руководили работой коллегии защитников и только благодаря этому могли иметь место такие безобразия.

6. Командировать на работу в Коллегию защитников т.т. Постникова, Саушкина и Колосова»⁷⁴.

Классовая «засоренность» была преодолена: к 1 октября 1936 г. 80 из 125 защитников исключили, коллегия обновилась на 70 %⁷⁵.

Отрицательное отношение судов, «частые чистки и частные определения о дисциплинарном преследовании... создавали у ряда защитников... настроение, при котором они не могли бороться и отстаивать свои процессуальные права... порождали пассивность или угодливость»⁷⁶. Активные же адвокаты в глазах наркома юстиции Н. В. Крыленко являли собой «центр сосредоточения политической оппозиции, буржуазной оппозиции»⁷⁷.

Намеренная дискредитация адвокатов и ограничение уровня оплаты их труда привели к высокой текучести кадров. В 1933 г. в Свердловскую областную коллегию защитников приняли 92 человека, выбыло же 434. В условиях формирования тоталитарной системы стало престижнее работать на государство (в суде, прокуратуре, милиции). Туда и стремились многие юристы.

Кто же замещал вакансии в адвокатуре? Это были так называемые выдвиженцы, большая часть которых не имела не только юридической подготовки, но даже среднего образования, а также запятнавшие себя работники правоохранительной системы.

Один из таких – И. С. Авраменко – пишет в автобиографии: «Я окончил семилетку (так в документе. – В. С.) и ФЗУ (фабрично-заводское училище. – В. С.). С 1931 г. на комсомольской работе, в 1935 г. по мобилизации ЦК ВЛКСМ командирован на Урал, инструктор 3-го РК ВЛКСМ г. Свердловск, не имею не одного (так в документе. – В. С.) взыскания. В январе 1936 г. после шестимесячных юридических курсов принят практикантом в Тагильский коллектив защитников. Оттуда “дезертировал”, после оказался заведующим Кабаковской (Серовской) юридической консультацией, не оприходовал гонорары, полученные с

⁷⁴ Секретная переписка за 1935 г. С. 1.

⁷⁵ ГАСО. Ф. 2578-Р. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–39; Д. 7. Л. 27.

⁷⁶ Равич М. Из истории советской адвокатуры. С. 21.

⁷⁷ Там же.

клиентов, присвоил 286 руб., принадлежащих Тагильскому коллективу». За все это и «разрисовку и искажение портрета тов. Косарева (в то время генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. – В. С.), граничащего с политическим хулиганством (за что из комсомола исключен)»⁷⁸. Президиум СОКЗ 5 сентября 1936 г. отчислил Авраменко из адвокатуры.

В марте 1934 г. из прокуратуры был уволен и исключен из членов ВКП(б) Я. И. Вечернин. Образование низшее, окончил годичные юридические курсы, служил в Красной Армии политруком, затем работал судисполнителем, следователем, нарсудьей, райпрокурором. В апреле 1934 г. зачислен в Пермский межрайонный коллектив защитников (Кунгур). Из его личного дела видно, что он дважды отчислялся из коллегии, последний раз в декабре 1938 г. «по собственному желанию». Истинная же причина – хронический алкоголизм⁷⁹.

В июле 1936 г. по направлению председателя Коми-Пермяцкого окружного суда в местный коллектив защитников был принят Д. Е. Васькин. Образование низшее, окончил шестимесячные юридические курсы, работал судьей в ряде районов округа. Через четыре месяца его исключают из адвокатуры «за систематическую пьянку», но он устраивается сначала в коллегию защитников Западно-Сибирского края, потом в Алтайскую коллегию защитников. В мае 1938 г. получает направление в «Кудымкарский коллектив (Юрменский и Кочевской районы)». В декабре уполномоченный коллектива защитников Коми-Пермяцкого округа отстраняет Д. Е. Васькина от работы «как морально разложившегося и делавшего неоднократные прогулы»⁸⁰.

Адвокатура, объединявшая в 1920-х гг. лучшие силы, спустя десятилетие переместилась на задворки правовой системы. В начале 1937 г. Наркомат юстиции СССР провел обследование (ревизию) работы Свердловской областной коллегии защитников. Его результаты отражены в письме наркома СССР Н. Крыленко от 28 марта 1937 г. в адрес и. о. председателя президиума коллегии Николаева (председатель СОКЗ Н. Ф. Островский в то время был отстранен от должности как троцкист) и в копии – председателю Свердловского областного суда Петрову. Нарком указал на следующие недостатки:

«1. За 4 месяца своей работы президиум не обследовал и не заслушал ни одного коллектива и юрконсультации и не провел ни одного совещания.

2. Слабая работа в деле повышения квалификации и качества работы ЧКЗ несмотря на то, что из 82 ЧКЗ – 63 чел. без юридического образования.

3. Из 75 районов Свердловской области 25 районов не обслуживаются юридической помощью.

4. Наличие фактов морально-бытового разложения: пьянство, склоки, нарушения таксы по гонорару и т. д.

5. Большой штат платных освобожденных работников (на 82 ЧКЗ – 33 чел. платных работников), в результате чего отчисления от общего заработка ЧКЗ в коллегию защитников составляют 50 %.

⁷⁸ Личное дело И. С. Авраменко. С. 2–3, 6, 9–10, 14 // Архив СОКА.

⁷⁹ См.: Личное дело Я. И. Вечернина. С. 5, 7–8, 17–18 // Архив ПОККА.

⁸⁰ Там же. С. 7–8, 11–13, 37, 39, 47–48.

6. Неудовлетворительное руководство общественно-правовой работы ЧКЗ (нет плана и учета этой работы)»⁸¹.

Нарком Н. Крыленко потребовал от исполняющего обязанности председателя президиума СОКЗ Николаева «совместно с председателем обсуда Петровым поставить перед обкомом ВКП(б) вопрос о созыве в апреле месяце 1937 года общего собрания ЧКЗ и для отчета президиума КЗ и выборов нового президиума и ревкомиссии. О времени общего собрания и повестке дня сообщите в НКЮ РСФСР и НКЮ СССР», а также «принять меры к укомплектованию 27 районов по обслуживанию их юридической помощью, организовать кружки юрминимума с охватом всех нуждающихся и со сдачей зачета к 1 сентября с/года; прекратить посылку практикантов в районы на самостоятельную работу; усилить работу по изучению кадров путем обследования, заслушивания отчетов и проведения совещаний – ежемесячно; повести решительную борьбу с ненормальными явлениями: нарушение таксы, пьянство, переманивание и ловля клиентуры»⁸².

Этот документ, сохранившийся в архивном уголовном деле Н. Ф. Островского и других руководителей СОКЗ, арестованных за антисоветскую деятельность, наглядно показывает удручающее состояние адвокатуры после ее классового «очищения».

Репрессии и их жертвы. В начале 1930-х гг. в стране начал раскручиваться маховик массовых репрессий. 7 августа 1932 г. вышло постановление ВЦИК и СНК СССР (так называемый закон о трех колосках), в соответствии с которым хищение социалистической собственности, независимо от его размера, наказывалось как минимум 10 годами лишения свободы. На съезде Уральской областной коллегии защитников, прошедшем в феврале 1933 г., председатель президиума коллегии В. К. Попов сказал: «Постановление ВЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. и Закон о спекуляции мы должны проводить в жизнь, изживая частный капитал. Дела можно брать к производству, когда хищение сомнительное и видно, что человек страдает безвинно; если же виновность установлена при сознании обвиняемого, помочь здесь ничем не можем, то, естественно, мы будем только мешать суду»⁸³. Резолюция съезда звучала еще жестче, в ней содержались призывы к беспощадному отношению «к классовому врагу, расхитителям общественной собственности и спекулянтам»⁸⁴.

1 декабря 1934 г. пробравшийся в Смольный молодой коммунист Николаев убил члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградской партийной организации С. М. Кирова. В тот же день вышло постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», известное как Закон от 1 декабря. Этот чрезвычайный акт упрощал процедуру по делам террористов: «срок расследования – десять дней, обвинительное заключение вручать обвиняемому за одни сутки до суда и слушать дела без участия сторон, не допускать обжалования приговоров и ходатайств о помиловании, приговор к высшей мере наказания исполнять немедленно».

⁸¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 8476. Л. 151–151 об.

⁸² Там же.

⁸³ ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

⁸⁴ Там же. Л. 25.

В убийстве С. М. Кирова И. В. Сталин усмотрел заговор, в котором были обвинены бывшие оппозиционеры троцкисты-зиновьевцы⁸⁵. По всей стране начались преследования их «идеологических пособников».

Свердловский областной суд обязал всех членов коллегии защитников сигнализировать органам власти о нарушениях революционной законности. Уполномоченные и президиум коллегии должны были вести учет всех сигналов и всемерно помогать защитникам в достижении результатов по ним. Фактически адвокатов заставляли доносить на своих клиентов.

В насаждаемой атмосфере подозрительности и доноительства любое неосторожное слово грозило неприятностями.

Опасны были для адвокатов и выступления в суде. Например, 21 сентября 1935 г. по приговору специальной судебной коллегии Свердловского областного суда был осужден Г. Ф. Додор – член коллегии защитников Первоуральского района Свердловской области. Обвинялся по ч. 1 ст. 5810 УК (контрреволюционная агитация). Наказание – лишение свободы сроком на шесть лет. 27 октября 1935 г. приговор оставлен в силе Верховным Судом РСФСР. Его защитник А. В. Герасимов – заведующий юридической консультацией при Уралмашзаводе – утверждал, что «дискредитации (советской власти) не было... Додор не является опасным человеком»⁸⁶. Через пять лет А. В. Герасимов сам оказался обвиняемым по той же статье и восемь лет провел в лагерях: с двумя адвокатами (В. И. Воробьевым и Е. Г. Невьянцевым) он «устраивал совместные сборища, на которых возводили клевету на органы суда, якобы неправильно вынесенные ими решения, рассказывали антисоветские анекдоты, направленные на дискредитацию органов юстиции и колхозного строительства, вождей партии и Советского правительства»⁸⁷.

Пик репрессий пришелся на 1937–1938 гг.

31 января 1937 г. председатель Свердловского областного суда И. А. Петров отстранил от должности председателя коллегии защитников Н. Ф. Островского, который якобы скрыл свое троцкистское прошлое. На посту председателя он проработал всего три месяца.

Островский поехал в Москву с жалобой. В ходе проведенного партийного следствия его троцкизм не подтвердился, Островского (не сразу) восстановили в должности, но в покое не оставили⁸⁸.

24 июня 1937 г. в газете «Уральский рабочий» появилась статья «Враг в коллегии защитников» (в ней Островского вновь обвинили в троцкизме). В адвокатуре начались аресты. 1 июля арестовали Островского и члена президиума М. Н. Ветлугина. 23 июля в «Уральском рабочем» вышла статья «Еще раз о коллегии защитников», в которой говорилось об аресте Островского и

⁸⁵ Троцкистско-зиновьевский блок в 1926–1927 гг. претендовал на создание оппозиционной политической партии. Троцкизм (по имени его идеолога Л. Д. Троцкого) – крайне левое направление коммунизма. Группировку Троцкого разгромили, его выслали в Алма-Ату (Казахстан), а в 1929 г. – за пределы СССР. В 1940 г. Троцкий был убит в Мексике в результате специальной операции советской разведки.

⁸⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 44048. Л. 144 об.

⁸⁷ Там же. Д. 41342. Л. 51, 151–153.

⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 7. Л. 118.

об окружающих его подручных – членах президиума Брюшкове, Кузнецове, Ветлугине, Тороповой, Смоловике и бухгалтере Залевском. Все они (по версии газеты) были бывшими эсерами, колчаковскими офицерами, сыновьями миллионеров и т. д.⁸⁹

28 августа 1937 г. весь состав президиума Свердловской областной коллегии защитников арестовали. За своих коллег заступились адвокаты А. Г. Соколова, А. В. Герасимов и К. В. Туркин, направившие Сталину телеграмму. В ней они утверждали, что арест стал результатом ложного доноса. Вскоре авторов телеграммы исключили из коллегии, однако через пять месяцев восстановили⁹⁰.

Несколько ранее (30 июля 1937 г.) глава НКВД СССР Н. И. Ежов издал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»⁹¹. Так начались массовые репрессии, вошедшие в историю как Большой террор. Для каждой союзной, автономной республики, каждого края, каждой области устанавливалось количество репрессируемых, подлежащих расстрелу, заключению в лагерь или тюрьму на срок от восьми до десяти лет. Учет всех подозрительных (преимущественно по их анкетам) вели органы НКВД. «Врагов» искали и находили везде, в том числе и среди адвокатов. Рассмотрение дел «врагов» вверялось несудебным органам – территориальным «тройкам», в которые входили начальник органа НКВД, секретарь ЦК ВКП(б) республики, крайкома, обкома и прокурор. Персональный состав утверждал Н. И. Ежов.

Однако вернемся к делу руководителей коллегии защитников. Вместе с Островским по делу проходили его заместитель В. П. Постников и председатель месткома профсоюза А. Ф. Торопова. Им вменялись троцкистская пропаганда и подрывная деятельность против советской власти (ст. 581, 58.11, 587 УК РСФСР), следствие шло два года. Поскольку обвиняемыми были руководящие работники коллегии защитников, то дело рассматривал Челябинский областной суд⁹². Защищал подсудимых челябинский адвокат В. П. Павпертов⁹³. Из материалов дела и протокола судебного заседания видно, что обвиняемые активно оспаривали обвинение. В суде свидетели К. В. Туркин, А. Г. Соколова, А. В. Герасимов показали, что подсудимых оклеветали «...с целью сведения с ними личных счетов члены старого руководства президиума в лице А. Г. Горбунова, М. Н. Кривоногова, Г. И. Фертикова, В. П. Устинова, а также Большевикова и Морейн, державшиеся монолитной группой». Они мстили за то, что сами были разоблачены «...в ряде мошеннических действий и исключены за это из членов ВКП(б)»⁹⁴.

В судебных прениях прокурор отказался от обвинения против Островского и Тороповой, а к Постникову предлагал применить ч. 1 ст. 5810 УК РСФСР и

⁸⁹ Уральский рабочий. 1937. 23 июля.

⁹⁰ ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

⁹¹ Цит. по: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). М., 2000. С. 96–104.

⁹² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8476. Л. 286.

⁹³ Подробнее о личности и биографии В. П. Павпертова см.: Творчество адвокатов Челябинской области. Челябинск, 2009. С. 8; Секретная переписка за 1934 г. С. 9, 28 об.–29.

⁹⁴ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8476. Л. 279–282, 282 об.

«...вынести ему меру наказания в соответствии с карательной санкцией». В. П. Павпертов просил оправдать всех подсудимых⁹⁵. На выездной сессии, проходившей в Свердловске с 1 по 16 сентября 1939 г., подсудимые Островский, Торопова и Постников были оправданы⁹⁶.

Возможно, что такой исход вызвала спасительная телеграмма адвокатов И. В. Сталину. Благодаря ей дело по окончании следствия в январе 1938 г. было послано вместо «тройки» облУНКВД на Особое совещание при НКВД СССР, которое постановило: «...дело через прокурора направить в Спецколлегия суда, с перечислением арестованных...»⁹⁷.

Тем временем наметилось ослабление политики Большого террора. 17 ноября 1938 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем указывалось на «ряд крупнейших недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры». Пробравшиеся в них враги народа «...сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты»⁹⁸. Наркома внутренних дел Н. И. Ежова расстреляли как врага народа и иностранного шпиона. Сменивший его Л. П. Берия взял курс на ослабление репрессий.

Судьбы других адвокатов, попавших под упомянутый приказ НКВД СССР № 00447, сложились трагически.

В. А. Брюшкова в ноябре 1937 г. «тройка» УНКВД Свердловской области приговорила к десяти годам лагерей. В 1956 г. по ходатайству сына его реабилитировали⁹⁹.

29 октября 1937 г. член президиума СОКЗ А. И. Кузнецов по решению той же «тройки» был расстрелян. Его обвинили «в том, что, оставаясь непримиримым врагом советской власти... вел подрывную вредительскую деятельность, направленную на дискредитацию советского суда и вызов недовольства трудящихся... путем проведения контрреволюционного положения по взиманию гонорара за выступления»¹⁰⁰.

Еще один расстрелянный адвокат – М. Н. Ветлугин. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Томского университета, «получая стипендию от известного мецената» Перми Н. В. Мешкова. Начал работать в Перми помощником присяжного поверенного Попова. Через пять лет в звании присяжного поверенного трудился на Нижне-Тагильском заводе¹⁰¹. Беспартийный, «ни в белой, ни в Красной Армии не служил. В 1917–1923 гг. занимался исключительно педагогической деятельностью»¹⁰².

С ноября 1922 г. работал в адвокатуре, трижды из нее отчислялся. Первый раз ввиду неутверждения (после чистки) окрисполкомом в 1924 г. восстано-

⁹⁵ Там же. Л. 291–291 об.

⁹⁶ Там же. Л. 313.

⁹⁷ Там же. Л. 217–219.

⁹⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. Т. 1. С. 305–308.

⁹⁹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18647. Л. 156.

¹⁰⁰ Там же. Д. 23815. Л. 15, 46.

¹⁰¹ НАРТ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 466. Л. 1–15.

¹⁰² Личное дело М. Н. Ветлугина. С. 54 // Архив СОКА.

вился М. Н. Ветлугин 23 января 1926 г. с согласия прокурора Свердловской области.

7 мая 1935 г. М. Н. Ветлугину выдали специальное удостоверение о том, что он «относится к профессиональным обязанностям вполне добросовестно, обладает большой эрудицией в знании советского права и процесса, умело вел значительную общественную работу, в точности выполнял все поручения и задания, участвовал в подготовке кадров в виде занятий с практикантами, с которыми делился своими знаниями и опытом, выступал в крупных и ответственных уголовных процессах. Съездами Уральской областной коллегии и коллективом много раз был премирован и избираем заместителем уполномоченного коллектива» (Свердловского. – В. С.)¹⁰³.

Второй раз его отчислили из адвокатуры в том же мае¹⁰⁴. В рядах коллегии защитников его восстановили в ноябре 1936 г.¹⁰⁵ по постановлению президиума ВЦИК РСФСР, о чем его рукой сделана запись в «трудовом списке» (аналог трудовой книжки) следующего содержания: «Восстановлен обратно на работу. Постановление Президиума ВЦИК от 20.VI.1936 г. и пост.[ановление] обл.[астного] и.[сполнительного] к.[омитета] Свердл.[овска] от 7.IX.1936 г. № 5688»¹⁰⁶.

Меньше чем через год последовало третье (окончательное) исключение М. Н. Ветлугина.

Его расстреляли спустя неполных три месяца после ареста – 27 сентября 1937 г. по постановлению «тройки» УНКВД Свердловской области за то, что он был «участником контрреволюционной эсеровской повстанческой террористической организации на Урале... в контрреволюционной деятельности блокировался с организацией церковников... высказывался за немедленную организацию центрального террора... вел работу по вовлечению новых членов в организацию; проводил контрреволюционную пропаганду против Партии и Советской власти»¹⁰⁷.

В июле 1956 г. дело М. Н. Ветлугина было пересмотрено военным трибуналом Уральского военного округа (УралВО): «...постановление (“тройки”. – В. С.) в отношении Ветлугина Михаила Николаевича отменено и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Жене реабилитированного президиум Свердловской областной коллегии адвокатов выплатил «за два месяца три тысячи рублей».

Судьба члена Нижнетагильского коллектива защитников Н. И. Корпачева, работавшего при нарсуде поселка Нижняя Салда, аналогична участи названных выше адвокатов.

В январе 1938 г. отдел областного УНКВД принял постановление о его аресте, в котором утверждалось: «Н. И. Корпачев с 1917 по 1920 год состоял в рядах эсеровской организации, в которой принимал активное участие. В своей практической работе главным образом берет под защиту кулаков, торговцев,

¹⁰³ Там же. С. 77.

¹⁰⁴ Там же. С. 59.

¹⁰⁵ Там же. С. 60–62.

¹⁰⁶ Там же. С. 78.

¹⁰⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21865. Л. 213.

спекулянтов и др. а[нти]/с[оветский] элемент... В целях прекращения контрреволюционной и повстанческой деятельности Корпачева Николая Ильича арестовать, в квартире произвести обыск»¹⁰⁸. Через три дня, 1 февраля 1938 г., Корпачев написал на имя начальника следственного отдела заявление, в котором указал: «...на протяжении ряда лет и до последнего времени являюсь участником контрреволюционной диверсионно-террористической повстанческой эсеровской подпольной организации и стоял на позициях нелегальной контрреволюционной эсеровской деятельности в борьбе с Советской властью»¹⁰⁹.

По данному сфабрикованному делу № 38651, составившему 59 томов, проходило 295 человек, никак не связанных между собой, они даже не были знакомы. Всем им предъявлены обвинения по нескольким пунктам ст. 58 УК РСФСР, начиная от антисоветской агитации и кончая попыткой свержения советской власти. В обвинительном заключении подчеркивалось, что «...в феврале 1938 г. IV отделом управления НКВД по Свердловской области вскрыта и ликвидирована контрреволюционная эсеровская организация, действовавшая в г. Свердловске и ряде районов Свердловской области: Чусовском, Добрянском, Полевском, Артинском, Алапаевском, Чермозском, Белоярском, Нытвинском, Нижне-Салдинском и других... Организация ставила своей задачей: 1. Создать широкую повстанческую организацию с тем, чтобы в момент наступления на Советский Союз со стороны какой-либо капиталистической державы организовать вооруженное восстание. 2. Развернуть работу в области подготовки повстанческих кадров и расстановки их на важнейших хозяйственных и оборонных объектах...»¹¹⁰.

В отношении Корпачева говорилось: «По заданию к[онтр]-р[еволюционной] организации в 1930 г. организовал и руководил эсеровской нелегальной организацией в Н.-Салдинском районе. Создал боевую террористическую группу. Корпачева Николая Ильича расстрелять. Лично ему принадлежащее имущество конфисковать». Обвиняемых по данному делу постановлением «тройки» от 13 мая приговорили к высшей мере наказания, и до 17 мая 1938 г. все 295 человек были расстреляны.

Среди обвиняемых по этому делу был и М. Е. Ильин – защитник из первого состава коллегии, утвержденного Екатеринбургским губисполкомом 3 августа 1922 г. Вскоре после зачисления в коллегию защитников М. Е. Ильин «вышел из нее на госслужбу»: работал заведующим договорным правовым сектором объединения «Востоксоюзстрой». В июле 1934 г. он вернулся в СОКЗ и трудился в коллегии как совместитель.

7 февраля 1938 г. М. Е. Ильина из коллегии исключили в связи с арестом по следующему обвинению: «Является активным участником эсеровской к[онтр]-р[еволюционной] организации, в которую вошел с целью борьбы с ВКП(б) и советской властью. Систематически проводит к[онтр]-р[еволюционную] пропаганду и распускает клевету против руководства ВКП(б) и Советского

¹⁰⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17160. Т. 13. Л. 2.

¹⁰⁹ Там же. Л. 7.

¹¹⁰ Там же. Т. 18. Л. 1–2.

правительства, ст. 58¹⁰–58¹¹ УК РСФСР»¹¹¹. Допросили его только 11 мая 1938 г., вину он не признал, зачитанные против него показания нескольких лиц назвал «явной ложью»¹¹². 13 мая его осудили, а 16 мая расстреляли¹¹³.

Жена М. Е. Ильина Клавдия Ивановна в течение 18 лет не знала, жив ли муж. В 1956 г. из УАО УКГБ по Свердловской области ей сообщили, что ее муж «был осужден на 10 лет ИТЛ и умер 24 июля 1941 г. в заключении (не сказано где. – В. С.) от паралича сердца». То же указано и в свидетельстве о смерти, выданном Свердловским загсом. Ложные сведения, как видно из служебной переписки ст. лейтенанта УАО УКГБ Немчинова, его начальника подполковника Горшенина и уполномоченного УКГБ Ревды (место жительства К. И. Ильиной) майора Кондратьева, были выданы «в соответствии с приказом МВД СССР № 0400 от 15.07.1954 и руководствуясь указаниями КГБ при СМ СССР № 108сс от 24.08.1955». Только в декабре 1989 г. дочь казненного Ирина Михайловна получила истинное свидетельство о смерти отца: «Причина смерти – расстрел, место – г. Свердловск, 16 мая 1938 г.»¹¹⁴.

После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС в государственные органы пришло огромное количество писем от родственников репрессированных с просьбой прояснить судьбы их близких.

В апреле 1956 г. военный прокурор Уральского военного округа в протесте в порядке надзора поставил вопрос об отмене постановления «тройки» от 13 мая 1938 г. и прекращении дела № 38651 в отношении всех 295 человек за отсутствием состава преступления. 8 июня 1956 г. вышло определение № 586 военного трибунала УралВО, в котором отмечалось: «К моменту ареста лиц органы НКВД никакими данными о их преступной деятельности не располагали. Обвинение всех лиц было основано на противоречивых, неконкретных признаниях большинства обвиняемых (только 20 из них свою вину не признали). Однако эти показания объективно ничем не подтверждены и являются несостоятельными. Проверкой, проведенной в 1955–1956 гг., установлено, что контрреволюционной организации, в которой якобы состояли обвиняемые, фактически не существовало, вмененные им в вину факты вредительской и другой антисоветской деятельности, как это выяснено проверкой, в действительности не имели места. Проверкой также установлено, что расследование по данному делу проводилось с грубейшими нарушениями социалистической законности, признательные показания арестованные давали под принуждением работников следствия. (В результате камерной обработки “агитаторами” и “коллунами”.) Дело о каждом из перечисленных выше лиц производством прекратить за отсутствием состава преступления». Жене посмертно реабилитированного Н. И. Корпачева по постановлению президиума СОКА от 28 августа 1956 г. выдали 1200 руб.¹¹⁵

¹¹¹ Личное дело М. Е. Ильина. С. 2–6, 8–9 // Архив СОКА ; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17160. Т. 16. Л. 2.

¹¹² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17160. Т. 16. Л. 6–7.

¹¹³ Там же. Л. 673.

¹¹⁴ Там же. Т. 56. Л. 237–239, 241.

¹¹⁵ Личное дело Н. И. Корпачева. С. 48.

В архивных документах (ставших доступными нам сегодня) содержатся данные лишь о 23 работниках уральской адвокатуры, подвергнутых в 1923–1940 гг. политическим репрессиям.

Фракция ВКП(б) в адвокатуре – руководящая сила. К органам управления адвокатурой в те времена относились съезды, пленум, президиум коллегии защитников, ревизионная комиссия, общее собрание и бюро ЧКЗ. Съезд коллегии избирал пленум, президиум и ревкомиссию, утверждал их отчеты, принимал локальные нормативные акты (положения). Наибольшую активность проявлял президиум коллегии как исполнительный орган.

Однако подлинной руководящей силой являлись фракция коммунистов в президиуме коллегии и партгруппы в коллективах. Именно они принимали постановления, которые претворяли в жизнь коллегии защитников.

Проводили ту политику, которую диктовала власть. Так, на заседании «фракции президиума областной коллегии защитников» 29 января 1933 г. «присутствовали: Попов, Гладких, Носов», обсуждался поступивший из газеты «Уральский рабочий» проект заметки под заголовком «Вон рвачей из Коллегии защитников». В постановляющей части протокола заседания указывается, что президиум Уральской областной коллегии защитников «ведет беспощадную борьбу со всеми навыками, унаследованными защитниками от старого царского строя, со всеми рвачами, попавшими случайно и примазавшимися к коллективу защитников... В составе президиума имеется 3 члена партии со стажем с 1905–1920 годов, участники гражданской войны... покровительством мошенников не занимались и заниматься не будут»¹¹⁶.

Руководителей адвокатуры тех лет фактически назначали партийно-советские органы, но назначенцы долго не удерживались на вверенных им постах. Один из них – Г. Я. Суханов, родился в Кизеле в 1897 г. в семье рабочего, рано осиротел, образование: «учился всего один год, больше не пришлось ввиду бедности», рабфак и юридические курсы. Доброволец Красной армии, член ВКП(б), выдвинут в народные судьи. В 1934 г. – судья в Екатеринбурге, получил выговор от уполномоченного ЦК ВКП(б) «за неграмотное решение суда». Эти сведения отражены в личном листке по учету кадров и автобиографии Г. Я. Суханова.

На следующей странице его личного дела красноречивая выписка из протокола заседания президиума СОКЗ от 26 июня 1935 г.: «Слушали: О командировании обкомом ВКП(б) для работы в качестве председателя областной коллегии защитников и выбранного последним на областном съезде ЧКЗ 12/V с. г. т. Суханова Григория Яковлевича. Постановили: Г. Я. Суханова зачислить в состав Свердловской областной коллегии защитников с 1.VI.35 года». Выходит, что Суханова Г. Я. «выбрали» председателем до того, как он стал (за полтора месяца!) членом коллегии защитников.

За этим документом следует выписка из протокола заседания президиума Свердловского областного суда от 11 июня 1936 г.: «признать, что президиум

¹¹⁶ Секретная переписка за 1933 г. С. 51. См. также: *Смирнов В. Н.* Партийно-государственное руководство адвокатурой в довоенное время // *Рос. юрид. журнал.* 2014. № 6. С. 151–168.

коллегии защитников не извлек уроков из указаний... а именно: слабое руководство коллективами, не развернутая консультационная работа для трудящихся, массовые переборы с них гонораров, слабая работа по поднятию политических и юридических знаний членов коллегии защитников; Г. Я. Суханов допустил сколку между отдельными членами коллегии, сам совершил недостойный гражданина СССР поступок, уклоняется от уплаты законных средств на содержание ребенка, кроме того, предложил буфетнице Поповой изготовить фиктивный финансовый счет на 78 руб. для покрытия его задолженности, уехал в отпуск без согласования с председателем облсуда». Президиум облсуда постановил: «Суханова от должности освободить... созвать съезд коллегии защитников 5 сентября 1936 г., согласовать с председателем облсуда повестку съезда, погасить задолженность населению по переборам гонораров»¹¹⁷.

Другой неудавшийся назначенец – М. И. Зыков, 1909 года рождения, с двумя курсами Свердловского юридического института. Отозван в 1937 г. из вуза обкомом партии и назначен народным судьей 16-го участка Свердловска. Через два месяца работы председатель облсуда направил его в областную коллегию защитников, где «его избрали членом президиума, а 13 января 1938 года – председателем»¹¹⁸.

В феврале 1939 г. на очередном съезде адвокатов М. И. Зыков обрушился с обвинениями в адрес репрессированного руководства СОКЗ. «Враги народа, – говорил он, – насаждали вредные методы работы в адвокатуре, мешали росту... молодых кадров, принимали в ряды членов коллегии бывших белых офицеров и другие обломки старого общества, насаждали антисоветские методы с целью окончательной дискредитации органов защиты»¹¹⁹.

Адвокаты в свою очередь критиковали членов президиума за склоки и неэффективную работу¹²⁰. На следующий день М. И. Зыкова лишили его поста, работу президиума (и его в том числе) признали неудовлетворительной.

Происшедшие перемены одобрила партийная часть членов коллегии защитников на заседаниях 5 и 7 февраля 1939 г., которые вел начальник управления НКЮ РСФСР по Свердловской области Н. Старченков.

На первом заседании присутствовали 23 человека, на втором – 24. На время съезда Старченкова избрали секретарем партгруппы. 5 февраля утвердили повестку дня и регламент областного собрания. Старченков предложил, и с ним все согласились, «создать президиум СОКЗ из 7 человек»: Малинина, Бочкарева, Осипова, Пчелинцева, Пуртова, Тарутина, Проданова. Почти все они пришли из областного суда и прокуратуры.

На втором заседании «партийной части» возникла полемика по кандидатуре И. Н. Малинина на пост председателя коллегии. Рингельштейн и Павлович выразили сомнение, сможет ли Малинин «обеспечить руководство из-за “мягкого характера”». «Сколько у нас было председателей? – много, – сказал

¹¹⁷ Личное дело Г. Я. Суханова. С. 1-8.

¹¹⁸ Личное дело М. И. Зыкова. С. 1–3, 6 // Архив СОКА.

¹¹⁹ ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 5. Л. 97, 104.

¹²⁰ Там же. Д. 9. Л. 41–42.

Павлович, – и все они сломали голову». Старченков возразил им, заявив собравшимся, что знает Малинина «как энергичного работника, способного... Он обеспечит руководство». Предложение Старченкова поддержали Пуртов, Мезенцев, Васильев, Проданов, Кривобок, Зыков, Казаков, Фомин. В своем выступлении Малинин сказал: «Совершенно правильно подходят товарищи к подбору кандидатур. О себе... мягкотелостью я не болею». Постановили: «Кандидатуру тов. Малинина оставить – рекомендовать... общему собранию. Работу президиума СОКЗ признать неудовлетворительной»¹²¹.

Новый председатель СОКЗ И. Н. Малинин ведал до этого кадрами управления НКЮ РСФСР по Свердловской области. Его личное дело начинается с заявления от 1 февраля 1939 г. о приеме в Свердловскую областную коллегию защитников: «Себя считаю вполне подготовленным для работы в такой»¹²².

На следующий день (2 февраля) заявление Малинина было удовлетворено президиумом СОКЗ. Замечу, что ни Малинин, ни его заместитель Бочкарев не имели адвокатской практики: специальным постановлением президиума СОКЗ (от 8 августа 1939 г.) их прикрепили к коллективам защитников и обязали уполномоченных давать им дела для выступлений¹²³.

Новому руководству, фактически назначенному, досталось нелегкое наследство. Действительно, многие председатели СОКЗ «сломали голову» на этом посту.

Сохранились акты приема-передачи наличных денег, имущества, библиотеки и секретной переписки коллегии адвокатов:

от Г. Я. Суханова «вновь назначенному временно исполняющим обязанности председателя президиума Постникову В. П.» (15 июля 1936 г.)¹²⁴;

от Постникова «вновь избранному на должность председателя СОКЗ Островскому Н. Ф.» (1 ноября 1936 г.)¹²⁵;

от Островского «вновь назначенному предпрезидиума Свердловской областной коллегии защитников т. Николаеву И. Н.» (10 февраля 1937 г.)¹²⁶;

от «Врид. (временно исполняющего должность. – В. С.) Председателя Коллегии защитников тов. Николаева И. Н. вновь временно избранному на эту должность Постникову В. П.» (8 апреля 1937 г.)¹²⁷;

от Постникова В. П. «восстановленному на должность председателя президиума Островскому Н. Ф.» (8 мая 1937 г.)¹²⁸.

По состоянию на 13 января 1938 г. обязанности председателя СОКЗ исполнял А. А. Смирнов, от которого дела коллегии по акту принял «вновь избранный» М. И. Зыков. Последний занимал эту должность один год и неполный месяц.

¹²¹ Секретная переписка за 1939 г. С. 3–4.

¹²² Личное дело И. Н. Малинина. С. 1 // Архив СОКА.

¹²³ Там же. С. 10.

¹²⁴ Секретная переписка за 1937 г. С. 1.

¹²⁵ Там же. С. 2–4.

¹²⁶ Там же. С. 8.

¹²⁷ Там же. С. 13–16.

¹²⁸ Там же. С. 20.

Таким образом, с июня 1935 г., когда пришел неудавшийся назначенец Суханов, по февраль 1939 г., когда адвокаты выразили недоверие председателю Зыкову, на посту председателя коллегии сменилось шесть человек.

Изучая советскую довоенную адвокатуру, американский ученый Ю. Хаски сделал выводы о незначительном партийном влиянии на «деятельность разрозненной массы адвокатов»¹²⁹ в годы нэпа и о «полнейшей неразберихе при осуществлении партийно-государственного контроля в коллегиях» в 1936–1938 гг.¹³⁰

А. П. Галоганов вслед за Хаски ошибочно утверждает, что в результате «второй “чистки” 1938 г. соотношение социальных сил среди адвокатов не изменилось, не было и значительного влияния коммунистической партии в их рядах». Препятствовала этому сама структура адвокатуры, право ее рядовых членов избирать президиум и его председателя.

Вместе с тем наши данные говорят о том, что фактически в советских коллегиях защитников сразу после их учреждения и в ходе политических чисток кадровые и другие значимые решения определяли партийно-государственные органы, а с 1930-х гг. – и фракция коммунистов.

Положение об адвокатуре СССР 1939 г. – модельный закон. 16 августа 1939 г. Совет народных комиссаров утвердил представленное НКЮ СССР Положение об адвокатуре¹³¹.

Положение вернуло адвокатуре ее гражданское наименование – коллегии адвокатов, которые официально провозглашались общественными организациями. Правда, оно уравнивало коллегии адвокатов с иными советскими учреждениями и установило за ними мощный контроль. Первичным звеном коллегии стала юридическая консультация во главе с заведующим, назначаемым президиумом коллегии. Если юрконсультация насчитывала не менее 15 человек, заведующий освобождался от ведения судебных дел, получал зарплату от президиума и нес перед ним ответственность. Он полновластно руководил адвокатами: распределял дела, устанавливал размер гонорара, контролировал качество их профессиональной деятельности, вел статистическую и финансовую отчетность (ст. 21, 23, 24 Положения).

Организацию коллегии адвокатов и общее руководство ими осуществлял Наркомат юстиции СССР через республиканские наркоматы и управления при областных и краевых советах депутатов трудящихся (ст. 2 Положения). Наркомюст обладал правом:

- допускать адвокатов к частной практике (ст. 5 Положения);
- определять срок, порядок стажировки и оплату труда стажеров (ст. 7);
- разрешать жалобы на отказ в приеме и исключение из адвокатуры (ст. 11);
- отводить принятых в коллессию адвокатов (ст. 12);
- устанавливать порядок и сроки отчетности президиума коллегии (п. «и» ст. 18);

¹²⁹ Хаски Ю. Российские адвокаты и Советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М., 1993. С. 95, 157.

¹³⁰ Галоганов А. П. Правовой статус адвокатуры : российская законодательная модель и конституционные принципы обеспечения прав человека. М., 2011. С. 215.

¹³¹ СУ СССР. 1939. № 49. Ст. 394.

утверждать состав и местонахождение юридических консультаций (ст. 21); разрабатывать формы статистической и финансовой отчетности юрконсультаций (ст. 24);

издавать инструкции об оплате юридической помощи (ст. 25);

рассматривать жалобы адвокатов на дисциплинарные взыскания (ст. 28).

Последующие приказы Наркомюста еще более расширили его компетенцию по «общему руководству» адвокатурой: по управлению выборами президиума коллегии (приказ от 26 октября 1939 г. № 98); по контролю за приемом в коллегии (приказ от 22 апреля 1941 г. № 65); по гонорарным ставкам (приказы от 2 октября 1939 г. № 85, от 25 сентября 1940 г. № 29, от 24 января 1941 г. № 18); по подготовке молодых адвокатов (Инструкция от 23 апреля 1940 г. № 47); по дисциплинарному разбирательству (приказ от 11 апреля 1940 г. № 47); по должностным окладам освобожденных членов президиумов и заведующих юридическими консультациями (приказ от 3 июля 1940 г. № 75).

В приказе народного комиссара юстиции СССР от 14 октября 1940 г. № 137 «Об усилении руководства работой коллегий адвокатов и юридических консультаций»¹³² говорилось о плохом руководстве работой коллегий адвокатов и консультаций вследствие того, что некоторые председатели коллегий и заведующие консультациями «много занимаются адвокатской практикой и часто забывают о своих прямых обязанностях руководителей. В Москве из 63 освобожденных заведующих юридическими консультациями 52 занимаются адвокатской практикой, уделяя на эту работу две трети своего рабочего времени». Согласно приказу «освобожденные заведующие юридическими консультациями и члены президиумов коллегий адвокатов в течение 8 часов рабочего дня обязаны находиться в консультациях и коллегиях, осуществляя руководство их работой».

19 ноября 1941 г. Наркомюст СССР директивным письмом № АД-5 ввел служебную ответственность председателей президиумов коллегий адвокатов перед «народными комиссарами юстиции за нарушения дисциплины и директивных указаний НКЮ СССР «Союзных республик»¹³³. В обиход вошел термин «единоначалие» в адвокатуре¹³⁴.

Органы юстиции фактически распорядились свободными средствами коллегий адвокатов. Начальник Свердловского управления юстиции П. А. Старченков в ноябре 1940 г. потребовал срочно созвать закрытое заседание президиума для передачи «на оборонную работу» Осоавиахиму 50 % накоплений коллегии (около 300 тыс. руб.), которые она «держит... на счете совершенно бесполезно, ибо расходовать сверх сметы или разделить между адвокатами не имеет права, а обязана сдавать в бюджет государства»¹³⁵. Указание исполнено 28 ноября 1940 г.

В 1940 г. в соответствии с приказами НКЮ СССР была проведена очередная кампания отводов из адвокатуры (в первую очередь, по идеологическим

¹³² Секретная переписка за 1940 г. С. 58.

¹³³ Секретная переписка за 1941 г. С. 5.

¹³⁴ См.: Смирнов В. Н. Адвокатура России (XV–XXI вв.). С. 199.

¹³⁵ Там же. С. 65–67, 71.

мотивам). 28 марта 1941 г. начальник Отдела адвокатуры НКЮ РСФСР Дудник секретно запросил у председателей коллегий адвокатов сведения об исключенных: бывших чиновниках дореволюционных учреждений власти, «выходцах из партий эсеров, меньшевиков, бундовцев¹³⁶ и т. п. ...лицах, находившихся в период интервенции на территории белых, морально разложившихся, нарушителях трудовой дисциплины»¹³⁷. По Свердловской коллегии таковых оказалось за 1940 г. и три месяца 1941 г. 24 человека, трое из них «изъяты органами НКВД и осуждены»¹³⁸ (очевидно, это А. В. Герасимов, В. И. Воробьев, Е. Г. Невьянцев. – В. С.).

Напомним, что Наркомат юстиции 5 августа 1939 г. (незадолго до принятия Положения об адвокатуре СССР) издал приказ, которым судьи обязывались создавать адвокатам нормальные условия для их деятельности, «рассматривать адвоката не как помеху, а как нужную и важную фигуру в системе судебного аппарата»¹³⁹. Однако в реальности ничего не менялось, на что и обратил внимание на кустовом совещании адвокатов, народных судей и районных прокуроров в январе 1941 г. заместитель председателя СОКА Пуртов: «Имеют место случаи, когда председательствующий чувствует себя помощником прокурора, то есть изображает собой второго прокурора и ведет процесс явно с обвинительным уклоном, а прокурор часто смотрит на адвоката, как на еще не разоблаченного преступника. Бывают случаи, когда устанавливают регламент защитнику в одну минуту. Адвокат – равноправная сторона и призван, по Конституции, защищать права и интересы подсудимых»¹⁴⁰.

Пуртов привел факты уничижительного отношения к защите, среди них – отстранение адвоката М. Е. Абраменко от судебного процесса А. И. Исакова, обвиняемого по ст. 58¹⁰ УК РСФСР. Так, председатель Линейного суда Свердловской железной дороги Чернышов мстил защитнику за прежнюю активную защиту подсудимого Исакова: по надзорной жалобе М. Е. Абраменко был отменен предыдущий приговор по делу¹⁴¹. В 1950 г. тот же суд в частном определении по делу Рукавишника обвинил М. Е. Абраменко «в извращении сути советской торговли» в защитительной речи.

Президиум СОКА был вынужден исключить профессионального и смелого защитника Абраменко из коллегии как политически нелояльного¹⁴².

За политическим обликом советской адвокатуры следили ревностно и неустанно. Если Положение о коллегиях защитников 1922 г. воспроизводило черты, присущие советам присяжных поверенных, сохраняло традиционную материальную связь защитника с доверителем, то Положение об адвокатуре СССР 1939 г. поставило точку в трансформации коллегий адвокатов в подобие советских учреждений.

¹³⁶ Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, действовавший до 20-х гг. XX в.

¹³⁷ Секретная переписка за 1940 г. С. 97.

¹³⁸ Там же. С. 96, 98.

¹³⁹ ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

¹⁴⁰ Там же. Л. 89–91.

¹⁴¹ Подробнее см.: Смирнов В. Н. Адвокатура России (XV–XXI вв.). С. 192–194.

¹⁴² Секретная переписка за 1940 г. С. 47, 49.

Советская власть, стремясь поставить адвокатуру на службу пролетарской законности и целям социалистического правосудия, включить ее в государственную систему, использовала такие приемы, как избавление от буржуазных специалистов, партийные чистки и репрессии, наполнение коллегий защитников коммунистами, постановка последних на руководящие должности, постепенное запрещение индивидуальной практики и коллективизация адвокатуры. Положение об адвокатуре 1939 г. стало моделью для последующего правового регулирования, формально – до принятия Федерального закона от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Уральский государственный юридический университет

Смирнов В. Н., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Ural State Law University

Smirnov V. N., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: up@usla.ru

В Совет при Президенте
Российской Федерации по развитию
гражданского общества и правам человека

**Экспертное заключение кафедры уголовного процесса
Уральской государственной юридической академии
по уголовно-процессуальным аспектам приговора
Хамовнического районного суда города Москвы
от 27 декабря 2010 года в отношении
Ходорковского Михаила Борисовича
и Лебедева Платона Леонидовича
и иных материалов уголовного дела**

1. Суд нарушил требования ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства

Статья 252 УПК РФ устанавливает, что:

- судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению;
- изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный закон указывает на два вида пределов судебного разбирательства – по кругу лиц и по предъявленному обвинению.

1.1. Пределы судебного разбирательства по кругу лиц

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» содержится следующее разъяснение:

«Имея в виду, что разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, суд не должен допускать в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц.

В тех случаях, когда отдельные участники преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, освобождены от уголовной ответственности по предусмотренным в законе основаниям, суд, если это имеет значение для установления роли, степени и характера участия подсудимого в преступлении, квалификации его действий или установления других существенных обстоятельств дела, может сослаться в приговоре на роль этих лиц в деянии с обязательным указанием оснований прекращения дела.

Если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий».

В приговоре упоминается об участии в совершении преступления иного лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, и оно объявлено в розыск (с. 32), иного лица, в отношении которого постановлен обвинительный приговор (с. 32), иного лица, находящегося в розыске (с. 33–36, 39, 42, 44–54, 56–60, 62–64, 67–68, 70–71, 89–92, 98, 102–104, 112, 114, 115, 117, 118, 120 и др.), иного лица, производство по уголовному делу в отношении которого приостановлено (с. 48–50, 52, 54, 58–63, 67–70, 112–118), иного лица, производство по уголовному делу в отношении которого приостановлено в связи с розыском (с. 34–38, 40–41, 44, 53).

В других случаях в приговоре используются разнообразные варианты формулировок относительно лиц, принимавших, по мнению суда, участие в совершении преступления:

- другие (иные, остальные) члены (участники, лица) организованной группы;
- другие руководители организованной группы;
- иные лица (лицо);

-
- другие участники преступления;
 - действующие совместно с ними лица;
 - иные лица – основные акционеры и высшие менеджеры ОАО «НК «ЮКОС»;
 - председатель Совета директоров ЗАО «Роспром»;
 - председатель правления ЗАО «Роспром»;
 - административный персонал ЗАО «Роспром» в полном составе;
 - руководитель дирекции налогового планирования ООО «ЮКОС Москва»;
 - иное лицо – работник этого общества;
 - иное лицо, проживающее на острове Мэн;
 - иное лицо, находящееся в своем офисе на острове Мэн;
 - президент ОАО «НК «ЮКОС»;
 - президент ЗАО «ЮКОС ЭП»;
 - подконтрольные им лица – члены Совета директоров;
 - бывший высший менеджмент ОАО «НК «ЮКОС»;
 - помощник Ходорковского;
 - их (его) сообщники;
 - подконтрольные им руководители ЗАО «ЮКОС ЭП»;
 - иное лицо – генеральный директор ОАО «Юганскнефтегаз»;
 - иное лицо – генеральный директор ОАО «Самаранефтегаз»;
 - гражданин Великобритании;
 - другие не установленные следствием лица;
 - другие установленные следствием лица;
 - иное лицо, возглавлявшее конкурсный комитет;
 - управляющий делами ЗАО «ЮКОС ЭП»;
 - иное лицо – доверительный собственник;
 - иное лицо, подчиненное Лебедеву;
 - вымышленное физическое иное лицо;
 - иное лицо, предоставившее свои паспортные данные;
 - иное лицо – главный бухгалтер ООО «Фаргоил»;
 - иное лицо – руководитель ООО «Фаргоил»;
 - иное лицо – сотрудник ЗАО «ЮКОС ЭП»;
 - иное подконтрольное организованной группе лицо;
 - лично преданное Лебедеву иное лицо – помощник президента банка «Менатеп»;
 - иное лицо – начальник управления казначейства ООО «ЮКОС-Москва»;
 - иное лицо – заместитель управляющего партнера адвокатского бюро «АЛМ МГКП»;
 - иные лица – адвокаты адвокатского бюро «АЛМ»;
 - иное лицо – заместитель председателя правления АКБ «ДИБ»;
 - иное лицо – первый заместитель председателя правления АКБ «ДИБ»;
 - сотрудник казначейства;
 - иное лицо – владелец холдинговой и секретарской компании «Бермуды»,
- но без каких-либо указаний на то, что в отношении этих лиц дело выделено в отдельное производство либо вообще осуществлялось уголовное преследование.**

В приговоре упоминаются и конкретные фамилии лиц, участвовавших, по мнению суда, в составе организованной группы – Елфимов (с. 46), Шахновский (с. 59), Брудно (с. 59), Степанов (с. 291–292), Малаховский, Переверзин, Бахмина, но только в отношении Малаховского и Переверзина, которые были допрошены судом в качестве свидетелей, содержатся ссылки на постановленный в отношении их и вступивший в законную силу приговор Басманного районного суда г. Москвы от 1 марта 2007 г. (с. 269, 277, 297–299, 517, 630–631). Относительно Бахминой суд ограничился указанием на то, что в отношении ее постановлен обвинительный приговор без уточнения того, каким судом, когда этот приговор постановлен и вступил ли он в силу (с. 663). Что же касается Елфимова, Шахновского, Брудно и Степанова, то в приговоре нет ссылок на то, что в отношении этих лиц принималось какое-либо процессуальное решение.

В нарушение требований ст. 252 УПК РФ суд в приговоре, по сути, сформулировал обвинение и в отношении лиц, не являющихся ни подсудимыми по данному уголовному делу, ни лицами, преследовавшимися в порядке уголовного судопроизводства по этому или другим уголовным делам.

«Затем, продолжая действия по сокрытию совершенных преступлений, Ходорковский М. Б., содержась под стражей в условиях следственного изолятора ФГУ ИЗ-99/1 г. Москвы, руководя действиями участников организованной группы через своего защитника, дал указание иному лицу, которое через подчиненных ему сотрудников казначейства запланировало производство финансовых операций, результатом которых должно было стать поступление денег на счета подконтрольной организованной группы компании «YUKOS Capital S.a.r.l.». Данные указания Ходорковского М. Б. **через общего защитника** согласовывались с членом организованной группы Лебедевым П. Л., который в этот период времени также содержался под стражей в ФГУ ИЗ-77/1 г. Москвы» (с. 127).

«Действия по передаче работникам ООО «ЮКОС-Москва» указаний Ходорковского М. Б. и Лебедева П. Л. о порядке проведения финансовых операций иное лицо осуществляло не только **как их защитник**, но и как **адвокат** адвокатского бюро «АДМ Фельдманс», заместитель управляющего партнера которого – иное лицо, находящееся в розыске, а, кроме того, и **адвокаты этого бюро были прямыми участниками этих финансовых операций**. Кроме того, данные указания Ходорковского М. Б. согласовывались с Лебедевым П. Л. и **через других их защитников**, имеющих возможность общаться с ними обоими. После чего по указанию Ходорковского М. Б. иное лицо обеспечило перечисление со счетов компании «Brittany Assets Limited» в банках «Barclays Bank» (Лондон) и «Ситибанк» (Лондон) с 20 ноября 2003 г. по 26 мая 2004 г. денежных средств, добытых преступным путем в результате реализации похищенной нефти, в сумме 2 478 000 000 долларов США» (с. 127–128).

«Причем указания Ходорковского М. Б., согласованные с Лебедевым П. Л., передавались через иное лицо, являющееся **не только защитником указанных лиц**, но и начальником отдела правового управления ООО «ЮКОС-Москва», т. е. лицом по службе им обоим подконтрольным. После чего, во исполнение указаний Лебедева П. Л. и Ходорковского М. Б., подчиненные иного лица, находящегося в розыске, работники казначейства дали указание

директору компании «YUKOS Capital S.a.r.l», иному лицу, подписать от имени этой компании договоры о выдаче кредита ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерним обществам и подконтрольным членам организованной группы компаниям, а иное лицо, находящееся в розыске, дало указание подчиненному ему адвокату – иному лицу, управлявшему счетами этой компании в г. Москве, обеспечить перечисление денежных средств со счетов, открытых в банках «Траст» и «Менатеп СПб». Таким образом, от имени компании «YUKOS Capital S.a.r.l» были оформлены договоры займов с ООО «Энерготрейд», ООО «ЮКОС Восток Трейд», ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть» и ОАО «НК ЮКОС» (с. 129).

«В ходе судебного следствия при исследовании доказательств судом установлено, что заключенные 01.01.2003 Адвокатским бюро «АЛМ Фельдманс» соглашения об оказании юридической помощи с руководителями организованной группы Ходорковским М. Б. (т. 70, л. д. 165–171), Лебедевым П. Л. (т. 70, л. д. 155–161) и иным лицом (т. 70, л. д. 172–178), как с физическими лицами, свидетельствуют о том, что в начале 2003 г. по указанию руководителей организованной группы иным лицом, находящимся в розыске, **через подчиненных адвокатов** бюро «АЛМ Фельдманс» были перечислены миллиардные суммы похищенных денежных средств со счета ООО «Ратибор» под видом дивидендов на счета контролируемой членами организованной группы кипрской компании «Дансли Лимитед» (с. 271).

«В 2003 г. после привлечения к уголовной ответственности Ходорковского М. Б. и Лебедева П. Л. ими обеспечено перечисление в ОАО «НК «ЮКОС» значительного размера денежных средств из консолидированной прибыли, аккумулированной до этого на счетах иностранных компаний, представлявших собой часть консолидированной структуры «ЮКОСа», для выплаты больших дивидендов акционерам, в том числе себе.

Однако при этом Ходорковским М. Б. и Лебедевым П. Л., находившимися под стражей, но продолжавшими руководить действиями подчиненных им членов организованной группы **через своих защитников**, была обеспечена выдача компанией «Yukos Capital S.a.r.l.» процентных займов ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерним нефтедобывающим компаниям. То есть данные суммы, фактически являющиеся денежными средствами ОАО «НК «ЮКОС», Ходорковским М. Б. и Лебедевым П. Л. были предоставлены нефтяной компании как заемные, а не как собственные средства» (с. 528).

«Несмотря на то что приведенные телефонные разговоры осуществлены в октябре-ноябре 2004 г., когда Ходорковский М. Б. и Лебедев П. Л. находились под стражей, предметные беседы, изложенные в них, подтверждают, что, даже находясь в заключении, Ходорковский М. Б. координировал действия членов организованной группы, с ним согласовывались все финансовые проекты, и что его решения впоследствии передавались им для исполнения **через адвокатов**» (с. 530).

«Суд считает, что исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства свидетельствуют о том, что, приступив до ареста к действиям по легализации преступно нажитого имущества, Ходорковский М. Б. и Лебедев П. Л. и после ареста, соответственно в октябре и июле 2003 г., находясь под стражей

в условиях следственных изоляторов ИЗ-99/1 и ИЗ-77/1 г. Москвы, **через своих адвокатов** продолжили координировать работу членов возглавляемой ими организованной группы по совершению новых финансовых операций и иных сделок с преступно приобретенными денежными средствами и иным имуществом. При этом **один из адвокатов, являясь защитником обоих обвиняемых**, координировал между ними согласование действий членов организованной группы, их ролей и передавал наряду с другим адвокатом указания обвиняемых о заключении юридически значимых договоров и проведении финансовых операций через руководителя казначейства ОАО «НК «ЮКОС» и партнера адвокатского бюро «АЛМ Фельдманс», который затем давал указания сотрудникам адвокатского бюро «АЛМ Фельдманс» о регистрации в российских органах власти созданных для легализации похищенных средств и полностью подконтрольных преступной группе компаний «YUKOS Finance B.V.» и «YUKOS Capital S.a.r.l.». По его указаниям были открыты также счета в банках приведенных компаний и перечислялись денежные средства, о сути операций которых не знали числившиеся представителями компаний иные лица – номинальные директора» (с. 531).

«Суд приходит к выводу, что вышеприведенные доказательства свидетельствуют о том, что при заключении договоров займа с «ЮКОС Капитал С.а.р.л.» от имени управляющей компании ОАО «ЮКОС ЭП» в принудительном порядке были даны указания на заключение этих договоров представителям нефтедобывающих компаний. Последние вопросами целесообразности и порядка проведения займов не занимались, а, наоборот, указывали на негативные последствия заключения этих сделок, что выражалось в создании искусственной задолженности перед «ЮКОС Капитал С.а.р.л.» и необходимости впоследствии не только выплатить суммы займов, но и проценты по займам. После потери Ходорковским М. Б. и Лебедевым П. Л. контроля над группой компаний «ЮКОС» в России, после введения процедуры банкротства, **ими через своих защитников** были переданы указания зарубежным компаниям «ЮКОС Капитал С.а.р.л.» и «ТМФ Корпорейт Сервисиз С.А.» о предъявлении исков к ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «НК «ЮКОС» и досрочном прекращении договоров займа, выплате процентов по ним и неустоек за просрочку возврата займов» (с. 541).

Таким образом, **суд фактически обвинил адвокатов (защитников) в пособничестве Ходорковскому и Лебедеву, т. е. в соучастии в совершаемых подсудимыми деяниях, в том числе и в период их нахождения под стражей.** Суд, правда, не назвал ни одной конкретной фамилии, но установить и идентифицировать этих лиц не представляет никакого труда, поскольку круг адвокатов-защитников строго очерчен, а их посещения подзащитных в следственном изоляторе фиксируются в соответствующих документах. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что в отношении адвокатов действует особый порядок производства по уголовным делам (глава 52 УПК РФ), но в приговоре не приведено данных, что такое расследование в отношении адвокатов вообще проводилось.

На с. 663–664 приговора содержится следующее суждение и оценка суда:

«Оглашенными в ходе судебного заседания доказательствами установлено, что заключение «независимого оценщика», по существу, являлось **заведо-**

мо ложным документом, специально подготовленным по указанию одного из руководителей организованной группы Лебедева П. Л. иным лицом – членом организованной группы для обмана акционеров с целью склонения их к принятию необоснованного решения. Председателем собрания – иным лицом к участию в голосовании по данному вопросу незаконно были допущены акционеры – представители структур «Менатеп-Роспром-ЮКОС», во владении которых в общей сложности находилось более 50 % акций ОАО «Самаранефтегаз» и которые тем самым являлись заинтересованными в сделке лицами».

Но такое деяние может расцениваться как изготовление и использование поддельного документа (ст. 327 УК РФ).

Кроме того, «в исследованных судом материалах дела содержатся и доказательства **подкупа со стороны подсудимых иных руководителей ОАО «НК «ЮКОС»** в целях принятия незаконных и необоснованных решений по одобрению всех сделок по купле-продаже нефти добывающих предприятий ОАО «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть» ВНК» (с. 182).

«**Факт подкупа руководителей ОАО «НК «ЮКОС»** за обеспечение принятия незаконных и необоснованных решений советами директоров ОАО «НК «ЮКОС», ОАО «ВНК», ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз», в составе которых были Муравленко С. В. и Казаков В. А., и общими собраниями акционеров по одобрению всех решений, необходимых Ходорковскому М. Б., подтверждается исследованными в ходе судебного разбирательства письменными материалами уголовного дела» (с. 188).

Тем самым суд в приговоре, по сути, признал, что подсудимые совершили коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ).

Таким образом, **суд вышел за пределы судебного разбирательства по кругу лиц:**

– указав фамилии конкретных лиц – участников преступления без ссылок на принятые в отношении их окончательные и вступившие в силу процессуальные решения;

– фактически обвинив адвокатов – защитников подсудимых в пособничестве тем деяниям, которые были совершены уже в период нахождения Ходорковского и Лебедева под стражей, т. е. суд определил место совершения преступления и временные рамки этого деяния (ст. 73 УПК РФ), что в силу ст. 90 УПК РФ должно в дальнейшем признаваться органами уголовного судопроизводства без дополнительной проверки;

– признав, что подсудимый Лебедев фактически совершил деяние, предусмотренное ст. 327 УК РФ, а оба подсудимых – еще и коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), хотя такое обвинение им не предъявлялось.

1.2. Пределы судебного разбирательства по обвинению

Ходорковский и Лебедев обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ, т. е. являются соисполнителями данного преступления. Однако суд, оценивая показания свидетеля Добродеевой, пришел к выводу, что «показания свидетеля защиты Добродеевой И. В. не опровергают установленные следствием и подтвержденные в суде

обстоятельства того, что Лебедеву П. Л. инкриминирована роль не исполнителя, а организатора преступлений, соответственно, не имеет значения, где находился Лебедев П. Л. при совершении преступления его исполнителями. В то же время Добродеева И. В. подтвердила достоверность записей в ежедневниках, из которых следует, что Лебедев П. Л. регулярно приглашал к себе в офис МФО «Менатеп» руководителей «ЮКОСа», дочерних и связанных компаний, тем самым подтверждая предъявленное ему обвинение в том, что он руководил совершением хищения и легализации» (с. 623).

Аналогичный вывод сделал суд и при оценке показаний подсудимого Ходорковского:

«Кроме того, довод Ходорковского М.Б. о том, что хищение нефти подразумевает ее физическое изъятие в пользу похитителей, однако процесс сдачи нефти в трубу «Транснефти» исключает ее изъятие, также является несостоятельным в силу того, что Ходорковский М. Б. обвиняется в организации хищения, т. е. в организации изъятия нефти у добывающих предприятий путем составления договоров купли-продажи, по которым нефть изымалась из владения добывающих предприятий на узле учета и переходила во владение подконтрольных подсудимому компаний, в связи с чем добывающие предприятия в момент пересечения нефтью узла учета уже переставали быть собственником нефти как в физическом смысле, так и в юридическом. Соответственно, указанный довод опровергается представленными стороной обвинения и исследованными в суде доказательствами» (с. 652).

Следовательно, суд вышел за рамки предъявленного подсудимым обвинения, указав в приговоре на то, что они являются организаторами, но не исполнителями, как это вытекает из квалификации их действий без ссылки на ст. 33 УК РФ стороной обвинения.

В нарушение требований ст. 246 УПК РФ суд не принял обязательный для него отказ государственных обвинителей от части предъявленного подсудимым обвинения, сославшись на то, что «в прениях сторон представители государственного обвинения просили уменьшить объемы похищенной подсудимыми нефти и, соответственно, снизить размер причиненного ущерба. Такую позицию государственных обвинителей суд не расценивает как отказ от предъявленного обвинения в указанной части, поскольку доказательства, подтверждающие объемы и стоимость похищенной нефти, ими были представлены в судебном заседании со ссылками на конкретные договоры, контракты, акты приема-передачи и другие доказательства. Суд соглашается с примененной методикой расчетов объемов и стоимости похищенной нефти, указанной по предъявленному обвинению, а иной методики расчетов государственным обвинением суду не представлено.

Однако суд согласен с мнением государственного обвинения о необходимости уменьшения количества нефти, похищенной у добывающих предприятий в 2003 г., с 79 502 753 тонн до 77 673 475 тонн, в связи с допущенной арифметической ошибкой при подсчете общего количества похищенной нефти в указанный период.

Кроме того, в связи с допущенной арифметической ошибкой при подсчете сумм, перечисленных ООО «Ратибор» на счет компании «Дансли Лимитед» и

компанией ООО «Фаргойл» на счет компании «Нассаубридж Менеджмент Лимитед», суд уменьшает сумму указанных операций со 139 000 000 000 рублей до 132 810 000 000 рублей» (с. 677).

Ходорковский и Лебедев обвинялись и были признаны судом виновными в хищении нефти путем ее присвоения. Уголовный закон определяет хищение как совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества (примечание 1 к ст. 158 УК РФ).

Особенность присвоения (и растраты) состоит в том, что в отличие от других форм хищения при присвоении имущество не изымается, так как находится в правомерном владении виновного, а обращается им в свою пользу или пользу других лиц. Изложенные же в приговоре выводы суда о форме хищения противоречивы.

«Ходорковский М. Б. и Лебедев П. Л. совершили присвоение, т. е. хищение чужого имущества, вверенного виновному, с использованием своего служебного положения, организованной группой, в крупном размере» (с. 3).

«Ходорковский М. Б., Лебедев П. Л. и другие члены организованной группы к 1998 г., завладев в том числе и посредством преступных действий, совершенных организованной группой за счет хищения путем присвоения вверенного имущества, а также легализации имущества, добытого преступным путем, в предпринимательскую и экономическую деятельность, большинством акций ОАО «НК «ЮКОС» и 100 % пакетами акций дочерних данному обществу акционерных обществ, добывающих и перерабатывающих нефть, **приобрели право на стратегическое и оперативное управление этими акционерными обществами**» (с. 3).

«С целью обеспечения совершения преступления **путем завладения правом на оперативное управление данными акционерными обществами** за счет действий подчиненного им напрямую управленческого персонала Ходорковский М. Б. совместно с Лебедевым П. Л. и другими членами организованной группы образовал подконтрольные им коммерческие организации в качестве управляющих компаний для акционерных обществ «НК «ЮКОС», «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть» ВНК» (с. 4–5).

«Так, на основании договора от 23 сентября 1998 г., заключенного во исполнение решения, принятого 31 августа 1998 г. единственным акционером – ОАО «НК «ЮКОС», полномочия исполнительного органа ОАО «Юганскнефтегаз» были переданы ЗАО «ЮКОС ЭП». Аналогичные решения были приняты ОАО «НК «ЮКОС» и в отношении других нефтедобывающих дочерних организаций – ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК, для которых ЗАО «ЮКОС ЭП» также стало управляющей организацией на основании договоров от 23 и 29 сентября 1998 г. Посредством такой вертикально-интегрированной структуры Ходорковский М. Б., Лебедев П. Л. и другие члены организованной группы **лишили руководителей нефтедобывающих акционерных обществ их полномочий на оперативное управление вверенными им коммерческими организациями, в том числе вверенного по Уставам акционерных обществ права на распоряжение добываемой нефтью.**

Согласно выстроенной Ходорковским М. Б. и другими членами организованной группы структуре управления право на распоряжение имуществом акционерных обществ, в том числе право на распоряжение добываемой нефтью перешло к руководителям ООО «ЮКОС Москва», ЗАО «ЮКОС ЭП» и ЗАО «ЮКОС РМ»» (с. 5).

«Для чего Лебедев П. Л., действуя по указанию Ходорковского М. Б., в мае 1997 г. пригласил к себе в служебный кабинет МФО «Менатеп» по адресу: г. Москва, Колпачный переулок, д. 5/4, работников подконтрольного ему СП «РТТ» и работников управления по сбыту нефтепродуктов ЗАО «ЮКОС ЭП» и дал им указание организовать **противоправное и безвозмездное изъятие всей добываемой нефти** у акционерных обществ «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть» ВНК, оформляя при этом подложные договоры (генеральные соглашения) купли-продажи нефти ОАО «НК «ЮКОС» или подконтрольной для организованной группы компанией, зарегистрированной в ЗАТО, под видом скважинной жидкости по заниженным ценам» (с. 8).

«Организуя оформление реализации нефти или нефтепродуктов от швейцарской компании в иностранную компанию, зарегистрированную в оффшорной зоне, Лебедев П. Л., Ходорковский М. Б. и другие члены организованной группы, включая в оформляемую схему сбыта такую компанию, **преследовали цель** аккумулировать на ее счетах часть легализуемых денежных средств, полученных от реализации похищенной нефти, чтобы **существенно снизить налоговое бремя**» (с. 8).

«При этом лица, подконтрольные Ходорковскому М. Б., Лебедеву П. Л. и другим участникам организованной группы, своими выступлениями на этих собраниях **ввели в заблуждение акционеров** названных акционерных обществ о существовании сделок, в частности о том, что якобы цена реализуемой нефти определена независимыми оценщиками и в каждом конкретном случае будет корректироваться, исходя из рыночных цен» (с. 9).

«Кроме того, выступающие на собраниях акционеров по поручению Ходорковского М. Б., Лебедева П. Л. и других членов организованной группы подконтрольные им лица **умышленно скрыли от акционеров**, что передача нефти добывающих предприятий ОАО «НК «ЮКОС» посредством оформления соглашений (договоров) о реализации скважинной жидкости, по существу, является безвозмездной и противоправной передачей этой нефти в чужую пользу, а также скрыли, что при этом нефтедобывающим предприятиям причиняется материальный ущерб» (с. 9–10).

«**Умышленный обман участников собраний акционеров**, председателями которых являлись подконтрольные Ходорковскому М. Б., Лебедеву П. Л. и другим членам организованной группы лица, а также участие в голосовании акционеров, заинтересованных в сделках, владеющих голосующими акциями от имени организаций, подконтрольных организованной группе, повлек незаконность проведенного на таких собраниях голосования по причине нарушения, в результате совершения Ходорковским М. Б. и членами руководимой им организованной группы указанных умышленных действий, ч. 3 ст. 83 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 65-ФЗ), устанавлива-

ющей требования к порядку заключения акционерным обществом сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

В результате такого обмана участников собраний акционеров большинством голосов были одобрены все сделки по купле-продаже нефти и скважинной жидкости, которые совершились и «будут совершаться впредь» (с. 10).

«Кроме того, **заведомо ложными в договорах являлись сведения о том, что стороны достигли договоренности о цене нефти.** Фактически такого соглашения не было, а цена на нефть участниками возглавляемой Ходорковским М. Б., Лебедевым П. Л. и другими членами организованной группы без какой-либо экономической необходимости преднамеренно занижалась в несколько раз по сравнению с реальной рыночной ценой. Тем самым, заключенные от имени ОАО «Томскнефть» ВНК, ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Юганскнефтегаз» соглашения были заключены под влиянием **злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной**, с нарушением ст. 179 ГК РФ, т. е. противоправно.

Таким образом, Ходорковский М. Б., действуя согласованно с Лебедевым П.Л., путем организации подписания генеральных соглашений фактически **лишил руководство ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК возможности самостоятельно распоряжаться добытой этими компаниями нефтью»** (с. 12–13).

«Так, в 1998 г. Ходорковским М. Б., Лебедевым П. Л. и другими членами руководимой ими организованной преступной группы **оформлено приобретение** ОАО «НК «ЮКОС» по многократно заниженным ценам нефти» (с. 13).

«Имея умысел на легализацию и следуя указаниям члена организованной группы иного лица, находящегося в розыске, действующего согласно распределенной Ходорковским М. Б., Лебедевым П. Л. и другими членами организованной группы роли, иное лицо, производство по уголовному делу в отношении которого приостановлено, обеспечило принятие от имени компании «Нассаубридж Менеджмент Лимитед» 05.08.2002 и 18.04.2003 решений о распределении дивидендов соответственно в сумме 32,8 млрд руб. и 80 млрд руб., а другой участник организованной группы – иное лицо от имени компании «Дансли Лимитед» 24.01.2003 – принятие решения о распределении дивидендов в сумме 27 млрд руб.» (с. 35).

«Тем самым иное лицо, находящееся в розыске, действуя согласованно с иным лицом, производство по уголовному делу в отношении которого приостановлено в связи с розыском, а также с остальными участниками организованной группы, с целью присвоения нефти участниками организованной группы и их обогащения за счет разницы между реальной рыночной (мировой) ценой сырья и фактически выплаченными добывающим предприятиям суммами денег для создания видимости гражданско-правовых отношений, во исполнение незаконных указаний Ходорковского М. Б., Лебедева П. Л. и других членов организованной группы, умышленно нарушило пункт 3.3.1 договоров о передаче нефтедобывающими организациями полномочий своих исполнительных органов обществу «ЮКОС ЭП», обязывающий эту управляющую организацию и ее представителей заботиться о делах соответствующих дочерних обществ в той же степени, в какой они заботились бы о ведении своих собственных дел с уче-

том презумпции знаний и опыта добросовестного коммерсанта, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК добросовестно и разумно как лицо, участвующее в отношениях особого доверия» (с. 35–36).

«Кроме того, документально оформив переработку похищенной нефти на подконтрольных им предприятиях в качестве давальческого сырья, участники организованной группы сохранили за подставными обществами номинальное право собственности и на продукцию переработки. Благодаря этому, дальнейшая реализация нефтепродуктов представляла собой одну из форм сбыта похищенной нефти и извлечения при этом членами организованной группы **необоснованного дохода за счет разницы между рыночной ценой, по которой было реализовано сырье потребителям, и суммой денег, фактически выплаченной добывающим организациям под видом оплаты за нефть для создания видимости гражданско-правовых отношений**» (с. 38).

«Так, в период с 01.01.2002 по 31.08.2002 из 43,3 млн тонн нефти, **изъят** у добывающих предприятий под видом покупки ее обществом «Ратибор», 42 829 698,014 тонн немедленно перешли на баланс ООО «Фаргойл» по средней цене 1312 руб. за тонну, в связи с чем на счета общества «Ратибор» было перечислено 56 212 152 860 руб.» (с. 57).

«Таким образом, к 31 декабря 2002 г. при активном участии иного лица, находящегося в розыске, которое достоверно знало, что действует в ущерб интересам нефтедобывающих организаций ОАО «НК «ЮКОС», из их собственности были изъяты и фиктивно зачислены в собственность ООО «Эвойл» 24 512 893 тонны нефти, в том числе принадлежащие ОАО «Юганскнефтегаз» – 15 405 080 тонн, ОАО «Самаранефтегаз» – 3 853 234 тонны и ОАО «Томскнефть» ВНК – 5 254 579 тонн. **При изъятии** нефти производителям от имени ООО «Эвойл» было перечислено 48 636 878 082 руб., что по-прежнему не превышало 20–25 % реальных цен за соответствующие месяцы» (с. 58).

«Таким образом, Ходорковский М. Б., в 2001–2003 гг. в г. Москве, совершая продолжаемое преступление, совместно с Лебедевым П. Л. и иными лицами, являющимися наряду с ними основными акционерами и высшими менеджерами ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерних управляющих организаций, руководя другими членами организованной группы, с использованием своего служебного положения, умышленно, из корыстных побуждений обеспечили **противоправное, безвозмездное изъятие и завладение** участниками организованной группы вверенной им нефтью дочерних организаций ОАО «НК «ЮКОС» – ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК в особо крупном размере и реализацию похищенной нефти, а также изготовленных из этой нефти нефтепродуктов по рыночным ценам на экспорт и на внутреннем рынке.

Всего за период 2001–2003 гг. Ходорковский М. Б., Лебедев П. Л. и другие члены организованной группы совершили хищение у ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК 200 385 116 тонн нефти общей стоимостью 811 549 054 000 руб.

Из этой суммы в результате направления части похищенных денежных средств на финансирование функционирования предприятий и организаций,

обеспечивающих дальнейшую добычу нефти, т. е. для обеспечения условий для дальнейшего хищения, в распоряжение членов организованной группы было получено 399 939 564 505,10 руб.

Всего за период 1998–2000 гг. Ходорковский М. Б., Лебедев П. Л. и другие члены организованной группы совершили хищение у ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК 147 189 184,248 тонн нефти общей стоимостью 492 486 604 892,92 руб., а именно у ОАО «Самаранефтегаз» 23 176 480,000 тонн нефти общей стоимостью 72 268 583 127,516 руб., у ОАО «Юганскнефтегаз» 81 541 965,685 тонн нефти общей стоимостью 261 725 865 764,815 руб. и ОАО «Томскнефть» ВНК 42 470 738,563 тонн нефти общей стоимостью 158 492 156 000,589 руб., причинив последним ущерб в указанном размере.

Всего за период 1998–2003 гг. Ходорковский М. Б., Лебедев П. Л. и другие члены организованной группы совершили хищение имущества ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК на общую сумму 892 426 169 398,02 руб., причинив последним ущерб в указанном размере» (с. 72–73).

«Судом установлено, что **передача полномочий исполнительных органов от нефтедобывающих предприятий первоначально к ЗАО «РОСПРОМ», а затем к ЗАО «ЮКОС ЭП» и ЗАО «ЮКОС РМ» и процедура дальнейшего управления добывающими предприятиями со стороны управляющих компаний в лице подсудимых являлись злоупотреблением правом.** Данное обстоятельство влекло нарушение равенства его участников, так как нефтедобывающие предприятия как юридические лица намеренно ставились в невыгодные для себя условия, при которых они не могли осуществлять свои права по своей воле и достигать основной цели своей деятельности – извлечение прибыли. Управление нефтедобывающими предприятиями осуществлялось исключительно в интересах группы основных акционеров, которыми к этому времени стали Ходорковский М. Б. и Лебедев П. Л., а также действующие с ними члены организованной группы» (с. 147–148).

«Исследованными в суде доказательствами установлено, что для облегчения и сокрытия совершения хищения нефти у нефтедобывающих предприятий, подсудимыми в лице ОАО «НК «ЮКОС» были разработаны и подготовлены генеральные соглашения. Заключение соглашений от 31 июля 1996 г. с ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Самаранефтегаз», а от 4 ноября 1998 г. с ОАО «Томскнефть» ВНК явно противоречило интересам добывающих компаний, **лишало их возможности самостоятельно распоряжаться добытой нефтью** и преследовало со стороны подсудимых единственную цель – беспрепятственное **завладение нефтью**, т. е. хищение уже на этапе ее извлечения из недр» (с. 155).

«Доказательствами того, что подконтрольные Ходорковскому М. Б. и другим участникам организованной группы лица своими выступлениями на общих собраниях акционеров, **ввели в заблуждение акционеров добывающих предприятий о существовании сделок**, в частности о том, что якобы цена реализуемой нефти определена независимым оценщиком и в каждом конкретном случае будет корректироваться, исходя из рыночных цен, а также умышленно скрыли от акционеров, что передача нефти добывающих предприятий ОАО

«НК «ЮКОС» посредством оформления соглашений (договоров) о реализации скважинной жидкости, по сути, является **безвозмездной и противоправной передачей этой нефти в чужую пользу**, при этом нефтедобывающим предприятиям причиняется материальный ущерб» (с. 164–165).

«Ходорковскому М. Б. и действующим совместно с ним членам организованной группы было заведомо известно, что указанными своими действиями **по изъятию** по трансфертным ценам всей добываемой нефти они причиняют нефтедобывающим предприятиям убытки, **что влечет к занижению их прибыли**» (с. 308–309).

«Вышеперечисленные доказательства подтверждают и то обстоятельство, что компании ООО «Мускрон», ООО «Митра», ООО «Кверкус», ООО «Алебра», ООО «Колрейн», ООО «Фландер», ООО «Грейс», ООО «Виртус», ООО «Нортекс», ООО «Бизнес-Ойл», ООО «Форест-Ойл», ООО «ЮКОС-Инвест», ООО «Вальд-Ойл» **использовались для придания видимости законности сделкам с похищенной нефтью и нефтепродуктами, а также в получении обогащения за счет незаконного получения льгот по налогам и сборам** на территории ЗАТО. Общества были лишь инструментом совершения «отмывания» в распоряжении Лебедева П. Л., Ходорковского М. Б. и действующих под их руководством членов организованной группы» (с. 328–329).

«К показаниям свидетелей Гильманова Т. Р. и Анисимова П. А. о том, что им неизвестно о фактах хищения нефти у нефтедобывающих предприятий ОАО «НК «ЮКОС» в объемах, указанных в обвинении, и что такие объемы нефти похитить невозможно, суд относится критически, поскольку показания ими даны без учета обстоятельств юридического оформления **изъятия** и отчуждения нефти у нефтедобывающих предприятий, а также без учета тех обстоятельств, что подсудимым предъявлено обвинение не в краже нефти, а в присвоении нефти за счет существенного занижения ее стоимости» (с. 620).

«Показания свидетеля Гаранова А. Б. о том, что заключение ОАО «НК «ЮКОС» генеральных соглашений с нефтедобывающими предприятиями было произведено в соответствии с требованиями законодательства, какой-либо ущерб нефтедобывающим предприятиям в результате заключения указанных генеральных соглашений причинен не был, законность заключения указанных соглашений подтверждена решениями арбитражных судов, суд считает несостоятельными, поскольку в судебном заседании исследованными доказательствами подтверждена незаконность заключенных нефтедобывающими предприятиями генеральных соглашений с ОАО «НК «ЮКОС», в результате которых **вся нефть, принадлежащая нефтедобывающим предприятиям, перешла во владение подсудимым Ходорковскому М. Б., Лебедеву П. Л. и другим членам организованной группы**» (с. 621).

«Фактически же генеральными соглашениями и договорами о передаче полномочий добывающие компании – ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Сама-ранефтегаз» и ОАО «Томскнефть» **лишались права на распоряжение своим имуществом – добываемой продукцией в виде скважинной жидкости**, с момента ее извлечения из скважины на месте добычи, которая в 1998–1999 гг. передавалась ОАО «НК «ЮКОС», а затем в 2000–2003 гг. – ЗАО «ЮКОС ЭП»» (с. 651).

«Так, исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами подтверждено то обстоятельство, что вся нефть нефтедобывающих предприятий была вверена Ходорковскому М. Б., Лебедеву П. Л. и другим членам организованной группы, которые обращали нефть в свою пользу с одновременным оформлением фиктивных договоров купли-продажи нефти, из которых следовало, что нефть реализована сторонним покупателям по рыночной цене» (с. 654).

«В судебном заседании установлено, что **хищение нефти совершалось членами организованной группы путем завладения правом управления нефтедобывающими предприятиями и правом распоряжения принадлежащим им имуществом, которым они распоряжались по своему усмотрению.**

Подсудимыми нефть **изымалась** у добывающих организаций по фиктивным договорам и актам приемки-передачи, в связи с чем в бухгалтерском учете (в балансах организации) не будет выявлено недостачи и сведения об остатках на складах будут соответствовать данным об остатках товаров по бухгалтерскому учету» (с. 655).

«Имеющие в деле доказательства подтверждают обоснованность обвинения в том, что **умышленный обман участников собраний акционеров**, председателями которых являлись подконтрольные Лебедеву П. Л., Ходорковскому М. Б. и членам организованной группы лица, а также участие в голосовании акционеров, заинтересованных в сделках, владеющих голосующими акциями от имени организаций, подконтрольных организованной группе, повлек незаконность проведенного на таких собраниях голосования по причине нарушения в результате совершения Лебедевым П. Л., Ходорковским М. Б. и членами руководимой ими организованной группы указанных умышленных действий в нарушение ч. 3 ст. 83 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 65-ФЗ), устанавливающей требования к порядку заключения акционерным обществом сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

Председателем собрания акционеров ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Юганскнефтегаз» являлось иное лицо, которое занимало также пост председателя совета директоров указанных обществ и было подконтрольным Лебедеву М. Б. и Ходорковскому М. Б. По вопросам одобрения сделок выступала Бахмина С. П., в отношении которой постановлен обвинительный приговор, — начальник отдела правового управления ЗАО «ЮКОС-Москва», которая **ввела в заблуждение акционеров о существовании сделок**, что якобы цена реализуемой нефти определена независимым оценщиком и в каждом конкретном случае будет корректироваться, исходя из рыночных цен.

Оглашенными в ходе судебного заседания доказательствами установлено, что, заключение «независимого оценщика», по существу, являлось заведомо ложным документом, специально подготовленным по указанию одного из руководителей организованной группы Лебедева П. Л. иным лицом — членом организованной группы для обмана акционеров с целью склонения их к принятию необоснованного решения» (с. 663–664).

«Исходя из вышеизложенного, суд считает, что материалами уголовного дела полностью доказана вина подсудимых Лебедева П. Л. и Ходорков-

ского М. Б. в том, что они и другие члены организованной группы, действуя с корыстной целью незаконного обогащения, склонив лиц подписать генеральные соглашения от имени ОАО «НК «ЮКОС» с ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК, одновременно действовали с намерением причинить вред другому лицу, в нарушение ст. 10 ГК РФ, т. е. противоправно, что позволило им завладеть имуществом нефтедобывающих предприятий и распоряжаться им по своему усмотрению» (с. 665).

Таким образом, суд неоднократно использует при характеристике способа хищения термины «изъятие», «завладение правом», «обман», «введение в заблуждение», но единственная форма хищения, при которой изъятие совершается путем обмана или злоупотребления доверием – это мошенничество (ст. 159 УК РФ). К тому же только при мошенничестве можно завладеть не только имуществом, но и правом на него.

Поскольку форма хищения описана в приговоре противоречиво, то, естественно, закономерно возникает вопрос: было ли хищение вообще или совершено другое деяние?

В приговоре можно обнаружить косвенные подтверждения высказанного тезиса:

1. Так, по мнению суда, **цель виновных состояла в том, чтобы существенно снизить налоговое бремя** (с. 8). Для такого вывода имелись основания. В частности, допрошенный в суде свидетель Дергунов показал, что «продажа скважинной жидкости была придумана для того, чтобы **снизить налоги** путем снижения доходов и обратить прибыль в свою пользу. И тем самым были ущемлены права акционеров на прибыль» (с. 169). Из показаний свидетеля Авалишвили усматривается, что «была уменьшена налогооблагаемая база за счет применения внутренних корпоративных цен (цена на нефть стала 250 руб.), были сокращены платежи в бюджет» (с. 196) и «все акционеры оказались без прибыли, они не имели права, возможности распределять и участвовать в этой прибыли» (с. 197). Свидетель Христенко пояснил суду, что «**пострадавшими от несправедливых внутрикорпоративных трансфертных цен могли быть три категории: федеральный бюджет, региональный бюджет и миноритарные акционеры**» (с. 285, 610, 649–650). Свидетель Греф добавил к этому, что «трансфертное ценообразование на практике является большой проблемой. Она заключалась в том, что при трансфертном ценообразовании дочерние организации, у которых приобретались нефть или газ, являлись центром издержек. Прибыль куда-то выводилась. **При этом причинялся вред государству, которое не получало налоги. Вторая составляющая – нарушение прав миноритарных акционеров.** Если дочерняя компания является центром затрат, то страдают миноритарные акционеры, потому что они не участвуют в разделе прибыли, которая должна была распределяться пропорционально» (с. 285, 610, 649–650).

Все эти показания, равно как и все другие доказательства стороны обвинения, признаны судом «относимыми, допустимыми, достоверными, основанными на законе, так как они получены в соответствии с требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства, и достаточными для разрешения данного уголовного дела, а потому считает возможным положить их в основу приговора» (с. 628).

К тому же суд признает, что подсудимые нарушили требования ст. 40 НК РФ (с. 609), а занижение цен является незаконным, что установлено гражданским и налоговым законодательством РФ (с. 648).

В связи с этим суду пришлось разрешить и еще один вопрос, а именно: не является ли предъявленное подсудимым обвинение идентичным тому, по которому они уже были осуждены по приговору Мещанского районного суда г. Москвы от 16.05.2005. Отвергая доводы защиты о тождественности нового обвинения ранее предъявленному, суд привел следующие аргументы:

«Доводы стороны защиты о том, что обвинение в присвоении нефти и уклонение от уплаты налогов являются одними и теми же преступлениями, так как налоги, по их версии, уплачивались с похищенной нефти, являются несостоятельными. Налоги уплачены с прибыли, а участниками организованной группы похищено имущество в виде нефти. Прибыль не является имуществом, так как это расчетная бухгалтерская величина, являющаяся разницей между доходами и расходами. Похитить цифры, существующие в бухгалтерской отчетности, невозможно, а совершить хищение нефти, являющейся материальной величиной, имуществом, возможно. Объектом налогового правонарушения (преступления) являются отношения по уплате налоговых платежей (налогов) в бюджет. Базой для исчисления ставок налога является не имущество, а расчетная величина между доходами и расходами. Объектом же присвоения (хищения) являются отношения по поводу владения, пользования и распоряжения определенным имуществом. В связи с этим утверждения подсудимых и стороны защиты о том, что невозможно требовать уплаты налогов, если вся нефть была похищена, не обоснованы, так как объекты преступлений различны» (с. 658–659).

«В ходе судебного разбирательства по настоящему делу сторона защиты неоднократно приводила довод о том, что инкриминируемое подсудимым в рамках так называемого хищения вверенной нефти и легализации деяние уже было предметом судебного разбирательства, по результатам которого Мещанским районным судом города Москвы 16.05.2005 в отношении Ходорковского М. Б. и Лебедева П. Л. был постановлен обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

Суд критически относится к этим доводам по следующим основаниям:

Ходорковский М. Б. и Лебедев П. Л. приговором Мещанского районного суда города Москвы от 16 мая 2005 г. осуждены по ч. 3 ст. 33, п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 199 УК РФ за уклонение от уплаты налогов на общую сумму 17 395 449 282 руб. в 1999–2000 гг. льгот в зоне льготного налогообложения г. Лесной Свердловской области и неуплаты налоговых платежей денежными средствами путем передачи векселей ОАО «НК «ЮКОС» с использованием юридических лиц – ООО «БИЗНЕС-ОЙЛ», ООО «Митра», ООО «Вальд-Ойл», ООО «Форест-Ойл».

По настоящему уголовному делу они обвиняются в совершении в 1998–2003 гг. хищения путем присвоения за период 1998–2003 гг. у ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК.

Однако из приведенных данных усматривается, что Ходорковскому М. Б. и Лебедеву П. Л. по настоящему делу предъявлено обвинение в совершении

других преступлений, не совпадающих с преступлениями, за совершение которых они осуждены по приговору Мещанского районного суда города Москвы, т. е. не совпадают периоды времени совершения преступлений, объекты преступного посягательства.

Таким образом, подсудимым не вменены два раза одни и те же объекты преступного посягательства, в одном случае как уклонение от уплаты налогов, в другом – как хищение путем присвоения» (с. 661–662).

Но время совершения «первого» преступления (1999–2000 гг.) полностью охватывается периодом «второго» (1998–2003 гг.). Оба преступления совершены одними и теми же лицами, в одном и том же месте (г. Лесной Свердловской области), одним и тем же способом. Нельзя согласиться и с мнением суда о том, что это – разные преступления, поскольку у них разные объекты, так как:

1) статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. провозглашает, что никто не может быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны. Этот международно-правовой принцип закреплен также в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ («Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление») и в ч. 2 ст. 6 УК РФ («Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление»). Пункт 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ устанавливает, что уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается при наличии в отношении его вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению;

2) под обвинением действующий уголовно-процессуальный закон понимает утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ). При этом в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должно содержаться описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ);

3) из содержания п. 22 ст. 5 и п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ вытекает, что под тем же обвинением следует понимать те же самые фактические обстоятельства совершенного деяния (время, место, способ, обстановка и др.). Его уголовно-правовая квалификация в данной ситуации значения не имеет, так как в противном случае придется признать, что всякая иная оценка деяния (в том числе и как идеальной совокупности двух или более преступлений) должна приводить к фактическому непризнанию и игнорированию обязанности вступившего в законную силу обвинительного или оправдательного приговора, а также иного судебного решения (ч. 1 ст. 392 УПК РФ).

Таким образом, если содеянное было квалифицировано следователем, дознавателем или прокурором одной или несколькими статьями Особенной части УК РФ, и по этому обвинению постановлен обвинительный или оправдательный приговор, то его вступление в силу исключает повторное рассмотрение уголовного дела в отношении того же лица по тем же самым фактическим обстоятельствам, даже если:

-
- деянию дана иная уголовно-правовая квалификация;
 - вторично деяние дополнительно квалифицировано уже как идеальная совокупность двух или более преступлений;
 - новые факты, которые не были непосредственно отражены в приговоре, являются частью того сложного преступления, по которому было сформулировано прежнее обвинение;
 - вменяемое в вину действие (бездействие), которое хотя и характеризуется некоторой самостоятельностью, но по сути дополняет указанное в приговоре деяние и составляет с ним одно целое, т. е. единое преступление.

Уголовное преследование такого лица во всех перечисленных случаях должно быть, безусловно, прекращено на всех стадиях уголовного судопроизводства (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, ст. 212, 239, 254 УПК РФ и др.), а новое рассмотрение дела будет противоречить международно-правовому, конституционному и уголовно-правовому принципу недопустимости повторного осуждения за одно и то же деяние.

2. Суд, признав, что «стороной обвинения обоснованно рассчитан ущерб в соответствии с рыночными ценами, существовавшими на тот период, а именно котировками нефти на биржах» (с. 686), точно установив размер похищенного – 892 426 169 398,02 рублей (с. 687) и круг потерпевших от преступления – ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Томскнефть», в то же время, вопреки установленным обстоятельствам, иск не удовлетворил, лишь признав за истцами «право на удовлетворение гражданских исков, а вопрос о размере возмещения гражданских исков передать для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства» (с. 687, 689).

Такое же решение принято и относительно возмещения ущерба при легализации (отмывании) денежных средств, хотя преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ – это вторичное деяние, пострадать от которого довольно затруднительно, поскольку все «потерпевшие» становятся владельцами уже похищенного имущества и вырученных от его реализации денежных средств, т. е. вторичными владельцами. Отнюдь не случайно суд в описательной части приговора, точно указав, что «всего Ходорковским М. Б., Лебедевым П. Л. и членами организованной группы в 1998–2004 гг. были легализованы денежные средства в сумме 487 402 487 523,59 руб. и 7 576 216 501,76 долларов США» (с. 130), в то же время не перечислил конкретных потерпевших от этого деяния. Эти суммы на с. 687 приговора названы уже материальным ущербом от легализации, но из текста приговора так и осталось неясно, какой вид и размер вреда причинен легализацией потерпевшим и гражданским истцам, тем более что потерпевший Белокрылов в ходе судебного разбирательства дела не допрашивался.

Очевидно, что к такому необоснованному и противоречащему предыдущим выводам суда о количестве и стоимости похищенной нефти решению по гражданским искам привела трактовка судом признака безвозмездности хищения. С точки зрения суда, «доводы подсудимого Ходорковского М. Б. о том, что в отчетности добывающих предприятий отсутствуют сведения о пропаже нефти, а поступление выручки за нее исключает признак безвозмездного изъятия нефти, также несостоятельны, так как согласно материалам дела имело

место изъятия нефти у добывающих предприятий с одновременным составлением документов о выбытии ее под видом сделок купли-продажи, в связи с чем в отчетности добывающих предприятий и не должны были отражаться сведения о пропаже нефти. Поступление выручки за нефть, похищаемой под видом купли-продажи, также не исключает признак безвозмездности в связи с тем, что предоставление неравноценной замены за похищаемое имущество также рассматривается как безвозмездное завладение. Кроме того, материалами дела доказано, что под видом оплаты за нефть в добывающие предприятия поступали денежные средства для обеспечения дальнейшей добычи нефти и последующего ее хищения, цена за продаваемую нефть устанавливалась для добывающих предприятий службами ЗАО «ЮКОС ЭП» и ООО «ЮКОС-Москва» исходя из их затрат на добычу» (с. 652).

Хищение в форме присвоения действительно совершается и способом замены имущества на другое, менее ценное. Но при этом потерпевший о такой замене не знает. В данном же деле оплата за нефть была потерпевшими принята. В таком случае полное удовлетворение исковых требований означало бы, что истцы получают неосновательное обогащение, поскольку «похищенная» нефть уже частично оплачена. Поэтому суду, как представляется, и пришлось принять по искам решение, для которого нет никаких фактических оснований.

3. В приговоре встречаются весьма неопределенные и неконкретные утверждения: «применение Ходорковским М. Б. и Лебедевым П. Л. при организации оформления изъятия у ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть» ВНК и ОАО «Самаранефтегаз» и дальнейшей реализации нефти заниженных цен, обеспечение ими выведения таким способом получаемой от такой реализации денежных средств на счета подконтрольных только им зарубежных организаций, сокрытие информации о таких операциях и местах сосредоточения прибыли от акционеров, государственных налоговых и других регулирующих органов, противоречило не только российскому законодательству, но также и всем **международным стандартам**, на которые сослались подсудимые» (с. 609). «Действия подсудимых по руководству дочерними предприятиями не соответствуют законодательству Российской Федерации» (с. 648)». «Исследованными в ходе судебного заседания доказательствами установлено, что эти цены являлись не трансфертными, а были незаконно занижены, а практика их применения в ОАО «НК «ЮКОС» **зарубежным и российским стандартам** не соответствовала» (с. 673–674). При этом какие-либо международные или зарубежные стандарты, которые были нарушены подсудимыми, в приговоре так и не названы.

2. Суд односторонне и выборочно применил положения ст. 90 УПК РФ, дав этой норме закона расширительное толкование, где это соответствовало выводам стороны обвинения

В приговоре содержатся ссылки на вступившие в законную силу приговоры и решения судов по гражданским делам:

– приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 16 мая 2005 г. в отношении Ходорковского, Лебедева и Крайнова (с. 137–138, 231, 254, 257, 319–320, 592, 632–633, 666);

-
- приговор Симоновского районного суда от 19 апреля 2006 г. (с. 180–181);
 - приговор Басманного районного суда г. Москвы от 13 марта 2006 г. в отношении Величко (с. 254–255, 324);
 - приговор Басманного районного суда г. Москвы от 1 марта 2007 г. в отношении Малаховского и Переверзина (с. 269, 277, 297–299, 517, 630–631);
 - решения Арбитражного суда г. Москвы от 23 декабря 2004 г. (с. 319, 592–593), от 28 апреля 2005 г. (с. 319, 327, 592–593), от 29 сентября 1999 г. (с. 379);
 - приговор Кушвинского городского суда Свердловской области от 7 февраля 2007 г. в отношении Иванникова (с. 320–321);
 - приговор Миасского городского суда Челябинской области от 16 июля 2007 г. в отношении Лубенина (с. 321);
 - приговор Басманного районного суда г. Москвы от 4 апреля 2008 г. в отношении Карасёвой (с. 323).

Кроме того, суд признал доказательственное (преюдициальное) значение других судебных актов и иных процессуальных решений:

- постановление Басманного районного суда г. Москвы от 26 марта 2008 г. о прекращении уголовного дела в отношении Карасёвой по амнистии (с. 323–324);
- постановления УФСНП по Свердловской области о возбуждении уголовного дела от 3 сентября 2001 г. по факту уклонения от уплаты налогов (с. 422–423);
- полицейского отчета из Испании (с. 541);
- решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (с. 542);
- решений судов Нидерландов (с. 542).

Обстоятельства, установленные как перечисленными в ст. 90 УПК РФ судебными решениями, так и некоторыми другими процессуальными актами, подтверждающими обвинение, суд признал имеющими безусловную преюдициальную силу.

Кроме того, суд признал преюдициальное значение не только обстоятельств, установленных некоторыми предыдущими приговорами, но и, опровергая доводы защиты, оценки этими судами доказательств как допустимых (с. 630–631, 632–633).

Что же касается решений арбитражных судов по гражданским делам, на которые ссылалась сторона защиты, то установленные ими обстоятельства суд категорически отверг, сославшись на то, что «арбитражные суды, будучи введенными в заблуждение, «приходили» к выводу, что добывающие компании при заключении генеральных соглашений с ОАО «НК «ЮКОС» были самостоятельными сторонами сделки, поэтому мотивировкой судов при принятии решений было то, что стороны осуществляли сделки купли-продажи нефти. В связи с чем суды не находили оснований для признания заключенного между ответчиками соглашения мнимой или притворной сделкой, полагая, что стороны были свободны в определении условий договора, касающихся платности услуг.

В настоящее время установлены обстоятельства, которые не были известны арбитражным судам и истцам, а также искажались ответчиками на этих судебных процессах, которыми от лица добывающих предприятий были

представители юридического департамента ООО «ЮКОС». Таким образом, суд считает показания свидетеля Гаранова А. Б. в части законности заключенных нефтедобывающими предприятиями генеральных соглашений с ОАО «НК «ЮКОС» недостоверными и противоречащими фактическим обстоятельствам, установленным совокупностью собранных доказательств» (с. 622).

«Доводы подсудимых и стороны защиты о том, что вступившими в законную силу решениями арбитражных судов в отношении ОАО «НК «ЮКОС» применяемая схема реализации нефти с использованием ряда многочисленных организаций-посредников определена как способ уклонения ОАО «НК ЮКОС» от уплаты налогов, а также о том, что решениями этих судов установлено, что собственником нефти, добываемой ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК, является ОАО «НК ЮКОС», что имеет преюдициальное значение и свидетельствует о невозможности квалификации действий обвиняемых как хищение нефти, суд считает несостоятельными.

Оценивая указанные решения арбитражных судов, суд считает, что они не влияют на обстоятельства, установленные в ходе настоящего судебного разбирательства, связанные с хищением нефти нефтедобывающих предприятий и последующей легализацией денежных средств, поскольку арбитражными судами эти вопросы не рассматривались. Предметом судебного рассмотрения в арбитраже являлись вопросы, связанные с деятельностью хозяйствующих субъектов и соблюдением ими налогового законодательства» (с. 658).

«При таких обстоятельствах суд приходит к выводу, что решения арбитражных судов не опровергают и не влияют каким-либо образом на установление обстоятельств совершения преступлений по настоящему делу, а также на выводы суда о виновности подсудимых и квалификацию их действий.

В ходе судебного заседания Ходорковским М. Б. было сделано заявление о том, что его невиновность подтверждена 61-м судебным решением, вступившим в законную силу. Суд не может согласиться с указанным доводом, поскольку предметом судебного рассмотрения в арбитражных судах являлись вопросы, связанные с деятельностью хозяйствующих субъектов и соблюдением ими налогового законодательства. На момент вынесения указанных Ходорковским М. Б. решений, судам не был известен механизм хищения нефти нефтедобывающих предприятий ОАО «НК «ЮКОС», разработанный Ходорковским М. Б., Лебедевым П. Л. и другими участниками организованной группы» (с. 660–661).

Стоит отметить, что в приговоре содержится единственная ссылка на ст. 90 УПК РФ (с. 630–631), но текст этой нормы приведен судом в явно «урезанном» виде: «Согласно положению статьи 90 УПК РФ, обстоятельства, установленные приговором, вступившим в законную силу, признаются судом без дополнительной проверки». Уже в ходе рассмотрения дела Ходорковского и Лебедева Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. редакция ст. 90 УПК РФ была изменена, и законодатель признал преюдициальную силу решений судов, принятых в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, которые должны признаваться без дополнительной проверки. **Суд, в соответствии со ст. 4 УПК РФ (на которую, кстати, суд в приговоре несколько раз ссылается при опровержении доводов защиты: с. 631–632, 636) должен**

был руководствоваться новой редакцией закона, т. е. признать преюдициальное значение и тех решений арбитражных судов, которые опровергали доводы стороны обвинения.

3. Непосредственность судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ)

Многие выводы суда основываются на оглашенных в ходе судебного следствия в порядке ст. 281 УПК РФ показаний свидетелей Миллера, Карасёвой, Логачёва, Власовой, Юрова, Гулина и других, а также доказательств, полученных в результате копирования материалов других уголовных дел. Такой способ собирания доказательств крайне сомнителен, поскольку:

3.1. Действующий уголовно-процессуальный закон допускает осмотр документов в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 176 УПК РФ)

Вместе с тем в рассматриваемом случае объектом осмотра выступает уголовное дело, находящееся в производстве следователя. Скопированные в ходе осмотра материалы такого дела (в частности, протоколы следственных и иных процессуальных действий, заключения экспертов и специалистов), приобщенные к выделенному делу, не могут быть отнесены к доказательствам, в том числе к документам в смысле ст. 81, 84 УПК РФ, по выделенному делу, поскольку законом (раздел III УПК РФ) такой способ собирания доказательств не предусмотрен. При этом необходимо иметь в виду, что процессуальная самостоятельность и свобода усмотрения следователя, в том числе и в вопросах собирания доказательств, не являются безусловными: они ограничены только теми следственными и иными процессуальными действиями и решениями, которые прямо предусмотрены процессуальным законом (п. 6 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

Кроме того, уголовное дело, находящееся в производстве следователя и ставшее объектом осмотра, на момент проведения такого осмотра не подшито и не пронумеровано, если обратное прямо не указано в протоколе осмотра. Этот вывод определяется тем обстоятельством, что обязанность представления материалов дела в подшитом и пронумерованном виде возникает у следователя лишь в момент, предусмотренный ст. 215 УПК РФ. Поэтому установить истинные объем и содержание осматриваемого дела не представляется возможным, что позволяет совершенно произвольно и выборочно откопировать только те материалы, которые сторона обвинения считает нужными для себя.

3.2. Осмотр материалов другого уголовного дела по своей сути означает его изъятие, пусть и временное, из производства следователя, что относится к исключительной компетенции руководителя следственного органа (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ)

Если же дело, осмотр материалов которого производится, находится в производстве суда, то это может рассматриваться как воспрепятствование осуществлению правосудия.

3.3. Участвующие в осмотре материалов уголовного дела понятые становятся обладателями данных предварительного расследования по другому уголовному делу

Следовательно, они в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 161 УПК РФ должны быть предупреждены о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования и об ответственности по ст. 310 УК РФ.

3.4. Часть 1 ст. 170 УПК РФ обязывает понятых удостоверить не только факт производства следственного действия, но также его ход и результаты

Поэтому каждая копия процессуального документа из уголовного дела должна быть удостоверена их подписями. Простое указание в протоколе осмотра на перечень скопированных документов является явно недостаточным и не устраняет необходимости наличия подписей понятых на каждой снятой копии.

3.5. В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются протоколы следственных и судебных действий, но не их копии

Даже при восстановлении утраченного уголовного дела сохранившиеся копии его материалов лишь могут быть признаны доказательствами (ч. 2 ст. 158.1 УПК РФ). В связи с этим копии материалов другого уголовного дела, прежде всего копии протоколов проведенных по другому делу следственных и иных процессуальных действий, заключений экспертов и специалистов, не могут рассматриваться в качестве документов в смысле ст. 81, 84 УПК РФ, т. е. не могут иметь доказательственного значения.

Протоколы следственных действий, заключения экспертов и специалистов оцениваются с точки зрения их допустимости только в рамках того уголовного дела, при производстве по которому было совершено каждое следственное действие, назначена экспертиза или истребовано заключение специалиста. При такой оценке необходимо проверить, в частности, возбуждено ли уголовное дело, не истекли ли сроки его расследования, не приостановлено и не прекращено ли оно, не признаны ли какие-либо доказательства недопустимыми и другие обстоятельства. Следовательно, сторона защиты по выделенному делу при выборочном копировании без ее участия материалов из другого дела и приобщении их к выделенному делу фактически полностью теряет такую возможность. Указанное обстоятельство само по себе не позволяет признать такие доказательства допустимыми, поскольку они получены с грубым нарушением предусмотренных УПК РФ прав стороны защиты. Кроме того, нельзя исключить, что копия доказательства, уже признанного недопустимым по основному делу, станет или будет сочтена допустимым доказательством по выделенному, что также недопустимо.

Если основное и выделенное дело будут соединены вновь, то все находящиеся в выделенном деле копии протоколов следственных действий, заклю-

чений экспертов и специалистов немедленно потеряют всякое «доказательственное значение», тем более что они его и не приобрели.

Копии доказательств, допустимость которых нельзя оценить, изначально не имеют доказательственного значения.

Копирование следователем протоколов следственных и иных процессуальных действий, заключений экспертов и специалистов, полученных по другому делу, в ходе осмотра материалов этого уголовного дела не предусмотрено законом в качестве способа собирания доказательств. Следовательно, полученные таким путем доказательства являются недопустимыми.

Кроме того, если при производстве осмотра материалов уголовного дела не установлен точный объект этого следственного действия, нарушены требования п. 1 ч. 1 ст. 39, ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 170 УПК РФ, то копии протоколов следственных и иных процессуальных действий, заключений экспертов и специалистов, полученные таким способом, не имеют доказательственного значения (являются недопустимыми доказательствами) как по основному, так и по выделенному уголовному делу.

Тот факт, что большинство выводов суда основано на копиях материалов других уголовных дел, косвенно, но весьма наглядно подтверждается полным отсутствием процессуальных издержек по очень объемному, сложному, многоэпизодному делу Ходорковского и Лебедева, расследование и рассмотрение которого продолжалось в течение нескольких лет. В резолютивной части приговора (с. 687–689) об их наличии ничего не сказано. Очевидно, что все процессуальные издержки связаны с производством по другим уголовным делам.

4. Общий вывод

Вопреки требованиям ст. 15 УПК РФ суд, нарушив предписания ст. 90, 240, 246, 252 УПК РФ, одновременно выполнил функцию обвинения и функцию разрешения дела. Обвинительный уклон в деятельности суда усматривается в том, что суд:

- вышел за пределы судебного разбирательства и по кругу лиц, и по предъявленному обвинению;

- не принял обязательный для него отказ государственных обвинителей от части предъявленного обвинения, согласившись лишь с очевидным фактом – арифметической ошибкой, допущенной стороной обвинения;

- односторонне и выборочно применил положения ст. 90 УПК РФ, дав этой норме закона расширительное толкование, где это соответствовало выводам стороны обвинения;

- признал все доказательства, представленные стороной обвинения, относимыми, допустимыми, достоверными, основанными на законе, так как они получены в соответствии с требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства, и достаточными для разрешения данного уголовного дела, а потому счел возможным положить их в основу приговора;

- полностью отверг все доказательства, представленные стороной защиты;

– по всем спорным вопросам и во всех сомнительных ситуациях (о территориальной подсудности уголовного дела, о допустимости полученных доказательств, о конкуренции норм УПК РФ и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») однозначно поддержал сторону обвинения.

Заключение подготовлено доктором юридических наук, профессором А. Д. Прошляковым, обсуждено и одобрено на заседании кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии (протокол от 27 июня 2011 г. № 6).

Заведующий кафедрой уголовного процесса
Уральской государственной юридической академии
доктор юридических наук, профессор

А. Д. Прошляков

Рафаэль Санти. «Правосудие» (1519)

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПРАВОСУДИЯ»

Рафаэль Санти (1483–1520) – любимый художник человечества, гений Возрождения, титан Ренессанса, маэстро мадонн, Божественный. Какие только эпитеты не приписываются выдающемуся художнику. Само Провидение благоволило триумфу Мастера в искусстве. Имя его – синоним всей живописи. Творчество его – остановка в вечности. Жизнь его – увлекательное, но, увы, недолгое приключение. Написаны диссертации, сняты фильмы, изданы романы о судьбе и творчестве Рафаэля. Любой музей, имеющий в своем собрании его работы, всегда заявляет о себе как о величайшей сокровищнице.

Казалось, работы его известны наперечет, а каталог его творчества скрупулезен и полон. Но история вновь приоткрыла занавес над одной из своих тайн, когда в 2017 г. реставраторы, работавшие над восстановлением первоначального облика Зала Константина в Ватикане, обнаружили фрагменты двух фресок, которые были написаны не учениками Рафаэля (как считалось ранее), а самим Мастером. Аллегии Мира (Дружбы) и Правосудия (Справедливости) были написаны Рафаэлем около 1519 г., однако он скончался прежде, чем смог закончить роспись всего зала. После его смерти над стенами работали другие художники, и эти две картины были забыты.

Ключом к разгадке послужило упоминание в книге Джорджо Вазари «Жизнеописания прославленных живописцев, ваятелей и зодчих», что Рафаэль начал работу над двумя фигурами, экспериментируя с масляными красками.

Когда реставраторы приступили к работе, они поняли, что две женские фигуры были написаны именно маслом, тогда как остальные рисунки на стенах выполнены в технике фрески. Ультрафиолетовые и инфракрасные снимки подтвердили предположения ученых: эти две картины не были похожи на остальные, а роспись маслом явно демонстрировала применение новых в то время технологий. Впрочем, эксперты опознали произведения Рафаэля по другим искусствоведческим признакам руки художника: мягкости и округлости форм, гармонии колорита и уравновешенности композиции, ясности и возвышенности сюжета.

Аллегория «Правосудия» по Рафаэлю являет восседающий женский образ богини со свойственными для нее атрибутами – весами, древним мерилом добра и зла, и страусом, птицы, традиционно олицетворяющей справедливость (дело в том, что в отличие от других пернатых любое перо страуса имеет одинаковое (справедливое) опахало по обе стороны от стержня). Взгляд Фемиды отстранен и уравновешен, она не замечает всех драм, разворачивающихся на фресках вокруг нее. Ее задача только в одном – щедро одаривать благами правопослушных страждущих и беспристрастно карать поправших закон.

Конечно, случилось чудо – чудо возрождения «Правосудия». С возвращением! Остается лишь надеяться, что торжество справедливости останется не только художественной аллегорией выдающегося гуманиста человечества...